

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев   канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола   д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц   д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик   д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель   д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости   д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич   д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин   д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин   чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки   д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер   д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон   д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд   д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун   д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм   д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

- Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Sergey A. Komissarov Candidate of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- Andrey V. Varenov Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Sergey A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- Nataliya L. Zhukovskaya Doctor of Sciences (History) (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- Artem I. Kobzev Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Nataliya V. Kutafyeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- Aleksey A. Maslov Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
- Aleksandr N. Mescheryakov Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
- Germann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- Vladimir N. Plastun Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Petr E. Podalko Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- Natasha V. Suhadolnik Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zhaken K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
- Takakura Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- Lothar von Falkenhausen Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- Evgeniya L. Frolova Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Культура, искусство и археология Китая

- Войтишек Е. Э.* Вклад литератора Ли Юя в развитие ароматической культуры Китая XVII века 9
- Варенов А. В., Пан Т. А.* Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции 21
- Петров К. К.* К истории перевода первого закона живописи Се Хэ 42
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди 50

История Китая

- Маслов А. А.* В поисках сохранения западной идентичности: ранний период развития масонства в Китае (XIX – начало XX века) 62
- Верченко А. Л.* Первый опыт советско-китайского сотрудничества в кинематографии (1949–1950) 70
- Самойлов Н. А., Андреева Е. Г.* Сравнительное изучение образа Петра Великого в учебной литературе КНР, Великобритании и США 81

Литература и лингвистика Китая

- Родионова О. П.* Китайский писатель Чжан Сюэдун и художественное своеобразие его творчества 92
- Дрейзис Ю. А.* Поверяя границы: исследование возможностей языка в современной китайской поэзии (на англ. яз.) 104
- Дурьманова А. Д.* Функция аргументного дистинктивного контекста у 被 бэй (на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн») 114
- Кирюхина Л. В.* Из истории изучения категории 代词 дайцы в китайском языкознании 128

Из истории российской синологии

Маяцкий Д. И., Завидовская Е. А. Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений 141

Харитонова А. М., Лю Жомэй. «Песнь святого сновидения» и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского) 153

Класс Конфуция

Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А. Вместе ради общего будущего – вопреки препятствиям и трудностям: Отчет о работе в 2021 году «Института Конфуция» Новосибирского государственного университета (на кит. яз.) 164

Ян Жун. Изучение и анализ влиятельности русской версии сайта информационного агентства «Синьхуа» за рубежом (на кит. яз.) 173

Чжао Пань, Николаева Н. Ш. Научно-практическая конференция «Историческое наследие и кросс-культурные связи на Великом Шелковом пути» 182

In Memoriam

Памяти Людмилы Васильевны Тюрюминой (1940–2022) 185

Информация для авторов 187

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Culture, Art and Archaeology of China

- Voytishchik E. E.* Contribution of Writer Li Yu to the Development of Incense Culture in 17th Century China 9
- Varenov A. V., Pan T. A.* Medieval Chinese Painting “Nomads” and the Problem of its Attribution 21
- Petrov K. K.* The History of Translation of Xie He’s First Law of Painting 42
- Komissarov S. A., Solovyev A. I.* Footprints of a Golden Camel Near Qin Shihuangdi’s Mausoleum 50

History of China

- Maslov A. A.* In Search of the Preservation of Western Identity: The Early Stage of Development of Freemasonry in China (19th and Early 20th Centuries) 62
- Verchenko A. L.* The First Experience of the Soviet-Chinese Cooperation in Cinematography (1949–1950) 70
- Samoylov N. A., Andreeva E. G.* A Comparative Study of the Image of Peter the Great as Presented in Educational Literature in the PRC, UK and USA 81

Literature and Linguistics of China

- Rodionova O. P.* Chinese Writer Zhang Xuedong and His Fictional Features 92
- Dreyzis Yu. A.* Probing the Boundaries: Language Exploration in Contemporary Chinese Poetry 104
- Durymanova A. D.* Argument Distinctive Context Functioning of 被 *bei* (Based on the Material of the Late Classical Chinese Text – “Lunheng”) 114
- Kiryukhina L. V.* The History of Studying 代词 *daici* in Chinese Linguistics 128

From the History of Russian Sinology

- Maiatskii D. I., Zavidovskaia A. E.* Studies in Sinology and Translations of the Russian Orthodox Works into Chinese by Archimandrite Daniil (Sivillov) 141
- Kharitonova A. M., Liu Ruomei.* “The Song of the Holy Dream” and Its Bilingual Manuscript from the Book Collection of Archimandrite Peter (Kamensky) 153

Confucius Classroom

- Bi Xinhui, Azarenko Yu. A.* Together for a Shared Future – Against All Odds: The 2021 Report from Confucius Institute at the Novosibirsk State University (in Chin.) 164
- Yang Rong.* Investigation and Analysis on the International Communication Capability of Xinhuanet Russian Version (in Chin.) 173
- Zhao Pan, Nikolaeva N. Sh.* Scientific-Practical Conference “Historical Heritage and Cross-Cultural Contacts on the Great Silk Road” 182

In Memoriam

- In Memoriam Ludmila V. Turumina (1940–2022) 185

- Instructions to Contributors 187

Научная статья

УДК 94(510):008 + 7.03(510) + 801.82
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-9-20

Вклад литератора Ли Юя в развитие ароматической культуры Китая XVII века

Елена Эдмундовна Войтишек

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Аннотация

Статья посвящена взглядам на аромакультуру знаменитого китайского литератора Ли Юя (李漁, 1611–1680), который внес большой вклад не только в развитие литературы, драматургии и живописи, но и оставил сочинения, посвященные культуре ароматов. Анализ его деятельности и литературных произведений дает основание считать Ли Юя виднейшим представителем сообщества интеллектуалов *вэньжэнь* и большим знатоком благовоний. На материале философского эссе «Случайное пристанище для праздных дум» (闲情偶寄 *Сяньцин оуцзи*), посвященного различным областям повседневной жизни, изучена его эстетическая концепция использования ароматов в качестве важного инструмента самосовершенствования личности и «вращения жизни» (养生 *яньшэнь*). Эстетические взгляды Ли Юя проиллюстрированы фрагментами эссе, представленными в переводе автора статьи. Издания трудов Ли Юя до сих пор выходят в Китае и на Западе массовыми тиражами, большой популярностью пользуются также сочинения, посвященные его творчеству, – они относятся к разряду литературы по психологии, философии и искусству. Все эти факторы задают актуальность исследования многогранного творчества Ли Юя, а также и других представителей китайских интеллектуалов (文人 *вэньжэнь*) рубежа эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), которые своей деятельностью существенно развивали разные виды традиционной культуры, включая литературу, эстетику, ароматерапию и декоративно-прикладное искусство.

Ключевые слова

китайская литература XVII века, Ли Юй, «люди культуры» *вэньжэнь*, философское эссе *Сяньцин оуцзи*, «вращение жизни», ароматическая культура, благовония

Благодарности

Автор выражает большую признательность своим китайским коллегам за многолетнюю поддержку и помощь при работе над переводами оригинальных текстов XVII в.: господину Яо Суну (姚嵩), директору переводческой компании «Бочэнь» (Харбин), господину Алтангарагу Борджигиду (阿拉腾嘎日嘎), профессору Университета национальностей Внутренней Монголии (内蒙古民族大学), доктору истории Университета Васэда (Япония, Токио), а также госпоже Алтантуя (阿拉坦图雅), директору китайско-японского отделения Китайского центра международных обменов при Центральном Университете национальностей (中央民族大学) в Пекине

Для цитирования

Войтишек Е. Э. Вклад литератора Ли Юя в развитие ароматической культуры Китая XVII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-9-20

Contribution of Writer Li Yu to the Development of Incense Culture in 17th Century China

Elena E. Voytishek

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Abstract

This article examines the life and work of famous Chinese writer Li Yu (李渔, 1611–1680), who made a great contribution not only to the development of literature, drama and painting, but also wrote entire essays about incense culture. Analysis of his activities and literary works gives reason to consider Li Yu as the most prominent representative of the *wenren* intellectual community and a great incense connoisseur. His aesthetic concept of using incense as an important tool for personal self-improvement and ‘nurturing life’ (养生 *yangsheng*) is studied, using his philosophical essay ‘An Accidental Haven for Idle Thoughts’ (闲情偶寄 *Xianqing ouji*) devoted to various areas of everyday life. Li Yu’s aesthetic views are further illustrated with essay excerpts presented in the translation by the author of this article. Publications of Li Yu’s works continue to be widely published both in China and in the West. Essays devoted to his work, categorized as literature on psychology, philosophy and art are also very popular. All these factors give rise to the relevance of the study of the multifaceted creativity of Li Yu, as well as other representatives of Chinese intellectuals (文人 *wenren*) at the turn of the Ming (1368–1644) and Qing (1644–1911) eras, who by their activities, significantly developed various types of traditional culture, including literature, aesthetics, aromatherapy and arts and crafts.

Keywords

Chinese literature of the 17th century, Li Yu, “person of culture” *wenren*, philosophical essay *Xianqing ouqi*, “nurturing life”, incense culture, fragrance

Acknowledgements

The author expresses their deepest gratitude to their Chinese colleagues for the many years of support and assistance in translating original 17th century texts – to Mr. Yao Song (姚嵩), Director of the Bochen Translation Company (Harbin), Mr. Altangarag Borjigid (阿拉腾嘎日嘎), Professor, Inner Mongolia University for the Nationalities (内蒙古民族大学), Doctor of History, Waseda University (Japan, Tokyo) and Ms. Altantuya (阿拉坦图雅), Director of the Sino-Japanese Branch of the China International Exchange Center at the Central University of Nationalities (中央民族大学) in Beijing

For citation

Voytishek E. E. Contribution of Writer Li Yu to the Development of Incense Culture in 17th Century China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-9-20

Введение

В многотысячелетней истории Китая практически невозможно выделить относительно спокойные и мирные времена: династии разных эпох сотрясали крестьянские войны, восстания, набеги кочевников, междоусобные конфликты и смуты. Но даже на этом фоне XVII век представляет собой один из наиболее драматичных периодов китайской истории, когда в результате внутривластного кризиса на смену отечественной династии Мин к власти пришли правители маньчжурской династии Цин (1644–1911). Деятельность маньчжуров в социальной политике и идеологической сфере на протяжении многих десятилетий вызывала среди китайской интеллигенции протестные настроения, подчеркивающие остроту переломного времени и предопределившие тематику и пафос литературных произведений.

Вместе с тем XVII столетие в истории Китая занимает особое место по количеству блестящих литераторов и деятелей культуры. Этот период ознаменовался особыми достижениями в области поэтики, эстетики, поисков индивидуального стиля, новых жанров и психологических опытов. В это время творили видные литераторы, теоретики, критики и популя-

ризаторы классической литературы Цзинь Шэнтан (金圣叹, 1608–1661)¹, Лин Мэнчу (凌濛初, 1580–1644), Фэн Мэнлун (冯梦龙, 1574–1646)², выдающиеся драматурги Тан Сяньцзу (汤显祖, 1550–1616), Кун Шанжэнь (孔尚任, 1648–1718), Хун Шэн (洪升, 1645–1704)³, знаменитые философы-конфуцианцы, просветители и общественно-политические деятели Хуан Цзунси (黄宗羲, 1610–1695), Гу Яньву (顾炎武, 1613–1682), Ван Фучжи (王夫之, 1619–1692)⁴ и многие другие. В этот период необычайно расцвел литературный талант знаменитого новеллиста и оригинального писателя Пу Сунлина (1640–1715), произведения которого породили целое направление в китайской словесности последующих веков, до сих пор вызывая неослабевающий интерес среди писателей⁵, исследователей и переводчиков⁶.

Многие из этих общественных деятелей проявили себя не только как замечательные литераторы, но прославились также и как настоящие «люди культуры» 文人 *вэньжэнь*, оставив заметный след в различных областях художественного творчества и искусства. В соответствии с эстетической концепцией интеллектуалов эпохи Сун (960–1279)⁷, они занимались разными видами творчества, проявляя свои познания в области истории, словесности, искусства, ритуала. Созданные при этом игровые практики и разнообразные виды интеллектуального досуга традиционно сопровождалась воскурением благовоний, знания о функциях и свойствах которых существенно развились в китайском обществе к середине XVII в.

Вместе с развитием техники смешивания ароматического сырья и специй, с изготовлением всевозможных курительниц и разнообразного инструментария интеллектуалы *вэньжэнь* много внимания уделяли вопросу развития нравственных качеств человека, воспитанию его сознания и психики, распространению и пропаганде «элегантного стиля жизни», подразумевающего наслаждение ароматами [Войтишек, Яо Сун, 2018, с. 510–511]. В сочетании с опытом предшествующих поколений и накопленным интеллектуальным багажом культура ароматов к середине XVII в. превратилась в важнейший ориентир для изучения подлинных ценностей традиционной китайской культуры.

¹ Автор обширных комментариев к классическим романам – «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, «Речные заводи» Ши Найяня, к пьесе «Западный флигель» Ван Шифу.

² Лин Мэнчу и Фэн Мэнлун – знаменитые собиратели, редакторы и комментаторы новелл и народных повестей в жанре 话本 *хуабэнь*, составители сборников повестей и рассказов с элементами повествований эпох Сун и Юань и новелл эпохи Мин [Попов, 2012, с. 184–185].

³ Ведущие драматурги рубежа эпох Мин и Цин. До сих пор не сходят с театральных подмостков их драмы – «Пурпурная флейта» и «Пионовая беседка» (Тан Сяньцзу), «Веер с персиковыми цветами» (Кун Шанжэнь), «Четыре прелестницы» и «Дворец вечной жизни» (Хун Шэн) [Попов, 2012, с. 187–193].

⁴ Хуан Цзунси, Гу Яньву, Ван Фучжи – просветители, ученые-энциклопедисты, патриоты, пострадавшие в той или иной мере за свои антимагьжурские настроения. В их литературном наследии – научные и дневниковые записки, стихотворные пейзажные зарисовки, комментарии к классическим философским трудам [Попов, 2012, с. 194–195].

⁵ К примеру, известный писатель Цай Цзюнь (蔡骏, род. в 1978 г.) в послесловии к роману 2002 г. «Вирус» (病毒 *Бинду*) прямо заявляет о связи своего сочинения с творчеством Пу Сунлина, и в особенности с новеллами Ляо Чжая (聊斋志异 *Ляо чжай чжи и*), проводя параллели между фольклором и сетевой литературой (Цит. по: [Желуховцев, 2010, с. 602]).

⁶ Помимо классических переводов и исследований В. М. Алексеева и Б. Л. Рифтина (напр., [Пу Сунлин, 1988], [Рифтин, 2008]), начинают публиковаться новые солидные работы и переводы А. Г. Сторожука, которые приоткрывают неизведанные стороны творчества Пу Сунлина (напр., [Сторожук, 2021]).

⁷ Помимо концепции, разработанной в эпоху Сун в отношении досуговых занятий «людей культуры» 琴棋书画 *цин чжи шу хуа* (букв. «цитра – шашки – литература / каллиграфия – живопись»), в среде сунских интеллектуалов сформировалось понятие 文人四艺 *вэньжэнь сии* (букв. «четыре искусства “человека культуры”»), которое объединяло такие таланты, как воскурение благовоний 焚香 *фэньсян*, приготовление чая 烹茶 *пэнча*, живопись 挂画 *гуахуа* и аранжировку цветов 插花 *чахуа* [Чэньсян шоуцзан..., 2014, с. 45].

Литераторы *вэньжэнь* и благовония

Одним из выдающихся представителей когорты «людей культуры» на стыке эпох Мин и Цин был Ли Юй (李漁, 1611–1680), широко известный еще под псевдонимом Ли Ливэн (李笠翁 Старец в бамбуковой шляпе). Блестящий знаток китайской литературы и переводчик Д. Н. Воскресенский указывает и на другие псевдонимы писателя – «Литератор, мир пробуждающий» (覺世稗官 *Цзюэ ши байгуань*), «Пониженный в простые смертные» (謫凡 *Чжэ фань*), «Ветротекучий» (風流子 *Фэнлюцзы*)⁸, подчеркивая тем самым жизненную философию Ли Юя, его социальную позицию, антиманьчжурские настроения, вольную и в то же время возвышенную натуру [Воскресенский, 1985, с. 9].

Ли Юй внес большой вклад не только в развитие литературы, драматургии и живописи, в театральную, художественную жизнь южного Китая⁹, но и оставил много эссе-размышлений, посвященных использованию благовоний и разного инструментария. Анализ его деятельности и литературных произведений дает основания считать его большим знатоком ароматов и поклонником этого элегантного искусства.

В отечественной и западной синологической традиции многогранная творческая деятельность Ли Юя в целом представлена переводами его романов и повестей¹⁰, исследованиями Б. Л. Рифтина¹¹, Д. Н. Воскресенского, Е. В. Завадской¹², Роберта ван Гулика¹³ и других ученых, однако эта сторона интересов выдающегося писателя остается практически неизвестной.

Между тем на стыке эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) в большом количестве издавалась литература по культуре благовоний: трактаты, медицинские и лекарственные справочники, сборники рецептов, эссеистическая проза и поэтические произведения. Здесь тон

⁸ Само понятие 風流子 *фэнлюцзы* относит сразу к двум взаимосвязанным образам – к художественно-философскому течению «Ветра и потока» и к поэтическому произведению танского времени под названием «Фэнлюцзы», впоследствии ставшей жанровым понятием. В обоих случаях использовалась коннотация свободы и спонтанности творческого порыва, в связи с чем этот псевдоним лучше перевести как «Рожденный ветром и потоком», тем более что под этими образами подразумеваются философские категории *дао* и *ци*.

⁹ Ли Юй был не только выдающимся литератором, поэтом, эссеистом, драматургом, музыкантом, видным театральным деятелем, но и профессиональным издателем и редактором. В своем имении в Нанкине он основал знаменитую книжную лавку «Сад с горчичное зерно» (芥子園 *Цзецзыюань*) и издательский дом, который существует и поныне. В этом издательстве были отредактированы и переизданы многие произведения, включая классические романы («Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Цзинь, Пин, Мэй» и др.). Небольшое имение Ли Юя, созданное в соответствии с концепцией «вся вселенная в одном кувшине» (壺中天地 *ху чжун тяньди*), служило кругу литераторов моделью, где отрабатывались эстетические принципы «людей культуры». Здесь же сам хозяин выступал со своей семейной театральной труппой. Вокруг этого имения сплотились последователи Ли Юя, которые в течение полутора столетий создавали беспрецедентный труд по основным техникам традиционной китайской живописи, который вошел в историю под названием «Слово о живописи из сада Горчичное зерно» (芥子園畫譜 *Цзецзыюань хуапу*). По материалам сайтов справочно-поисковой китайской системы Baike baidu – URL: <https://baike.baidu.com/item/闲情偶寄/1411681?fr=aladdin>; URL: <https://baike.baidu.com/item/芥子园/8187475>; URL: <https://baike.baidu.com/item/李渔/3817> (дата обращения 08.01.2022).

¹⁰ См. издания романа Ли Юя «Подстилка из плоти», сборника повестей Ли Юя «Двенадцать башен» в переводах Д. Н. Воскресенского, снабженные его предисловиями и комментариями. Напр., [Ли Юй. Полуночник Вэйан, или Подстилка из плоти. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 320 с.], [Ли Юй. Двенадцать башен. М.: Худ. лит., 1985. 351 с.].

¹¹ См., напр., раздел «Повествовательная проза XVI–XVII вв.» в [История всемирной литературы, 1987, т. 4, с. 486–497].

¹² Е. В. Завадской принадлежит исследование и перевод произведения «Слово о живописи из сада Горчичное зерно». См. [Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / Пер., предисл. и коммент. Е. В. Завадской; отв. ред. Л. З. Эйдлин. М.: Наука, 1969. 518 с.].

¹³ Творчеству Ли Юя и, в частности, его философскому эссе посвящен раздел в книге 1961 г. Р. Ван Гулика «Сексуальная жизнь в древнем Китае» [Гулик, 2004, с. 453–461]. На страницах своего обзора известный нидерландский синолог упоминает еще несколько трудов о личности Ли Юя и его деятельности, среди которых значатся имена таких выдающихся ученых, как В. Эберхард, Линь Ютан, Франц Кун и др.

задавали все те же представители сообщества «людей культуры» *вэньжэнь*: в их трудах много рассуждений о силе ароматов, разновидностях благовоний, рецептах изготовления, способах возжигания, вспомогательных аксессуарах, которые позволяют максимально проявить запах или продлить аромату жизнь.

«Люди культуры» широко практиковали такие способы наслаждения тонкими ароматами, как заваривание чая с душистыми травами, добавление в тушь мускуса и гвоздики (тем самым и бумага с письменами начинала благоухать). Будучи любителями чтения и книг, для борьбы с книжными жучками-древоточцами они пропитывали бумагу душистыми настоями, смазывали страницы и ящички для хранения свитков разными кремами и мазями, закладывали между страницами ароматные травы. Такие средства так и назывались – «благовония для книг» (書香 *шу сянь*) [Фу Цзинлян, 2011, с. 250].

В эпоху Мин было придумано много новых видов составных благовоний, предложенных китайскими книжниками: «благовония императорского дворца» 龍樓香 *лунлоу сянь* (букв. «благовония дворца дракона»), «аромат гибискуса» 芙蓉香 *фужун сянь*, «благовония десяти тысяч весен» 萬春香 *вань чунь сянь*, «сладкие ароматы» 甜香 *тяньсянь*, «висячие благовония черного дракона» 黑龍掛香 *хэйлун гуасянь*, «черные лепешки» 黑香餅 *хэйсянь бин* и др. «Люди культуры» экспериментировали с этими и другими видами душистых смесей, собираясь на изысканные встречи в специальных «ароматных домах» (香家 *сянь цзя*), получивших широкую известность в Пекине, начиная с эпохи Мин [Там же, с. 97].

Во время таких встреч изобретались не только рецепты благовоний, но и новые способы их воскурения. Так, был предложен метод бездымного воскурения благовоний (無火之香 *у хо чжи сянь*), когда дым вместе с оттенками чада не появлялся, а благоухание распространялось «отдельно от источника тепла» (隔火熏香 *гэ хо сюнь сянь*). Это называлось «отпускать аромат» (放香 *фан сянь*). При этом методе между угольным брикетом и ароматических средством закладывали кусочки карборунда¹⁴, что давало возможность долго возжигать то или иное благовоние. Несмотря на относительную безопасность такого метода, бездымное возжигание было распространено только среди небольшой части «людей культуры»: большинство минских и цинских интеллектуалов, как и их предшественники эпох Тан и Сун, воскурляли благовония обычным образом, не отделяя их от огня [Там же, с. 250]. Видимо, наблюдение за причудливыми струйками дыма в сознании поэтов и художников было неотделимо от самого аромата и создавало особую творческую атмосферу.

Нижеприведенный пассаж из эссе «На досуге наслаждаться уединением» (考盤余事 *Каопань юйши*) минского литератора Ту Луна (屠隆, 1543–1605)¹⁵ в определенной степени может служить свидетельством того, как «люди культуры» *вэньжэнь* относились к благовониям:

Польза от применения ароматов велика. Когда в уединении сидишь и рассуждаешь о *дао* и *дэ*, воскурение благовоний очищает помыслы, радует душу. В четвертую стражу¹⁶, под заходящей луной, посреди запустения возжигаешь благовония и тихонько напеваешь. Прорвав створки, открываешь залитое лунным светом окно, смахиваешь пыль и еле сдерживаешь вздохи, прикрыв светильник, читаешь в ночи – тогда воскурение благовоний прогоняет прочь демонов сна, что называется, берешь себе в компаньоны луну. А если рядом еще и красавица, ведешь с ней тайные беседы, руки сплетаешь и греешь, обхватывая курильницу, ощущаешь душевную близость, как говорится, поверяешь собеседнику чувства. Если во время дождя у закрытого окна хорошо выспался днем, то можно допоздна читать книгу и, прихлебывая чай, неспешно беседовать. Курильница постепенно раскаляется, и благовония начинают источать соблазнительный, сильный аромат. Хмельные гости на дешевой пирушке при свете луны ясной ночью щиплют струны циня и стучат в барабан, декламируют стихи нараспев в пустом здании, а ты вглядываешься в очертания

¹⁴ Карбид кремния, обладающий хорошей теплопроводностью и не плавящийся при высоких температурах.

¹⁵ Ту Лун – уроженец уезда Инь в провинции Чжэцзян, ярый последователь даосизма, известный писатель и драматург эпохи Мин.

¹⁶ Четвертая ночная стража соответствует времени от 1 до 3 часов ночи.

гор Цан вдалеке... Наконец, курильница гаснет, а благоухающий туман от благовоний окутывает занавеси и рассеивает сор заблуждений. Хоть аромат быстро исчезает, без него никак нельзя.

(Цит. по: [Фу Цзинлянь, 2011, с. 251]. Пер. Е. Войтишек, М. Измайловой)

Философское эссе Ли Юя

Что касается литератора Ли Юя, то, вероятно, он тоже был знатоком ароматического сырья и особенностей использования курильниц. Его трепетное отношение к благовониям более всего проявляется в философском эссе 1671 г. «Случайно написал в минуты отдыха» (闲情偶寄 *Сяньцин оуцзи*), название которого с трудом поддается буквальному переводу. Переводчик и комментатор этого произведения Д. Н. Воскресенский дал ему название «Случайное пристанище для праздных дум»¹⁷. Учитывая структуру и содержание этого объемного сочинения, где Ли Юй обращается к теме «учения о поддержании жизни» (养生 *яньшэн*), его можно воспринимать в качестве руководства, каким образом время от времени можно поддерживать праздное настроение. Интерпретация этого названия допускает толкование, связанное с возможностью предаться праздному настроению в потоке жизни, поддавшись внезапным желаниям и неожиданным чувствам, когда хочется остановиться и поразмышлять, отринув текущие заботы. В этом случае не подразумевается бездумная скука или бездействие: речь идет о выходе сознания на другой уровень путем концентрации на окружающих предметах и событиях.

По мысли Ли Юя, состояние «чистой праздности» можно достичь в единении с природой, отринув рутинность бытия и мелочную суетность жизни, окунувшись в жизнь, «полную радостей, с ее красками, звуками, запахами». Пафос этого сочинения направлен на достижение естественного состояния «возвышенного и оптимистического состояния духа» [Воскресенский, 1985, с. 9], которое полезно культивировать и поддерживать, обращаясь и к привычным вещам, и тем, что выходят за пределы обыденности.

В восьми главах этого объемного сочинения автор на разных примерах дает практические советы с тем, чтобы жизнь приносила радость в каждом дне. Он обращается к повседневной жизни (как есть, пить, одеваться в разные времена года, как находить радость в труде и самых обыденных вещах) и к сфере духовной жизни (пьесы, музыка, парки и сады, архитектура, развлечения, связанные с воскурением благовоний, завариванием чая, составлением цветочных композиций, с игрой на цитре *цин*, в шашки *вэйци* и пр.)¹⁸.

Ниже представлена структура этого произведения, состоящего из восьми глав¹⁹:

词曲部 *Цыцзюй-бу* «Стихи *цы* и арии *цзюй*»

演习部 *Яньси-бу* «Театральные представления»

声容部 *Шэнжун-бу* «Звуки и образы»

居室部 *Цзюйши-бу* «Жилища и помещения»

器玩部 *Цивань-бу* «Утварь для любования и отдохновения»

饮馔部 *Иньчжуань-бу* «Напитки»

¹⁷ Фрагменты этого произведения см. по: [Ли Юй. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти: Роман; Двенадцать башен: Повести; Случайное пристанище для праздных дум: Эссе-размышления / Пер. и коммент. Д. Н. Воскресенского. М.: Худож. лит., 1995. 556 с.].

¹⁸ Нидерландский ученый и дипломат Роберт ван Гулик (1910–1967) в книге «Сексуальная жизнь в древнем Китае» (1961) подчеркивает также важность эротической сферы в концепции поддержания жизни Ли Юя, отмечая его внимание к облику идеальной женщины, включая ее грим, одежду, физические и духовные достоинства (глава 3 *Шэнжун-бу*), а также к описанию особенностей сексуальных отношений партнеров из разных социальных слоев (глава 6 *Иньчжуань-бу*) [Гулик, 2004, с. 455–456].

¹⁹ Дается по: Репозиторий старинных текстов на электронном ресурсе «Стена книг далекого прошлого. Классические литературные тексты» (梦远书城。古典文学). Цин Ли Юй (Ливэн). Сяньцин оуци [清李渔笠翁。闲情偶寄]. Цинский Ли Юй (Ливэн). Случайное пристанище для праздных дум. 158 с. URL: <http://www.my285.com/gdwx/xqoj/index.htm> (дата обращения 07.10.2020).

种植部 *Чжунчжи-бу* «Посадка растений»

颐养部 *Иян-бу* «Упокое и поддержание»²⁰.

Так, в главе «Упокое и поддержание» (颐养部 *Иян-бу*) речь идет о том, как во время отдыха развивать свой дух, как получать удовольствие от путешествий, как наслаждаться временами года, как находить отдохновение в семейных делах и др. В главе «Утварь для любования и отдохновения» (器玩部 *Цивань-бу*) Ли Юй предлагает следить, как правильно располагать ширмы, книги и картины, как любоваться чайной и винной утварью, дает рекомендации по воскурению благовоний, ухаживанию за курильницами, чашами, вазами и светильниками. Особое внимание при этом он уделяет описанию разных видов курильниц, способам воскурений благовоний, обосновывая важность перемен в убранстве кабинета ученого. В этих мелочах автор раскрывает радостную суть постижения жизни как «россыпи бытия», усматривая в них естественное движение по пути-*дао*, к которому нужно стремиться человеку.

В разделе «Важны постоянные изменения» (贵活变 *Гуй хо бянь*) этой главы Ли Юй подчеркивает:

Искусность в убранстве уединенного кабинета должна выражаться в постоянном изменении. Если одна какая-нибудь старинная вещица, что называется, «пустит корни» и целый год будет находиться на одном и том же месте, то она начнет гнить и разлагаться. Точно так же и у человека начнет уменьшаться жизненная сила, если он не умеет навести порядок в своих антикварных безделицах. Если человек будет зависеть от тех вещей, которые он использует в доме, он не сможет переехать куда-либо за пределы своего дома, тогда как все должно пребывать в постоянном изменении. Почему же так происходит, в чем причина?

Между теми вещами, на которые направлен взгляд человека, и его сердцем и чувствами существует тесная связь. Если в сердце человека возникли новые чувства, – это повод прежде всего глазам начать смотреть на новые предметы вокруг себя. Отсутствие каких бы то ни было изменений в жилище ведет к неперенной гибели хозяина. Скажем, в некоем здании есть несколько комнат – широких, узких, с высокими и низкими потолками, неодинаковых по размеру. Во всех комнатах плотник прорубает решетчатые двери, створки, окна, но комнаты по форме и типу получаются неодинаковые, можно их менять по выбору, переставлять вещи, менять обстановку, любоваться разными видами из окон, если захочется новых впечатлений для взора и слуха. Те вещи, которые располагались вдали друг от друга, можно поставить вместе, или наоборот, можно разделить те предметы, которые изначально стояли рядом. По-новому расположенные вещи могут раскрыться, обнаружить свою глубокую сущность, которая не была замечена поначалу. Можно менять обстановку произвольно, лишь бы это соответствовало желаниям и устремлениям сердца.

Некоторые люди могут сказать, что это очень утомительно – передвигать и переставлять вещи туда-сюда по многу раз. Я отвечу так. Цзиньскую керамику каждый день ставили на алтарь и сразу убирали – вроде утомительно, но не было людей, кто бы смеялся над этим. Так неужели милые безделицы хуже того алтаря, разве трудно их немного передвинуть? Тем более что тот, кто будет этим заниматься с удовольствием, не ощутит никакой усталости. Невозможно целыми днями напролет предаваться лишь насыщению и не думать над событиями и вещами [Ли Юй, 2016, с. 279–281]²¹.

При этом он обращает внимание на необходимость перемещения курильниц и дает подробные рекомендации:

Среди старинных вещей курильницы занимают особое место – они способны вызвать чувство необычайного спокойствия и умиротворения. При этом идеальное место для их расположения зависит от помыслов того, кто их использует. Но даже при этом их следует переставлять с места на место каждый день, нельзя допустить того, чтобы за ними закрепилось одно и то же положение. Некоторые люди спрашивают, в чем причина этого. Я объясню с помощью метафоры, связанной с образом парусника. Когда судно идет под парусом, его надо подстраивать под направление ветра: так, если ветер дует слева, надо поворачивать

²⁰ Д. Н. Воскресенским переведены только две главы этого сочинения: глава 3 «Звуки и образы» (声容部 *Шэнжун-бу*) и глава 8 «Упокое и поддержание» (颐养部 *Иян-бу*). Автор данной статьи преимущественно брал для анализа фрагменты оригинального текста Ли Юя из главы 5 «Предметы отдохновения» / «Утварь для любования» (器玩部 *Цивань-бу*) и главы 8 *Иян-бу*, где дается перечисление различных способов развития духа (способы развлечения богачей и бедняков; способы отдохновения в семье, во время путешествия; приемы любования и наслаждения разными временами года, наблюдения за игрой на цитре *цин*, в шашки *вэйци* и др.).

²¹ Здесь и далее фрагменты из сочинения Ли Юя даны в переводе Е. Войтишек.

направо. В противном случае парусник никак не сможет продвигаться вперед, а может даже замереть на месте.

Так и с курильницей: надо следить за направлением ветра. Допустим, в комнате два окна – северное и южное. Если ветер дует в южное окно, курильницу следует ставить на южной стороне, если же ветер дует с севера, то ее надо расположить на северной стороне. Если ветер дует с юго-востока или северо-запада, то курильницу следует слегка подвинуть, чтобы ее не обходил стороной поток воздуха. Если на курильницу не попадает ветер, то дым от курений не сможет струиться вслед за ним, невозможно будет наслаждаться ароматом благовоний. Еще надо обязательно следить за тем, чтобы на пути потока ветра не было преград. Если ветер задувает с южной стороны, то надо приоткрыть северное окно, если ветер дует с севера, то нужно растворить южное окно. Только так аромат благовоний проникнет в помещение на постоялом дворе и наполнит его благоуханием, приятным для путешественников [Ли Юй, 2016, с. 281–282].

В своем эссе Ли Юй придавал большое значение разным мелочам в праздничных ритуалах и ежедневных моционах, тщательно описывая, какими должны быть курильницы, вазы, чайники, различная утварь вроде лопаточек или палочек, чтобы ничего не нарушило естественности и гармонии:

Форма ваз и курильниц, придуманных в древности, абсолютно совершенна, потомкам нет надобности изобретать что-то новое, – как говорится, «нарисовав змею, пытаться пририсовать ей ноги». Надо только беречь и почитать эти редкостные вещи, изредка к ним что-либо добавляя. К примеру, при использовании курильниц нужны лопаточки и палочки: лопаточкой мешают пепел, а палочками зажимают брусочки углей – эти две вещицы абсолютно необходимы. Размер палочек должен соответствовать величине курильницы – причина этого чрезвычайно проста, каждый должен это понимать. Точно так же, как форма лопаточки должна соответствовать форме курильницы: если курильница квадратная, то и лопаточка должна быть квадратной, если курильницы круглая, то и лопаточка должна быть округлой формы. Надо следить, чтобы все друг другу соответствовало, а то люди обычно эти простые правила игнорируют. Когда в курильницу закладывают брусочек угля, пепел надо утрамбовать и подровнять лопаточкой. Здесь надо соблюдать правило: если курильница квадратная, лучше лопаточку тоже использовать квадратную, если курильница круглая, лопаточка должна быть округлой. Но что касается обработки краев, то здесь следует действовать наоборот: у краев квадратной курильницы надо использовать круглую лопаточку, а по краям круглой курильницы лучше использовать квадратную лопаточку. Это, конечно, нелегко соблюсти – легко так сделать в центре курильницы, а по краям этого добиться трудно. В любом случае, действовать надо сообразно обстоятельствам – что называется, «кроить платье по фигуре». Так или иначе, с помощью бронзовых лопаточек пепел трамбуется и выравнивается, подготовка завершается. Это действие перед гостями обязательно должен сделать не мальчик-слуга, а собственноручно сам любезный хозяин [Ли Юй, 2016, с. 258–260].

В разных частях своего сочинения Ли Юй возвращается к теме ароматов и важности правильного использования подходящего инструментария. Он неоднократно подчеркивает, как важно во время отдыха развивать свой дух, указывая множество способов, среди которых одним из самых эффективных он называет подготовку и проведение ритуала воскурения благовоний.

Действительно, тщательный выбор утвари и инструментов, неспешная и сосредоточенная утрамбовка пепла, смешение по собственному рецепту душистых компонентов – все это наминало необходимый ритуал подготовки художника или каллиграфа к творческому акту, где каждая мелочь приобретала важное значение. Так, в главе «Утварь для любования и отдохновения» (器玩部 *Цивань-бу*) Ли Юй рассуждает о том, как следить за пеплом в курильнице и ежедневно поддерживать его в порядке, как нужны разные вещицы вроде лопаточки и метелочки. За описанием этих милых мелочей вырисовывается подробная картина быта кабинета ученого и «человека культуры»:

Ежедневно наводить порядок довольно утомительно, для пепла можно сделать из дерева пресс – по форме сосуда. Такой пресс может заменить до десятка нажатий медной лопаточки. Все это делается не только чтобы сберечь усилия, а для того, чтобы придать особо красивую и аккуратную форму пеплу внутри сосуда. Еще лучше к деревянному прессу приделать сверху ручку и аккуратно нажимать на него.

Есть еще одно соображение, как придать красивую форму пеплу – вырезать что-либо на дне такого деревянного пресса. Это могут быть цветы сливы или хризантемы, это может быть пятистишие, это могут быть триграммы *ба гуа* и проч. Но человек посмотрит и полюбуется – ведь никто еще до этого не додумался – и скажет: «Как прекрасен этот узор!» и вспомнит о Ли Ливэне. Пусть такой узор будет называться «печать Ливэна для благовоний» (笠翁香印 *Ливэн сяньинь*). Только ставить такую печать надо быстро,

поскольку пепел горячий, да и поток воздуха может попасть и смести узор. Печать лучше пропитать лаком на масляной основе, чтобы при нанесении узора пепел не прилипал и не разлетался²².

Кроме этих двух вещей – лопаточки и палочек – при воскурении благовоний еще нужна специальная коробочка для хранения ароматических веществ. Еще нужен стаканчик, чтобы ставить туда лопаточку и палочку. Весь этот инструментарий так же важен при воскурении благовоний, как человеку руки и ноги: он так же представляет собой единое целое, как цельное человеческое тело.

По правде сказать, есть еще один нужный предмет. Очень мало людей кто знает об этом и использует. Речь идет о специальной метелочке, которой надо сметать оставшийся пепел. Конечно, есть еще специальная крышка (底盖 *дигай*), которая сверху прикрывает сосуд, чтобы пепел не разлетался. Кроме того, поднос с ручками для переноса сосуда защищает саму драгоценную вещь от нечистых и потных рук. Люди часто используют поднос, а крышку – не так уж часто. Ведь курильница (炉瓶 *лупин*) обычно стоит в специальной комнате, где нет ветра, который бы взметал пепел. Вот поэтому крышка обычно не нужна.

Сам сосуд для благовоний можно делать из фарфора и из меди. Фарфоровые сосуды поистине прекрасны, но очень уж не прочны, слишком легко их можно разбить. Вообще фарфоровый сосуд особенно прекрасен, если в него налить воду. Медь же при этом дает неприятный запах. Медные сосуды известны уже давно, они достаточно дорогие, зимой в них вода застывает, превращаясь в лед. На фарфор может позариться вор, поэтому обычно используют все же медные сосуды [Ли Юй, с. 96–97]²³.

Заключение

Итак, судя по вышеприведенным фрагментам из философского эссе Ли Юя, он был большим знатоком ритуалов воскурения благовоний, разбирался в особенностях душистого сырья, в использовании разнообразного инструментария (включая ароматические печати 香印 *сяньинь*). Вдохновенно экспериментируя с атрибутами искусства ароматов, он включал наслаждение благовониями и эстетикой всего процесса, сопутствующего их возжиганию, в перечень неперенных «радостей жизни», а свой литературный, поэтический и художественный талант воплощал в изысканных строках.

Эстетика жизни Ли Юя, выражающаяся в принципе «обретения радости» (行乐 *синлэ*), была основана на повседневных привычках:

- в одежде и внешнем виде (голос и внешний вид, подчас играющие более важную роль, чем одежда, женская красота);
- в еде (питье, соблюдение умеренности, важность сочетания эстетики и практичности);
- в жилье (комната, посуда, растения, домашняя среда – принцип умеренности и постоянных изменений);
- в развлечениях (песни, музыка, физические упражнения и духовные практики – каллиграфия, живопись, чай, благовония);
- в концепции «вращения и воспитания» 颐养 *и-ян*²⁴ (развитие духа, устранение беспокойства, излечение болезней);
- в единении с природой (сотворение радости в мелочах, в любовании сезонами, в путешествиях и возвращениях домой).

Примечательно, что на фоне множества специальных трудов, трактатов и справочников по культуре ароматов, изданных в XVII в. и, вероятно, хорошо известных в кругу интеллектуалов *вэньжэнь*, свои глубокие и широкие познания о благовониях Ли Юй воплотил в философском эссе, посвященном различным областям повседневной жизни. Задействовав мощный литературный дар, талант драматурга, живописца, блестящего знатока садово-паркового искусства, он включил в свою стройную эстетическую концепцию использование ароматов

²² Об ароматических печатях см. [Войтишек, 2021].

²³ См. репозиторий старинных текстов на электронном ресурсе «Стена книг далекого прошлого. Классические литературные тексты» (梦远书城。古典文学)。Цин Ли Юй (Ливэн). Сяньцин оуцзи [清李渔笠翁。闲情偶寄]。Цинский Ли Юй (Ливэн). Случайное пристанище для праздных дум. 158 с. URL: <http://www.my285.com/gdwx/xqoj/index.htm> (дата обращения 07.10.2020).

²⁴ В переводе Д. Н. Воскресенского, «упокоение и поддержание» – по названию главы 8 философского эссе Ли Юя [Ли Юй, 1995].

как неперенный элемент бытия, как важный инструмент самосовершенствования личности и «взращивания жизни».

Время дало справедливую оценку труду Ли Юя: в Китае до сих пор массовыми тиражами выходят его издания, которые зачастую сопровождаются таблицами и иллюстрациями (см., напр., [Ли Юй, 2016]). Более того, издания этого произведения популярны и на Западе: они входят в разряд литературы по психологии, философии и искусству (см., напр., [Dars, 2003]²⁵).

Все эти факторы задают актуальность исследования не только многогранного творчества Ли Юя, но и других представителей китайских интеллектуалов *вэньжэнь* рубежа эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), которые своей деятельностью существенно развивали разные виды традиционной культуры, включая литературу, эстетику, ароматерапию и декоративно-прикладное искусство.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учеб. пособие / Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 224 с.
- Войтишек Е. Э., Яо С.** Курильницы бошаньлу в ароматической культуре Китая: символика и социальные функции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 510–524. DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Воскресенский Д. Н.** Ли Юй: писатель и творчество / Вступ. ст. к Ли Юй. Двенадцать башен. Повести / Пер. с кит. Д. Воскресенского. М.: Худ. лит., 1985. С. 3–16.
- История всемирной литературы в 9 томах / Гл. ред. Г. П. Бердников. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 486–497.
- Ли Юй.** Двенадцать башен. Повести / Пер. с кит. Д. Воскресенского. М.: Худ. лит., 1985. 351 с.
- Ли Юй.** Полуночник Вэйан, или Подстилка из плоти / Пер. Д. Воскресенского. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 320 с.
- Ли Юй.** Полуночник Вэйан, или Подстилка из плоти: Роман; Двенадцать башен: Повести; Случайное пристанище для праздных дум: Эссе-размышления / Пер. и коммент. Д. Воскресенского. М.: Худож. лит., 1995. 556 с.
- Гулик Р. ван.** Сексуальная жизнь в древнем Китае / Пер. с англ. А. М. Кабанова. СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2004. 544 с.
- Желуховцев А. Н.** Кардинальное преобразование китайской беллетристики в XXI веке // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. К 75-летию академика Б. Л. Рифтина. М.: РГГУ, *Orientalia et Classica*, Труды Института восточных культур и античности, 2010. Вып. 25. С. 599–607.
- Попов О. П.** Китайская литература. М.: АРТКРАС, 2012. 512 с.
- Пу Сунлин.** Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. / Пер. с кит., предисл. и комм. В. Алексеева; сост. М. Баньковской. М.: Худож. лит., 1988. 559 с. (Библиотека китайской литературы)
- Рифтин Б. Л.** Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжэя) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Под ред. Б. Л. Рифтина. М.: Вост. лит., 2008. С. 113–203.
- Слово о живописи из Сада с горчицею зерно / Пер., предисл. и коммент. Е. В. Завадской; отв. ред. Л. З. Эйдлин. М.: Наука, 1969. 518 с.
- Сторожук А. Г.** Новелла Пу Сунлина «Беседы зрачков» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4, Востоковедение. С. 135–144. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-135-144
- Dars Jacques.** Les carnets secrets de Li Yu: Au gré d'humeurs oisives, un art du bonheur en Chine / Ed. par Philippe Picquier. Paris, Mass Market Paperback, 2003, 335 p.

²⁵ Жак Дарс (Jacques Dars, 1941–2010) – французский синолог, исследователь творчества Ли Юя, знаток и переводчик классической китайской литературы (включая роман Ши Найяна «Речные заводи»).

- Ли Юй.** Туцзе сяньцин оуци [李鱼。图解闲情偶寄]. Эссе «Случайное пристанище для праздных дум» с комментариями и иллюстрациями. Пекин: Бэйцзин лянхэ чубань гунсы, 2016. 446 с. (на кит. яз.)
- Фу Цзинлянь.** Чжунго сян вэньхуа [傅京亮。中国香文化]. Китайская культура благовоний. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с. (на кит. яз.)
- Чэньсян шоуцзан жумэнь байкэ [沉香收藏入门百科. 张梵, 姜跃进编著]. Элементарная энциклопедия по коллекционированию агаровой древесины / Под ред. Чжан Фань, Цзян Юэцинь. Пекин: Хуасюэ гуньэ чубаньшэ, 2014. 156 с. (на кит. яз.)

References

- A word about painting from the garden with a mustard seed. Transl., foreword. and comments by E. V. Zavadskaya; ch. ed. L. Z. Eidlin. Moscow, Nauka, 1969, 518 p. (in Russ.)
- Chenxiang shouzang rumen baike [沉香收藏入门百科. 张梵, 姜跃进编著]. An elementary encyclopedia of aquilaria collections by Zhang Fan, Jiang Yuejin. Beijing, Huaxue gunye chubanshe, 2014, 156 p. (in Chin.)
- Dars Jacques.** Les carnets secrets de Li Yu: Au gré d'humeurs oisives, un art du bonheur en Chine. Ed. par Philippe Picquier. Paris, Mass Market Paperback, 2003, 335 p.
- Fu Jingliang.** Zhongguo xiang wenhua [傅京亮。中国香文化]. Chinese incense culture. Jinan, Qilu shushe, 2011, 316 p. (in Chin.)
- Gulik R. van.** Sexual Life in Ancient China. Transl. by A. M. Kabanov. St. Petersburg, ABC-classics, Petersburg Oriental Studies, 2004, 544 p. (in Russ.)
- History of World Literature in 9 volumes. Ch. ed. G. P. Berdnikov. Moscow, Nauka, 1987, vol. 4, pp. 486–497. (in Russ.)
- Li Yu.** Tujie xianqing ouji [李鱼。图解闲情偶寄]. Essay ‘An Accidental Haven for Idle Thoughts’ with comments and illustrations. Beijing, Beijing lianhe chuban gongsi, 2016, 446 p. (in Chin.)
- Li Yu.** Midnighter Weiyang, or Bed of flesh. Transl. by D. Voskresensky. Moscow, Gudyal-Press, 2000, 320 p. (in Russ.)
- Li Yu.** Midnighter Weiyang, or Bed of Flesh: Novel; Twelve Towers: Tales; An Accidental Haven for Idle Thoughts: Essays-reflections. Transl. and comments by D. N. Voskresensky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1995, 556 p. (in Russ.)
- Li Yu.** Twelve towers. Story. Trans. by D. Voskresensky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1985. 351 p. (in Russ.)
- Popov O. P.** Chinese literature. Moscow, ARTKRAS, 2012, 512 p. (in Russ.)
- Pu Songling.** Rasskazy Liao Zhaia o neobychainom [Strange Tales from a Chinese Studio. Chinese Literature book collection]. Transl. from Chinese, foreword and notes by V. Alexeyev; compiled by M. Bankovskaya Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1988, 559 p. (in Russ.) (Biblioteka kitaiskoi literatury [Library of Chinese literature])
- Riftin B. L.** Novelty Pu Song-linga (Liao Zhaya) v perevodach V. M. Alekseyeva [Pu Songling’s Stories (Liao Zhai) in V. M. Alexeyev’s translations]. In: Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika [Oriental classics in Russian translations: reviews, analysis, critics]. Ed. by B. L. Riftin. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2008, pp. 113–203. (in Russ.)
- Storozhuk A. G.** Pu Songling’s Short-Story “Pupils’ Talk”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 4: Oriental Studies, pp. 135–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-135-144
- Voskresensky D. N.** Li Yu: writer and creativity. Introduction to Li Yu. Twelve towers. Story; trans. by D. Voskresensky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1985, pp. 3–16. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Incense culture of East Asia. China: from antiquity to the present: Textbook. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2021, 224 p. (in Russ.)

- Voytishek E. E., Yao S.** Boshanlu censurs in China's incense culture: Symbols and social functions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, iss. 4, pp. 510–524. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Zhelokhovtsev A. N.** Cardinal transformation of Chinese fiction in the XXI century. In: *China and Around: Mythology, Folklore, Literature. On the Occasion of the 75th Anniversary of Academician B. L. Riftin*. Moscow, Russian State University for the Humanities, *Orientalia et Classica*, Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies, 2010, vol. 25, pp. 599–607. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

*Статья поступила в редакцию 10.01.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 10.01.2022;
approved after review on 27.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 75.042 + 397.4

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41

Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции

Андрей Васильевич Варенов¹

Татьяна Александровна Пан²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

¹ avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

² ptatiana@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2597-2530>

Аннотация

Авторы предприняли первую для отечественного китаеведения попытку проверить надежность атрибуции средневековой картины «Кочевники» («Фаньци ту») Ху Хуаню (Ху Хуаю), жившему в конце IX – начале X в. через ее сопоставление, во-первых, с другими работами, приписанными этому художнику, и, во-вторых, с близкими к ней по содержанию и времени создания произведениями иных мастеров. Использован признак, никем до этого не привлекавшийся в качестве этнохронологического маркера – оформление хвостов верховых коней. Анализ показал, что ни картина «Кочевники» («Фаньци ту»), ни «Чжосе ту», также приписываемая Ху Хуаню, не могли быть написаны им. Они созданы гораздо позже. Свиток «Чжосе ту» отражает контакты киданей и чжурчжэней и относится к 1110–1140-м годам. В качестве этнохронологического маркера киданьской принадлежности персонажей выделено перетягивание хвостов их верховых коней посредине лентой. Хвосты верховых коней у чжурчжэней-цзиньцев или в Южной Сун одинаковы: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Насколько можно судить, свободно распущенные длинные хвосты были у верховых коней монгольского времени.

Ключевые слова

средневековая китайская живопись, жанр *жэньбу*, всадники-варвары, изображения лошадей, оформление хвостов, хронологические и этнокультурные признаки, датировка

Для цитирования

Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41

© Варенов А. В., Пан Т. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 21–41
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–41

Medieval Chinese Painting “Nomads” and the Problem of its Attribution

Andrey V. Varenov¹, Tatiana A. Pan²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

¹avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

²ptatiana@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2597-2530>

Abstract

The objective of this article is to check the reliability of the attribution of the medieval Chinese painting “Fanqi tu” (“Nomads”) to Hu Huan (Hu Huai), an artist living at the end of 9th – beginning of the 10th century. In order to achieve this objective, two tasks must be undertaken: 1) compare “Fanqi tu” with other paintings by Hu Huan, and 2) widen the range of comparisons by including paintings of the *renwu* genre of other artists close to Hu Huan’s paintings. Some of the compared pictures do have reliable chronological attributions that help to determine the dates of the others, including “Fanqi tu”. This study used hair-styles of saddle-horses’ tails as the ethno-chronological marker which has never been used before by anyone in this way. The analysis showed that neither “Fanqi tu”, nor “Zhuoetu” (another picture attributed to Hu Huan) can be among his works. They were painted much later. The “Zhuoetu” scroll reflects contacts of Qidan (Khidan) and Jurchen peoples and belongs to 1110–1140 AD. As the ethno-chronological marker of Qidan (Khidan) attribution of the personages depicted, this study picked out the lacing of the tails of their saddle-horses in the middle. The tails of saddle-horses of Jurchen (Jin) and Southern Song peoples were the same: a tight knot with two hanging locks. Therefore, this was a chronological sign, not an ethno-cultural one. It would seem that long loose flowing tails were primarily used by Mongolian-time saddle-horses. Therefore, the “Fanqi tu” painting must be dated to the middle – second half of 13th century (from the collapse of the Jin Empire in 1234 to the flourishing of Zhao Mengfu’s paintings).

Keywords

Medieval Chinese painting, *renwu* genre, barbarian horsemen, horse pictures, tail hairstyles, chronological and ethno-cultural signs, dating

For citation

Varenov A. V., Pan T. A. Medieval Chinese Painting “Nomads” and the Problem of its Attribution. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41

Введение

В последние годы отечественные археологи при реконструкции одежды, обуви, головных уборов, конского снаряжения степных кочевых этносов, помимо добытых в процессе раскопок материалов, все чаще обращаются к изобразительным источникам древнего и средневекового Китая. Весьма показательна в этом плане статья Н. В. Хрипунова «Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг.» [Хрипунов, 2012]. В ней шесть раз приводятся ссылки на изображения, выполненные на картине «Кочевники» (番骑图 *Fanqi tu*, см. ниже) – трижды в разделе о женских халатах и еще три раза – при описании теплых и утепляющих вещей [Хрипунов, 2012, с. 375, 376, 384, 385]. Как минимум дважды упоминается и картина «Вэньци возвращается в Хань» (у Н. В. Хрипунова – «Возвращение леди Венчжи в Китай») [Хрипунов, 2012, с. 375, 385, табл. 18].

Отечественные археологи и историки костюма, обращающиеся для разработки и подкрепления своих концепций к китайской живописи, не только неправильно переводят и/или транскрибируют названия отдельных произведений, имена их авторов и изображенных персонажей. Зачастую они не указывают на источник заимствования используемой картинки, а датировку оригинала и место его хранения если и приводят, то нередко с ошибками. Проблема заключается в необходимости более точной атрибуции картин, прежде чем обращаться

к ним как этнографическому источнику. Например, в упоминавшейся уже статье Н. В. Хрипунова картина «Кочевники» датирована «первой половиной X в.», а в качестве места ее хранения указан Национальный дворец-музей Гугун, располагающийся в Тайбэе, на Тайване [Хрипунов, 2012, табл. 17]. Картина действительно хранится в музее Гугун, но только в Пекине, а не на Тайване. А вот с ее датировкой и атрибуцией ситуация совсем сложная.

О картине «Кочевники»

До недавнего времени картина «Кочевники» (26,2 × 143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) практически единодушно приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡鑲) – этническому киданю (契丹 *цидань*)¹ жившему в национальном государстве Ляо 遼 (916–1125) в первые десятилетия его существования, то есть, согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960)² [Чжунго жэнью, 2004, с. 56; Чжунго лидай, 2004, с. 520]. Однако около 15 лет тому назад известный историк искусства профессор Сюй Баньда (徐邦达, 1911–2012) обратил внимание, что на картине изображены женщины в характерных для монгольского времени головных уборах – *бокках* и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368) завоевания Китая монголами³. Среди принадлежащих кисти Ху Хуаня картин Открытая китайская электронная энциклопедия (аналог «Википедии») «Байкэ байду» «Кочевников» вообще не упоминает⁴. Еще совсем недавно репродукция этого свитка была выложена на сайте пекинского музея Гугун как работа Ху Хуаня, но сейчас ее там тоже нет⁵.

Впервые о Ху Хуане сказано в знаменитом трактате по истории китайской живописи «Записки о живописи: что видел и слышал» (图画见闻志 *Тухуа цзянь вэнь чжи*) Го Жосюя (郭若虚, XI в.). Относя его к мастерам фигуративной живописи (人物画 *жэнью хуа*) конца эпохи Тан (618–907), Го Жосюй пишет следующее:

Ху Хуай, родом из Фаньяна. Писал чужеземных лошадей. Хотя его искусство излишне богато деталями, но кисть ясна и сильна. Что до изображений хижин под небом, различной утвари, стрельбы на охоте, одушевленных и неодушевленных предметов, то во всем он (проникал) в самую суть необычного. При изображении грив и хвостов верблюдов и лошадей, одежды людей и шкур животных он привязывал к кисти волчью шерсть и брызгал тушью, чтобы передать их тонкость и силу (Цит. по: [Го Жо-суй, 1978, с. 43]).

На картине «Фаньци ту» нет подписи или печати автора⁶. Одной из причин ее отнесения к творчеству Ху Хуаня послужило, возможно, введение в живописную композицию рисунков верблюдов и лошадей в технике, отвечающей ее характеристике, данной Го Жосюем [Чжунго мэйшу, 1984, рис. 56, с. 110–112; Чжунго жэнью, 2004, с. 56; Чжунго лидай, 2004, с. 520–521].

¹ Монголоязычная кочевая народность, населявшая Северо-Восток Китая и превратившаяся к VIII в. в значительную военно-политическую силу.

² Период административно-политической раздробленности, когда на севере Китая (бассейн р. Хуанхэ) одно за другим сменились пять государств, два из которых были фактически вассалами Ляо.

³ Сюй Баньда. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BE%90%E9%82%A6%E8%BE%BE> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁴ Ху Хуань. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%83%A1%E7%8E%AF/2542708> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁵ Картину «Кочевники» до сих пор можно найти по старому адресу на сайте пекинского музея Гугун. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/231650.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.), но в указателе живописи с этого же сайта она отсутствует. Любопытно, что на многочисленных сайтах, торгующих сувенирными копиями полотен из пекинского Гугуна, «Кочевников» до сих пор предлагают как картину, написанную Ху Хуанем. См., напр., URL: <https://tfc.net/img/5be1db823d334d1409ccb4c1> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁶ Фаньциту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%95%AA%E9%AA%91%E5%9B%BE/22909789> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

Показано девять фигур, движущихся справа налево, т. е. от начала свитка в его глубину. Впереди процессии верхом едут двое мужчин, отворачивающих лица от встречного ветра. Хвосты их коней распущены и свободно развеваются. За ними пешком идут две женщины в красных одеяниях и головных уборах с красным верхом, их лица почти до самых глаз закрыты белыми матерчатыми повязками⁷. Младшая⁸ из женщин ведет нагруженную поклажей верблюдицу, за матерью следует маленький верблюжонок. На одном уровне с ним движется спешившийся всадник, ведущий в поводу своего коня. Замыкает процессию мужчина в шапке с красным верхом, едущий на белой лошади, с уздечки которой свисает красная кисть. Хвосты замыкающих коней также распущены (рис. 1, 1).

Рис. 1. Картина «Кочевники» («Фаньци ту»):

1 – общий вид; 2 – фрагмент (надпись императора Цяньлуна). По: [Чжунго мэишу, 1984, рис. 56. с. 109]

Fig. 1. “Nomads” painting (“Fanqi tu”):

1 – general view; 2 – fragment (Emperor Qianlong inscription). As per: [Zhongguo meishu, 1984, fig. 56. p. 109]

Между верблюдицей с поклажей и замыкающим всадником в верхней части изобразительного поля свитка помещено собственноручно написанное цинским императором Цяньлуном (乾隆, даты правления 1736–1795) стихотворение с оценкой картины (рис. 1, 2):

番馬曾經弄石渠，續茲番騎積薪歟。神情超脫真居上，結構繁稠乃異初。覈棘人寒猶乘馬，負裝駝弊強勝驢。卻看驪首題五字，假藉瘦金贗鼎如。
辛亥新正中澣御題

Фань ма цэн цзин цзюй Шицюй,
Сюй цзы фань ци цзи синь юй?
Шэньцин чаото чжэнь цзюй шан,
Цзегоу фаньчоу най и чу.
Хусу жэнь яо чэн ма,
Фу чжуан то би цян чэн лу.
Цюе кань тань шоу ти у цзы,

Fan ma ceng jing ju Shiqu,
Xu zi fan qi ji xin yu?
Shenqing chaotuo zhen ju shang,
Jiegou fanchou nai yi chu.
Husu ren yao cheng ma,
Fu zhuang tuo bi qiang cheng lu.
Que kan tan shou ti wu zi,

⁷ Последнее обстоятельство даже побудило бойких журналистов из Внутренней Монголии высказать в самом начале пандемии Ковида предположение о древнейших в мире медицинских масках, изображенных Ху Хуанем. Самого Ху Хуаня (т. е. Ху Хуая) они при этом, ничтоже сумняшеся, назвали «киданьским художником, жившим при династии Юань». «Нэй Мэнгу жибао» от 27 февраля 2020 г. URL: http://szb.northnews.cn/nmgrb/html/2020-02/27/content_20588_106182.htm (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁸ По возрасту и, видимо, по статусу. У нее, в отличие от спутницы, яркий румянец во всю щеку, и красного цвета лишь наплечная накидка, а не вся одежда.

Цзя цзе шоу-цзинь-ти дин жу. Jia jie shou-jin-ti ding ru.
Синьхай синь чжэн чжунхуань юй ти. Xinhai xin zheng zhonghuan yu ti.

В прошлом рисунок «Иноземцы и лошади» хранился в павильоне Шицзой⁹,
Продолжение «Картина иноземцы верхом» действительно является дополнением к предыдущей?¹⁰

По размерам она превосходит предыдущую, она даже лучше прежней.

Ее построение отличается от оригинала, так как является более сложным и детальным.

Человек едет на лошади, прячась от холода.

Нагруженный верблюд устал, но он сильнее осла [чтобы перевозить тяжести].

Вернитесь и посмотрите на пять иероглифов в начале свитка¹¹.

Их каллиграфия подражает стилю *шоуцзинь*¹², и это указывает на то, что это подделка в подражание древности¹³.

Написано императором в середине¹⁴ первой луны года *синьхай*¹⁵.

Цели, задачи и методы исследования

Применительно к исследованиям по истории костюма, предпринимаемым нашими соотечественниками – археологами, искусствоведами и палеоэтнографами, стоит заметить, что, если основывать датировку полотна на деталях изображенной на персонажах одежды, то получится логическое кольцо: именно те предметы, датировка бытования которых и должна быть уточнена, служат для определения даты создания картины. Цель предпринятого в данной статье исследования – проверить надежность атрибуции картины «Кочевники» Ху Хуаню и по возможности уточнить время ее создания. Располагая только альбомами репродукций и размещенными в интернете электронными воспроизведениями картин не очень высокого разрешения, авторам было бы сложно рассуждать, как это принято в среде искусствоведов, о «смелости мазка» или «тонкости линии» того или иного мастера.

Поэтому для достижения намеченной в статье цели исследования предполагается решить следующие конкретные задачи: во-первых, сопоставить «Фаньци ту» с другими схожими по изображаемому реалиям полотнами, приписываемыми Ху Хуаню; во-вторых, расширить круг сопоставлений за счет близких по времени произведений в жанре *жэнью* иных авторов, содержащих реалии, аналогичные присутствующим на приписываемых Ху Хуаню картинах. Если какие-то из сравниваемых полотен имеют более-менее надежно обоснованную хронологическую привязку, это позволит уточнить даты создания рассматриваемых картин, в том числе и «Фаньци ту».

⁹ Павильон Шицзой 石渠閣 – «Палата каменного канала», название одного из структурных подразделений императорской библиотеки.

¹⁰ *Цзисинь* 積薪 – букв. «собирать хворост» в значении добавлять что-то ненужное к уже существующему.

¹¹ В начале свитка, на колофоне перед изображениями почерком, характерным для каллиграфии сунского императора Хуэй-цзуна, нанесены пять иероглифов “胡鑲番騎圖” (*Ху Хуай Фаньци ту*, т. е. Картина «Фаньци ту» Ху Хуая). Хуэй-цзун (徽宗, даты правления 1100–1126; личное имя Чжао Цзи 趙佶, 1082–1135) являлся одним из крупнейших художников и знатоков живописи эпохи Северная Сун. Цяньлун считал надпись подделкой. Фаньциту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%95%AA%E9%AA%91%E5%9B%BE/22909789> (дата обращения 21.01.2022) (на кит.яз.).

¹² *Шоуцзинь ти* 瘦金體 – каллиграфический почерк с жесткими линиями, созданный императором Хуэй-цзуном.

¹³ *Яньдин* 贗鼎 – «имитировать треножник», в значении различных подделок древности.

¹⁴ *Чжунхуань* 中澣 – средняя декада лунного месяца.

¹⁵ Сочетание циклических знаков *синь-хай* приходится на 56-й год правления Цяньлуна (1791) [БКРС, т. 1, 1983, с. 159, 168, 171].

Картина Ху Хуаня «Чжосе ту»

Единственная картина Ху Хуаня, которая продолжает открываться на действующем сайте музея Гугун из Пекина под его именем – это «Чжосе ту» (卓歇图, 33 × 256 см, шелк, тушь, краски). Современное китайское значение иероглифов *чжосе* не очень понятно. Иногда в официальном историографическом сочинении «Ляо ши» (遼史 «История Ляо», сер. XIV в.) встречаются включающие иероглиф *чжо* слова, в контексте которых он имеет смысл «стоять» или «временный». Тогда сочетание *чжосе* (卓歇) означает «установить палатку для временного отдыха», хотя на самой картине никакой палатки нет [Чжунго мэйшу, 1984, с. 29]. Согласно комментариям к картине «Чжосе ту» с сайта музея Гугун, *чжосе* можно понимать как «отдых на земле», т. е. «пикник»¹⁶.

На картине нет подписи или печати автора, но в наиболее авторитетных работах по истории китайской живописи она уверенно приписана Ху Хуаню [Чжунго мэйшу, 1984, с. 29; Чжунго жэньу, 2004, с. 57–58; Чжунго лидай, 2004, с. 518–519]. Изображены привал и отдых участников крупной охоты. Всего на картине показано 37 человек и 24 лошади. Вся композиция распадется на три больших сцены¹⁷. Крайняя справа группа (начальная при развертывании свитка) состоит из отдыхающих, но не расседланных лошадей, нагруженных дичью (гусьями, утками и т.п.). Рядом с верховыми животными стоят или сидят на земле люди, участвовавшие в охоте. Хвосты у всех коней в этой группе завязаны тугими узлами с двумя свисающими прядями (рис. 2, 3).

Следующая (средняя) группа изображает еще нескольких коней и стоящих рядом с ними спешившихся всадников. Кони в этой группе, насколько можно судить, не нагружены, а хвосты у них не завязаны в узел, но зато перехвачены посередине лентой (рис. 2, 2). Третья (крайняя слева) группа представляет сцену пира. В центре, на покрытом ковром низком помосте сидит главный персонаж, а правее него – фигура в белых одеждах, видимо, вторая по статусу. Сидящие на помосте едят и пьют. Расположившиеся вокруг (некоторые – стоя на коленях) слуги подливают им вино, готовят и подносят закуски и т.п. На переднем плане, развлекая пирующих, перед помостом пляшет танцор. Поодаль стоят охранники с луками, служанки и другие персонажи (рис. 2, 1).

Китайские исследования однозначно интерпретируют свиток «Чжосе ту» как изображение перерыва на отдых во время царской охоты хана киданей. Сидящую рядом с ханом фигуру в белом облачении они считают одетой в китайское платье его супругой [Чжунго мэйшу, 1984, с. 29; Чжунго жэньу, 2004, с. 58; Чжунго лидай, 2004, с. 518]. Правда, раздел «Система одежды» в главе 23 «Истории государства киданей» Е Лунли свидетельствует об обратном: «Императрица и киданьские чиновники ходят в киданьских одеждах. Император и китайские чиновники ходят в китайских одеждах» [Е Лун-ли, 1979, с. 316].

В последнее время китайские исследователи стали отмечать, что почти все мужские персонажи на картине «Чжосе ту» носят прическу (выбритая макушка и заплетенные в две косы волосы на затылке), характерную не для киданей, а для чжурчжэней (女真 *нюйчжэнь*)¹⁸. По мнению китайских искусствоведов, отраженному и на сайте музея Гугун, разбираемый свиток показывает включающий пир после охоты прием облаченного в белые одежды южно-сунского посла одним из вождей чжурчжэней¹⁹. «Байкэ байду» замечает, что в начале прав-

¹⁶ Ху Хуань «Чжосету» цзюань. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/234629.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

¹⁷ Чжосету. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%8D%93%E6%AD%87%E5%9B%BE/10782464> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

¹⁸ Народность, выросшая и укрепившаяся на Северо-Востоке. Создав собственное государство Цзинь (金, 1115–1234), они захватили киданьское Ляо и завоевали северную часть Китая.

¹⁹ Ху Хуань «Чжосету» цзюань. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/234629.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

ления Южной Сун Китай часто отправлял послов к чжурчжэням, в основном с целью сбора разведывательных данных²⁰.

Рис. 2. Картина «Чжосе ту»:
1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (центральная часть); 3 – фрагмент (правая часть).
По: [Чжунго мэйшу, 1984, рис. 55. с. 106–108]

Fig. 2. “Zhuose tu” painting:
1 – fragment (left part); 2 – fragment (central part); 3 – fragment (right part)
As per: [Zhongguo meishu, 1984, fig. 55, p. 106–108]

²⁰ Чжосе ту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%8D%93%E6%AD%87%E5%9B%BE/10782464> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на специфику оформления «причесок» хвоста у разных групп лошадей на свитке «Чжосе ту». Идея об их принадлежности двум разным этносам, один из которых представлен посольской делегацией, выглядит в этом плане весьма плодотворной. Но вот как именно оформлял хвосты у своих верховых коней каждый из трех народов – киданей, чжурчжэней и китайцев эпохи Сун, предстоит еще выяснить. Рассмотрим для этого несколько картин, относящихся к живописи Цзинь и Южной Сун.

Картины о Цай Вэньци рубежа XII–XIII веков

Цай Янь (蔡琰 ок. 172 – ок. 220), второе имя Вэньци 文姬 или Вэньчжао 文昭, дочь Цай Юна (蔡邕/雍, 132–192), сановника, мыслителя, ученого в области гуманитарных и естественных наук, музыканта и теоретика музыки, каллиграфа и теоретика каллиграфии, литератора, одного из ведущих поэтов конца Поздней Хань. Она была очень талантлива, хорошо разбиралась в литературе, музыке и каллиграфии. Совсем молодой Цай Вэньци в первый раз вышла замуж за Вэй Чжундао (卫仲道), вскоре умершего, после чего вернулась домой к отцу. В результате захвата и разграбления Лояна войсками генерала Дун Чжо (董卓) в 192 г.²¹, Цай Янь попала в плен к южным сюнну и прожила у них двенадцать лет, родив двоих детей.

Полководец Цао Цао (曹操 155–220), объединивший Север страны, за большие деньги выкупил Цай Янь у сюнну, так как надеялся получить от нее сведения о библиотеке Цай Юна, которая бесследно исчезла во время событий 192 г. Он же выдал Цай Вэньци замуж за Дун Сы (董祀)²². Цай Янь оставила после себя несколько великолепных поэтических произведений, в которых поведала о своей трагической судьбе. Согласно этим произведениям, ей пришлось оставить сыновей у сюнну. В наши дни о Цай Вэньци снимают телесериалы, а до этого часто изображали художники разных эпох, включая Мин и Цин²³.

Нередко в такие полотна вкладывался символический смысл. Авторы статьи в «Байкэ байду» отмечают, что тема была весьма популярна в первые годы после гибели империи Северная Сун и в начале становления Южной Сун, когда при захвате в 1127 г. северо-сунской столицы (на месте современного г. Кайфэн) Хуэй-цзун и его сын Цинь-цзун (欽宗, Чжао Хуань 赵桓) были взяты в плен чжурчжэнями²⁴. По их мнению, история о возвращении Цай Вэньци в Китай соответствовала настроениям жителей Южной Сун, молившихся о возвращении императоров²⁵.

Впрочем, такое развитие событий противоречило бы интересам самопровозглашенного императора Чжао Гоу (赵构 1107–1187, Гао-цзуна 高宗, прав. 1127–1162), основателя Южной Сун, которому в таком случае пришлось бы уступить престол отцу и старшему брату, взшедшим на трон до него. Более-менее прочный мир с чжурчжэнями был подписан только в 1141 г., когда пленные монархи уже умерли на чужбине и на родину были возвращены лишь гробы с их телами²⁶.

Возможно, что, обращаясь к теме «возвращения Вэньци» во второй половине XII – первой половине XIII века, художники Южной Сун выражали надежду, что занятый чжурчжэнями (а потом и монголами) север страны тоже рано или поздно «вернется в родную гавань»

²¹ Подробнее о Дун Чжо и захвате им Лояна см. [Борисов, 2015]

²² Существует официальное жизнеописание Цай Янь в «Хоу Хань шу» (后汉书 «Книга о Поздней Хань», цз. 84, «Дун Сы ци» 董祀妻 «Жена Дун Сы»).

²³ Цай Вэньци. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%94%A1%E6%96%87%E5%A7%AC/6785> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

²⁴ Во время нашествия чжурчжэней Хуэй-цзун отрекся от трона в пользу сына, правление которого продолжалось менее года.

²⁵ Чэнь Цзюйчжун. «Вэньци гуй Хань ту» URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%B%8/14766032> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

²⁶ Подробнее о сунско-цинских отношениях см. [Гончаров, 1986].

[Чжунго лидай, 1995, с. 102]. Правда, если для южно-сунских живописцев подобные чаяния выглядят вполне психологически оправданными, то чем объяснить тягу цзиньских придворных художников изображать Вэньци?

Можно, конечно, считать, что они были этническими ханьцами, пытавшимися таким образом «показать фигу в кармане» своим цзиньским хозяевам. Но, скорее, они творили в последние десятилетия существования империи Цзинь, когда часть ее территории была уже завоевана монголами, и чжурчжэни через искусство выражали свою надежду на будущий реванш. Возможно, что ответ на этот вопрос кроется в том, как именно изображали «Возвращение Вэньци» цзиньские и южно-сунские художники.

Вертикальный свиток Чэнь Цзюйчжун

Художник Чэнь Цзюйчжун (陈居中), жил в Южной Сун в XII – начале XIII в. Даты его рождения и смерти неизвестны, но есть сведения, что в годы правления южно-сунского Нинцзуна (宁宗 1194/95–1224) под девизом Цзя-тай (嘉泰, 1201–1204) Чэнь Цзюйчжун занимал должность *дайчжао* (待詔) в Академии живописи Южной Сун [БКРС, т. 1, 1983, с. 151]. Считается, что Чэнь Цзюйчжун специализировался на изображениях степных всадников и их кочевой жизни²⁷. Чэнь Цзюйчжуну приписывают вертикальный свиток «Вэньци возвращается в Хань» (文姬归汉图 *Вэньци гуй Хань ту*, 147,4 × 107,7 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй)²⁸. На картине нет подписи или печати автора, но долгое время она считалась, да и сейчас продолжает считаться созданной Чэнь Цзюйчжуном²⁹.

Свиток «Вэньци возвращается в Хань» изображает передачу поэтессы послу Цао Цао на границе владений империи Хань и сюнну, обставленную как своеобразный «пикник на обочине». Сцена показана как бы «со стороны Китая». Цай Янь сидит на прямоугольном ковре напротив провожающего ее предводителя левого крыла сюнну Цзо Сянь-вана (左賢王)³⁰. Близ ковра четверо слуг подают им напитки и угощения. Сзади Цай Вэньци на ковре стоят двое ее детей. Младший крепко ухватился за мать. В отдалении, меж песчаных холмов на заднем плане – еще несколько слуг (возможно, конюхов), лошадь и верблюд с навьюченной поклажей (видимо, пожитками Цай Вэньци)³¹.

Китайский посол в красном облачении сидит на особой циновке. Перед ним пара охранников, вооруженных луками, а за спиной – свита с угощениями, опахалами, сложенными зонтами и т. п. и пара лошадей. Еще несколько лошадей, видимо, для членов свиты посла, привязаны поодаль близ кустов, на переднем плане картины. Хвосты у всех лошадей посольской свиты завязаны тугим узлом с двумя свисающими прядями. Как оформлены хвосты у коней сюнну, на картине не видно (рис. 3, 1).

²⁷ Чэнь Цзюйчжун. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD/2304724> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

²⁸ В монографии Т. А. Постреловой работа названа «Монгольский лагерь; Вэнь Чжи возвращается в Китай», в качестве места ее хранения указан пекинский Гугун, а автора – Чань Цзюйчжун [Пострелова, 1976, с. 200].

²⁹ Чэнь Цзюйчжун. «Вэньци гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%BB%B8/14766032> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

³⁰ Цзо Сянь-ван – не личное имя, а титул / должность у сюнну, вторая по значению после *шаньюя*. Споры о том, была Цай Вэньци законной женой или наложницей Цзо Сянь-вана, продолжаются до сих пор. Цзо Сянь-ван. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B7%A6%E8%B3%A2%E7%8E%8B/1164749> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

³¹ Южная Сун. Чэнь Цзюйчжун. «Вэньци гуй Хань ту» чжоу. Хранится в музее Гугун в Тайбэе. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_3fc15f510102x09k.html (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

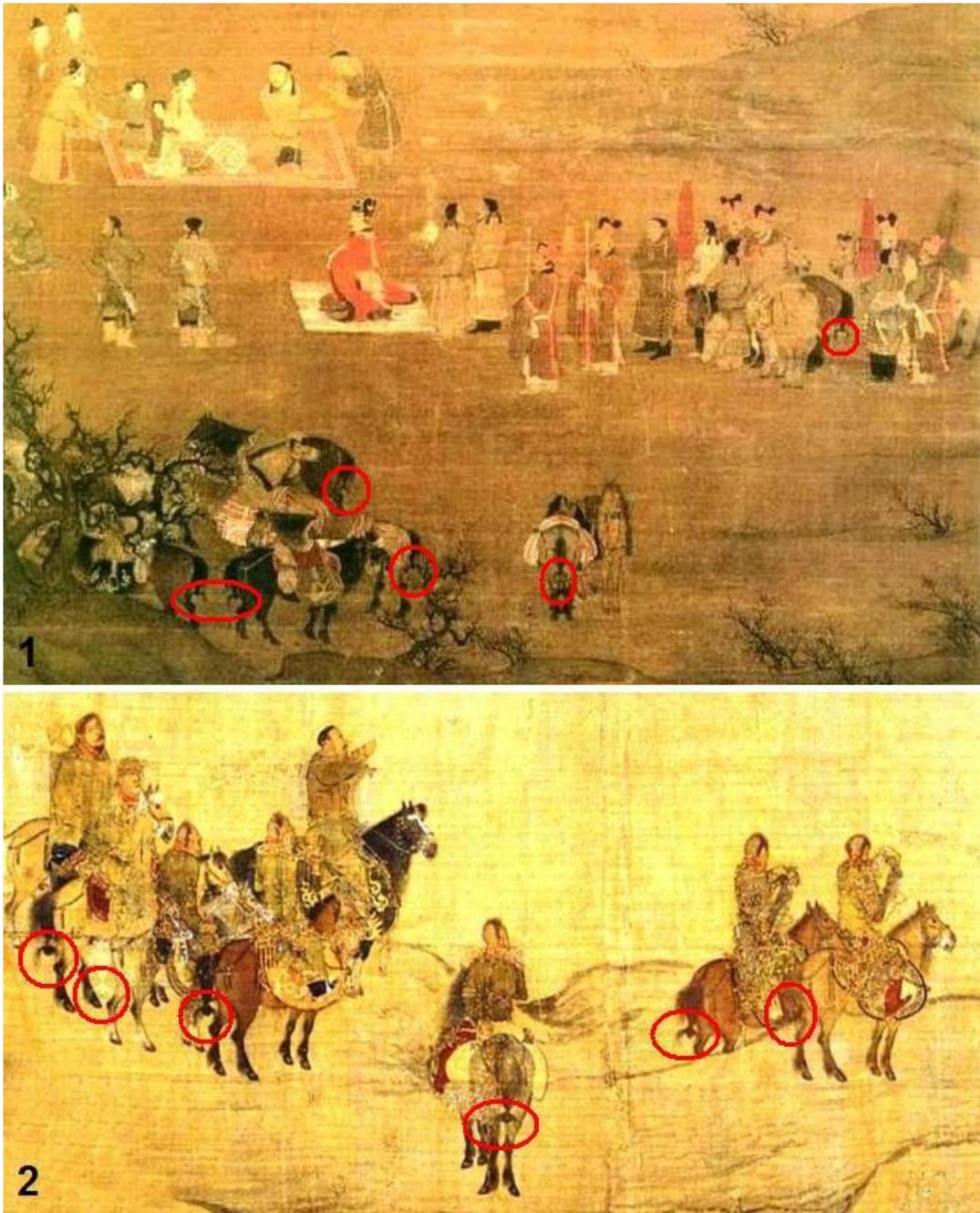

Рис. 3. Картины Чэнь Цзюйчжуна:

1 – «Вэньцзи возвращается в Хань» (фрагмент); 2 – «Весенняя охота всадников-варваров» (фрагмент). По: [1 – Чэнь Цзюйчжун. «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%B%B8/14766032> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.); 2 – The Metropolitan Museum of Art, New York, NY. Nomads hunting with falcons. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (дата обращения 21.01.2022)]

Fig. 3. Chen Juzhong's paintings:

1 – “Wenji returns to Han” (fragment); 2 – “Spring hunt of barbarian riders” (fragment). As per: [1 – Chen Juzhong. “Wenji gui Han tu” zhou. URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%BB%B8/14766032> (date of access 21.01.2022) (in Chin.); 2 – The Metropolitan Museum of Art, New York, NY. Nomads hunting with falcons. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (date of access 21.01.2022)]

Сюннская делегация, доставившая к пункту передачи Цай Вэньци, выглядит весьма скромно. Мы видим всего четырех слуг, двух-трех конюхов, пару лошадей и вьючного верблюда (конюхи, лошади и верблюд находятся в верхней части картины на заднем плане и на нашем рисунке не показаны). Цзо Сянь-ван почти не отличается одеждой от своих слуг и поза у него какая-то согбенно-заискивающая, чуть ли не просительская. Напротив, яркая красная одежда ханьского посла моментально бросается в глаза, он сидит с прямой спиной, гордо выпятив живот, так что сразу заметно, кто здесь главный. Свита китайского посла включает порядка 15 человек. На полотне показано не менее 12 принадлежащих им лошадей.

Горизонтальный свиток Чжан Юя

Чжан Юй (张瑀) – живописец начала XIII в., даты рождения и смерти и остальная биография которого неизвестны. Ему принадлежит картина с тем же названием, что и у Чэнь Цзюй-чжуна: «Вэньци возвращается в Хань» (文姬归汉图 *Вэньци гуй Хань ту*, 29 × 129 см, шелк, тушь, краски, Цзилинский провинциальный музей, г. Чанчунь). Сначала считалось, что свиток создан в Южной Сун, поскольку упоминавшийся выше маньчжурский император Цяньлун собственноручно начертил на нем надпись “宋人文姬归汉图” (*Сунжэнь Вэньци гуй Хань ту*, т. е. «Сунская картина “Вэньци возвращается в Хань”»). Но после обнаружения уже в наши дни в левом верхнем углу полотна шести иероглифов “祇应司张瑀画” (*Чжшинсы Чжан Юй хуа*) его атрибуция поменялась³².

Все, что мы знаем о Чжан Юе, заключено в этой надписи. *Чжшинсы* было придворным учреждением, отвечавшим за различные работы внутри дворца, созданным в первый год правления под девизом Тай-хэ (泰和) цзиньского Чжан-цзуна (章宗), т. е. в 1201 г. [БКРС, т. 1, 1983, с. 156]. Поскольку учреждения с таким названием в структуре «внутреннего правительства» Сун не существовало, Чжан Юя следует считать придворным художником Цзинь [Чжунго жэньу, 2004, с. 126; Чжунго лидай, 2004, с. 178–179]. Если 1201 г. принять за нижнюю возможную границу создания свитка, то верхней, очевидно, будет 1234 г., когда погибла империя Цзинь [БКРС, Т. 1, 1983, с. 149].

На картине изображено 12 фигур, движущихся слева направо, в том числе 10 всадников. Впереди на кобыле едет человек с флагом на плече. Рядом с ним бежит жеребенок. Следом двое пеших ведут под уздцы лошадь одетой в меховую шапку главной героини. Считается, что это Цай Вэньци. За Цай Вэньци спешит ее свита из семи сопровождающих. Замыкает процессию охотник с колчаном со стрелами на поясе и с соколом или орлом, сидящим на специальной рукавице, одетой на его правую руку. Рядом с его конем бежит охотничья собака (рис. 4, 1). Хвост у лошади Цай Вэньци завязан узлом с двумя свисающими прядями (рис. 4, 2). Хвосты коней всех остальных всадников свободно распущены [Чжунго жэньу, 2004, с. 126–127; Чжунго лидай, 2004, с. 178–179].

На картине Чжан Юя центром композиции оказывается фигура смело едущей вперед навстречу сильному ветру, не закрывая и не отворачивая лица, в отличие от многих своих попутчиков, Цай Вэньци. По нашему мнению, китайская делегация на свитке не показана. Попытки разделить спутников Цай Вэньци на «ханьцев» и «хусцев» (т. е. фактически на сунцев и цзиньцев) не выглядят убедительно (Ср.: [Чжунго жэньу, 2004, с. 126–127; Чжунго лидай, 2004, с. 178]).

Можно, конечно, предполагать, что картина Чжан Юя появилась как своеобразный художественный ответ позднецзиньской школы живописи на южно-сунское полотно Чэнь Цзюй-чжуна, призванный продемонстрировать мощь и благородство сунну (т. е. Цзинь), если и вернувших Цай Вэньци на историческую родину, то исключительно по собственной доброй воле.

³² Чжан Юй. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E7%91%80/1827240> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

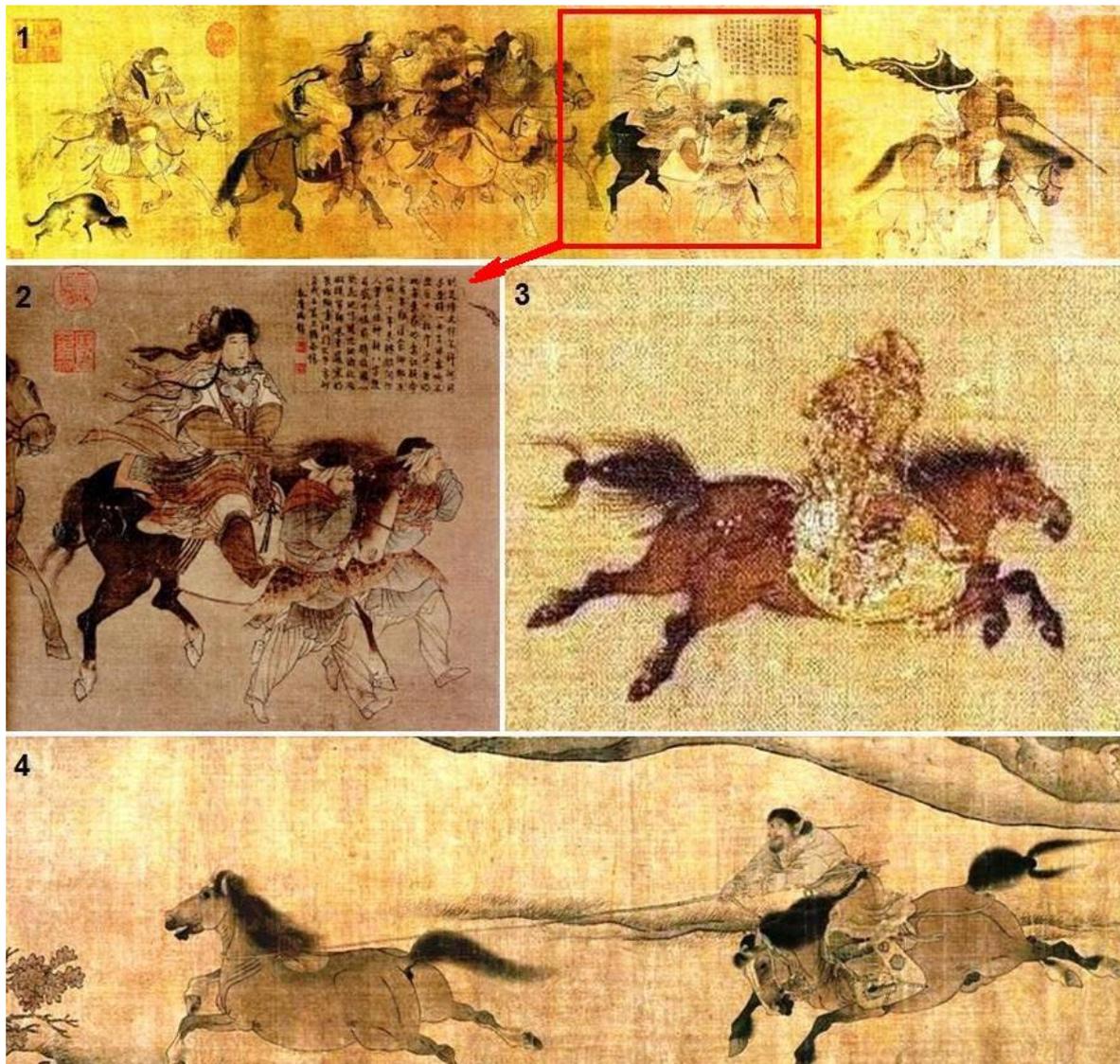

Рис. 4. Картины Чжан Юя, Чэнь Цзюйчжуна и Ян Вэя:

1 – Чжан Юй «Вэньцзи возвращается в Хань» (общий вид); 2 – Чжан Юй «Вэньцзи возвращается в Хань» (фрагмент); 3 – Чэнь Цзюйчжун «Весенняя охота всадников-варваров» (фрагмент); 4 – Ян Вэй «Два скакуна» (общий вид). По: [1, 2 – Чжунго жэньу, 2004, с. 126–127; 3 – The Metropolitan Museum of Art, New York, NY. Nomads hunting with falcons. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (дата обращения 21.01.2022); 4 – Чжунго лидай, 2004, рис. 289, с. 891]

Fig. 4. Paintings by Zhang Yu, Chen Juzhong and Yang Wei:

1 – Zhang Yu “Wenji returns to Han” (general view); 2 – Zhang Yu “Wenji returns to Han” (fragment); 3 – Chen Juzhong “Spring hunt of barbarian riders” (fragment); 4 – Yang Wei “Two runners” (general view). As per: [1, 2 – Zhongguo renwu, 2004, p. 126–127; 3 – The Metropolitan Museum of Art, New York, NY. Nomads hunting with falcons. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (date of access 21.01.2022); 4 – Zhongguo lidai, 2004, fig. 289, p. 891]

На наш взгляд, однако, свиток Чжан Юя отражал ситуацию противостояния чжурчжэней монголам, а не Южной Сун. Тогда «хусцы», изображенные на полотне, – это монголы, а Цай Вэньцзи, одетая, скорее, по-чжурчжэньски, возвращается «на родину» в Цзинь. Не стоит забывать и то, что названия для картин предмонгольского времени зачастую придумывали

и фиксировали в записях уже в эпоху Мин, а то и Цин, так что свиток Чжан Юя мог, по замыслу автора, изображать вовсе не «Возвращение Цай Вэньци», а иной сюжет.

«Весенняя охота» Чэнь Цзюйчжуна и свиток Ян Вэя

В контексте нашего исследования, помимо «Вэньци возвращается в Хань», заслуживает внимания еще одна картина Чэнь Цзюйчжуна, а именно – «Весенняя охота всадников-варваров» (胡骑春猎图 *Хуци чуньле ту*). «Весенняя охота» представляет собой роспись на веере, превращенном в альбомный лист высотой 24,1 и шириной 27,3 см. Материал – шелк, тушь, краски. Картина хранится в Музее искусств «Метрополитен» в Нью-Йорке, куда она поступила в 1947 г. в результате покупки из коллекции А. У. Бара (A. W. Bahr)³³.

На картине изображены девять всадников, участвующих в соколиной охоте. На переднем плане слева показаны пять конных охотников, наблюдающих за летящей в небе птицей. В центре на переднем плане находятся еще три всадника, один из них – спиной к зрителю. Девятый всадник на заднем плане несется вскачь за преследующим добычу соколом. Хвосты у всех коней завязаны тугим узлом с двумя торчащими перпендикулярно в стороны прядями (рис. 3, 2). Особенно хорошо эта деталь заметна у лошади, скачущей галопом (рис. 4, 3).

В связи с этим нельзя не упомянуть свиток «Два скакуна» (二骏图 *Эр цзюнь ту* 25,2 × 81 см, шелк, тушь, краски, Ляонинский провинциальный музей, г. Шэньян) художника Ян Вэя (楊微), жившего в конце XII в. Неизвестны ни даты его рождения и смерти, ни социальный статус живописца. Все, что мы о нем знаем, заключено в размещенной слева на самой картине надписи “大定甲辰高唐楊微画” (*Да-дин цзя-чэнь Гаотан Ян Вэй хуа*). Из этого следует, что картина создана в 1184 г. при цзиньском Ши-цзуне (世宗) Ян Вэем из Гаотана, который располагался на территории современной пров. Шаньдун [Чжунго лидай, 2004, с. 890].

Да-дин – девиз правления при нескольких династиях, в том числе при Хоу Лян (555–562), Бэй Чжоу (581) и Цзинь (1161–1189), цзя-чэнь – 41-й год 60-летнего цикла, а Гаотан – предположительно место рождения художника. На двадцать четвертый год правления Ши-цзуна под девизом Да-дин как раз и пришлось сочетание циклических знаков цзя-чэнь [БКРС, т. 1, 1983, с. 154, 162, 167]. В 1983 г. г-н Чжань Хунси (詹宏羲) передал свиток Ян Вэя в дар музею пров. Ляонин в Шэньяне³⁴. Изображен несущийся справа налево всадник-варвар, как считается, чжурчжэнь, заарканивший на полном скаку необъезженную лошадь и пытающийся ее усмирить³⁵. Хвост верховой лошади завязан на конце узлом с двумя длинными прядями, совсем как у коня Цай Вэньци с картины Чжан Юя (рис. 4, 4).

Ли Цзаньхуа (Елюй Бэй) и киданьские погребальные стенописи

Рассмотрение картин в жанре *жэньу*, созданных в империях Южная Сун и Цзинь показало, что в обоих государствах в равной степени, по крайней мере, в конце XII – начале XIII веков было принято завязывать хвосты коней тугим узлом с оставлением двух свисающих прядей. Чтобы определить, кому могли принадлежать лошади с перевязанными лентой хвостами на свитке «Чжосе ту», обратимся к творчеству, пожалуй, наиболее знаменитого киданьского живописца Ли Цзаньхуа (李赞华, 899–937), больше известного по титулу Дунданьван (东丹王).

³³ The Metropolitan Museum of Art, New York, NY. Nomads hunting with falcons. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (дата обращения 21.01.2022)

³⁴ Ян Вэй (Цзиньдай хуацзя). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%A5%8A%E5%BE%AE/41829> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

³⁵ Эрцзюнь ту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%8C%E9%A7%BF%E5%9C%96/22573347> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

Ли Цзаньхуа, он же Елюй Бэй (耶律倍), или Елюй Туьюй (耶律图/突欲 – существуют разные написания первого иероглифа этого имени), или Ицзун Бэй (義宗倍) – художник эпохи Пяти династий, который творил в империи Поздняя Тан (后唐 Хоу Тан, 923–937). Он был старшим сыном основателя государства киданей Елюй Абаоцзи (耶律阿保机 872–926). Однако при выборе наследника после смерти отца мать Елюй Бэй императрица Шулюйпин (述律平, Юэлидо 月里朵, 876–951) посчитала, что он уделяет слишком большое внимание китайской культуре и предпочла его младшего брата Елюй Дэгуана (耶律德光, 902–947, т. е. лясоского Тай-цзуна 太宗, правл. 927–947). Елюй Бэй из княжества Дундань, располагавшегося на территории завоеванного киданями незадолго до этого Бохая, где он был вассальным по отношению к государству киданей правителем, бежал на корабле в империю Поздняя Тан. Там он впоследствии и получил фамилию Ли (т. е. фамилию правящего дома Поздней Тан) и имя Цзаньхуа [Е Лун-ли, 1979, с. 240–242]. Вот что писал о Елюй Бэ Го Жосюй:

Дундань ван – младший брат киданьского правителя, его прозвище князь Жэнь-хуан, имя Ту-юй. Во второй год правления Чан-син династии Поздняя Тан (930 г. – прим. авт.) он приехал в Китай. Император Мин-цзун пожаловал ему фамилию Ли и имя «Воспевающий Китай» – Цзань-хуа. Прекрасно избрал лошадей своей родины, много писал знатных вождей племен, варварские одежды, седла и уздечки, украшенные нарядными драгоценностями. Лошади – статные, красивые и упитанные. Но кисти его не хватало силы и одухотворенности (Цит по: [Го Жо-суй, 1978, с. 45]).

«Лучник-кавалерист» (射骑图 *Шэци ту* 49,5 × 127,1 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй) – одна из наиболее известных картин, в течение долгого времени считавшаяся созданной Ли Цзаньхуа [Чжунго жэнью, 2004, с. 39]. Изображен держащий в руках стрелу лучник, рядом с ним стоит оседланный конь, сбруя которого богато украшена красными кистями. Хвост лошади посередине туго перетянут лентой. Челка гривы коня также перетянута лентой и торчит пучком (рис. 5, 1). В последнее время высказывается мнение, отраженное в «Байкэ байду», что свиток «Шэци ту» хотя и изображает киданя, написан не Ли Цзаньхуа, а в более позднее время, при цзиньских императорах Си-цзуне (熙宗, 1136–1149) или даже при Ши-цзуне (世宗, 1161–1189) жившим в то время неизвестным последователем северо-сунского художника Ли Гунлиня (李公麟, 1049–1106)³⁶.

Развеять наши сомнения помогают погребальные стенописи киданей. Например, хорошо сохранившиеся росписи есть на стенах в не тронутым грабителями совместном склепе лясоской принцессы Чэнь (陈) и ее мужа, открытом в 1986 г. в районе г. Тунляо во Внутренней Монголии. Владение Чэнь существовало в 1001–1018 гг. и было упразднено со смертью принцессы и ее супруга, скончавшихся и похороненных годом ранее³⁷.

В склепе принцессы Чэнь нарисованы, в числе прочего, оседланные лошади, хвосты которых, как и челки на гривах, перетянуты лентами (рис. 5, 2). Это позволяет сделать вывод, что в средней группе фигур на свитке «Чжосе ту» показаны «припаркованные» неподалеку от пиршественного стола кони киданьского посольства, прибывшего с дипломатической миссией к чжурчжэням. Изображенное событие могло относиться ко времени чжурчжэньско-киданьской войны 1113–1125 гг. Не исключена и чуть более поздняя дата, соответствующая возможным контактам Западного Ляо с Цзинь. Следовательно, полотно «Чжосе ту» не могло принадлежать кисти Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в X в.

³⁶ Шэци ту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B0%84%E9%AA%91%E5%9B%BE/406873> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

³⁷ Ляо Чэньго гунчжу юй фума хэцзан му. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%BE%BD%E9%99%88%E5%9B%BD%E5%85%AC%E4%B8%BB%E4%B8%8E%E9%A9%B8%E9%A9%AC%E5%90%88%E8%91%AC%E5%A2%93/6390815> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

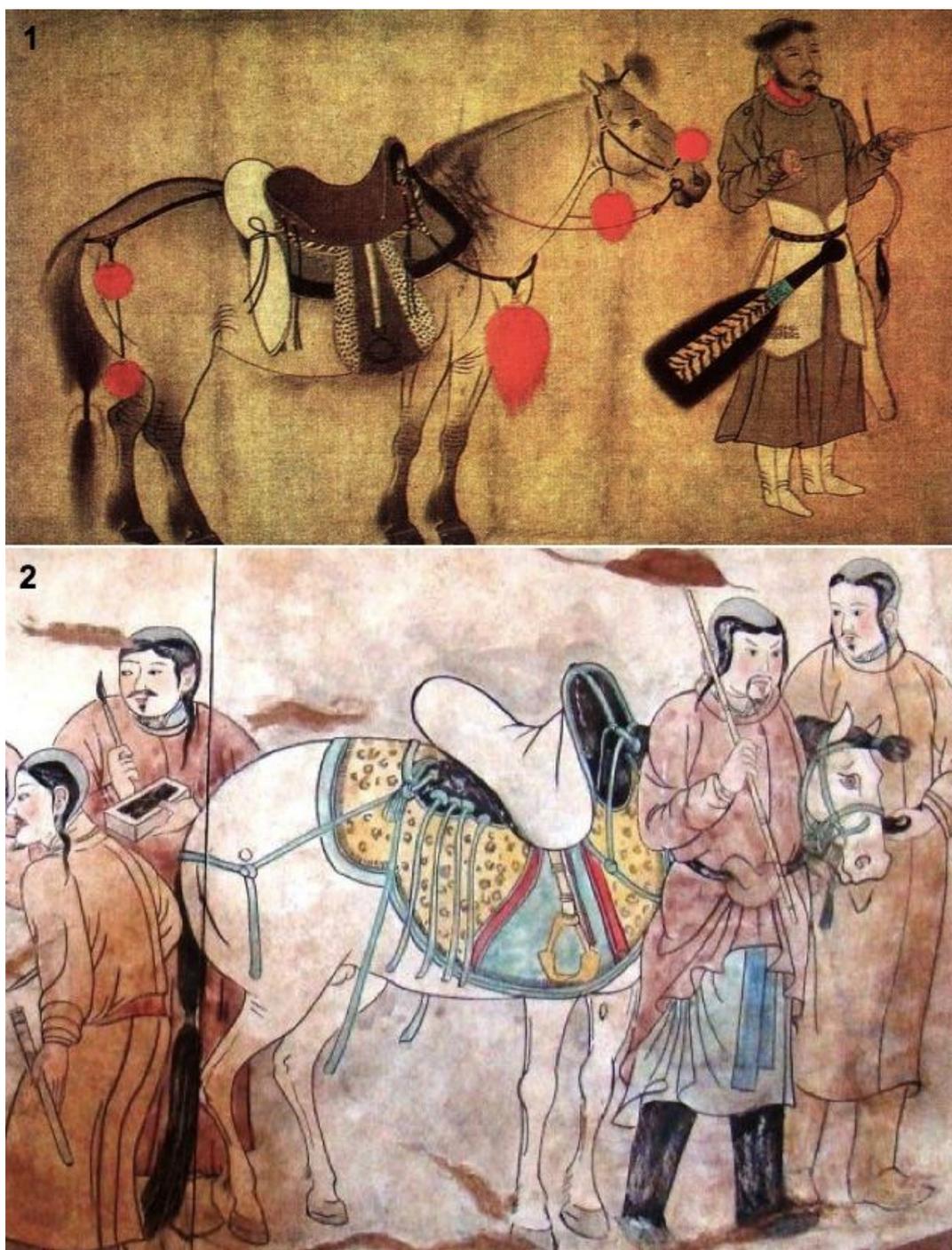

Рис. 5. Киданьские картины:

1 – «Лучник-кавалерист» (общий вид); 2 – Роспись склепа принцессы Чэнь (фрагмент). По: [1 – Чжунго жэньу, 2004, с. 39; 2 – Ляо Чэньго гунчжу юй фу ма хэцан му. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%BE%BD%E9%99%88%E5%9B%BD%E5%85%AC%E4%B8%BB%E4%B8%8E%E9%A9%B8%E9%A9%AC%E5%90%88%E8%91%AC%E5%A2%93/6390815> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)]

Fig. 5. Qidan (Khidan) paintings:

1 – “Archer-rider” (general view); 2 – Princess Chen’s vault mural painting (fragment). As per: [1 – Zhongguo renwu, 2004, p. 39; 2 – Liao Chenguo gongzhu yu fuma hezang mu. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%BE%BD%E9%99%88%E5%9B%BD%E5%85%AC%E4%B8%BB%E4%B8%8E%E9%A9%B8%E9%A9%AC%E5%90%88%E8%91%AC%E5%A2%93/6390815> (date of access 21.01.2022) (in Chin.)]

Особенности изображения лошадей на картинах Чжао Мэнфу

В предыдущих разделах статьи мы рассмотрели изображения лошадей на полотнах южно-сунских, цзиньских и киданьских художников, работавших в жанре *жэньбу*. Чтобы проверить наше предположение о том, что сопровождающая Цай Вэньци на картине Чжан Юя свита «хусцев» на самом деле состоит из монголов, обратимся к картинам одного из самых видных художников-анималистов эпохи Юань – Чжао Мэнфу (赵孟頫, 1254–1322). Он с детства любил рисовать коней и достиг в этом искусстве выдающихся успехов: «Среди картин Чжао Мэнфу наиболее знамениты изображения ездовых лошадей» [Чжао Мэнфу, 2017, с. 14].

Чжао Мэнфу, дальний родственник сунского правящего дома, родился в г. Усин 吴兴 (*совр.* городской округ Хучжоу 湖州 пров. Чжэцзян). Он входил в творческое объединение «Восемь талантов из Усина» (吴兴八君 *Усин ба цзюнь*), будучи одним из его ключевых деятелей. В 1286 г. Чжао Мэнфу принял предложение монгольских властей поступить на службу и получил впоследствии ряд назначений в центральных административных учреждениях империи [Кравцова, 2010, с. 821]. Рассмотрим несколько наиболее известных картин Чжао Мэнфу с изображениями лошадей.

«Три конюха и коня» (三世人马图 *Сань ши жэнь ма ту*, 30,2 × 178,1 см, бумага, тушь, краски, музей «Метрополитен», Нью-Йорк) – свиток, созданный в 1296 и 1359 годах, начат Чжао Мэнфу и завершен его сыном Чжао Юном (赵雍) и внуком Чжао Линем (赵麟), передан музею в дар в 1988 г. Джоном М. Кроуфордом младшим (John M. Crawford Jr.)³⁸. Большая часть свитка (его общая длина 890,3 см) заполнена каллиграфией, изображены три конюха, каждый в паре с лошастью. У всех коней хвосты распущены. На нашем рисунке показана крайняя справа пара «конь и конюх», предположительно, принадлежащая кисти самого Чжао Мэнфу (рис. 6, 1).

«Кроткий конь» (调良图 *Тяолян ту*, 22,7 × 49 см, бумага, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй) может быть самой ранней среди всех дошедших до нас работ Чжао Мэнфу. Китайский историк искусства профессор Ли Чжуцзинь считает, что эта картина является подлинником 1280-х годов, когда Чжао Мэнфу было всего около 26 лет³⁹. Конь на рисунке стоит, опустив голову, его распущенные хвост и гриву развеивает сильный ветер. Этот же порыв ветра стремится сорвать шапку с повернувшегося к коню конюха, треплет его бороду и полы одежды (рис. 6, 2).

«Древние деревья и выпущенные кони» (古木散马图 *Гуму саньма ту*, 29,8 × 71,1 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй)⁴⁰ написаны на четвертом году правления под девизом Да-дэ (大德) юаньского императора Чэн-цзуна (成宗), т. е. в 1300 г. [БКРС, Т. 1, 1983, с. 148, 154]. На рисунке изображены две пасущихся под деревьями лошади. Одна из них показана анфас, а другая, с распущенным хвостом, видна сбоку (рис. 6, 3).

На свитках Чжао Мэнфу начала XIV в., изображающих массовые жанровые сцены с участием лошадей, ситуация та же самая. «Купание коней» (浴马图 *Юйма ту*, 28,5 × 154 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин)⁴¹, написано по заказу юаньского императора У-цзуна

³⁸ Grooms and Horses dated 1296 and 1359. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40507> (дата обращения 21.01.2022)

³⁹ Тяолян ту. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%AA%BF%E8%89%AF%E5%9C%96/11015273> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁴⁰ Юань Чжао Мэнфу «Гуму саньма ту» цзюань. URL: <http://chinapalacemuseum.com/%E5%85%83%E8%B6%99%E5%AD%9F%E9%A0%AB%E5%8F%A4%E6%9C%A8%E6%95%A3%E9%A6%AC%E5%9C%96-%E5%8D%B7-%E6%95%85-%E7%95%AB-000923-00000/> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁴¹ Чжао Мэнфу «Юйма ту» цзюань. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/232499.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

(武宗), правившего в 1308–1312 гг.⁴² Изображены девять конюхов и 14 лошадей. У всех коней хвосты распущены (рис. 7, 1).

Рис. 6. Картины Чжао Мэнфу:
1 – «Три конюха и коня» (фрагмент); 2 – «Кроткий конь»; 3 – «Древние деревья и выпущенные кони».
По: [Чжао Мэнфу, 2017, с. 27, 32, 69]

Fig. 6. Paintings by Zhao Mengfu:
1 – “Three grooms and horses” (fragment); 2 – “Tamed horse”; 3 – “Old trees and released horses”.
As per: [Zhao Mengfu, 2017, p. 27, 32, 69]

⁴² Юйма ту. URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E6%B5%B4%E9%A6%AC%E5%9C%96/8102507> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

Рис. 7. Картины Чжао Мэнфу:
1 – «Купание коней» (общий вид); 2 – «Водопой коней на осенних полях» (общий вид).
По: [Чжао Мэнфу, 2017, с. 34–35, 38]

Fig. 7. Paintings by Zhao Mengfu:
1 – “Bathing of horses” (general view); 2 – “Watering horses at autumn fields” (general view).
As per: [Zhao Mengfu, 2017, p. 34–35, 38]

«Водопой коней на осенних полях» (秋郊饮马图 Цюцзяо иньма ту, 23,6 × 59 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин)⁴³, несет не только эту иероглифическую надпись с названием картины, но и сведения о дате ее создания: «皇慶元年十一月» (Хуан-цин юань нянь шиши юэ, т.е. «Одиннадцатый месяц начального года правления под девизом Хуан-цин»)⁴⁴, означающую, что полотно написано при юаньском императоре Жэнь-цзуне (仁宗) в 1312 / 1313 г. [БКРС, т. 1, 1983, с. 148, 151]. Показаны четыре резвящихся на воле коня с распущенными хвостами, на пятом сидит конюх в красных одеяниях со стеклом в руках, а пять других лошадей уже зашли в воду и пьют (рис. 7, 2). Стоит отметить, что все кони на полотнах Чжао Мэнфу не оседланные, а некоторые и не взнузданные.

Заключение

Приступая к исследованию картины «Кочевники» («Фаньци ту»), мы рассчитывали, что удастся уточнить ее датировку, не прибегая к использованию особенностей одежды и головных уборов персонажей, чтобы не создавать логического кольца. Большие надежды возлагались при этом на изображения оружия и конского снаряжения (стремян, седел, уздечек), которые предполагалось датировать путем сопоставления их с изделиями, реально найденными в Сибири и Центральной Азии во время археологических раскопок.

⁴³ Чжао Мэнфу «Цюцзяо иньма ту» цзюань. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/228261.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

⁴⁴ Цюцзяо иньма ту. URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E7%A7%8B%E9%83%8A%E9%A3%B2%E9%A6%AC%E5%9C%96/6737764> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)

Однако знакомство с существующей литературой и консультации с ведущими специалистами показали, что уровень современной археологической изученности региона не позволяет провести дробное хронологическое и/или этническое членение находок, относящихся к предмонгольскому и монгольскому времени, т. е. к X–XIV вв. Не исключено, что обращение к китайской археологии соответствующего периода даст возможность в дальнейшем восполнить этот пробел.

Так что сейчас нам пришлось использовать признак, никем, насколько известно, до этого не привлекавшийся в качестве этнохронологического маркера – оформление хвостов верховых коней. Проведенное исследование показало, что ни картина «Кочевники» («Фаньци ту»), ни свиток «Чжосе ту» не могут принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX – начале X в. Они созданы гораздо позже.

Свиток «Чжосе ту», скорее всего, относится к 1110–1140-м гг., отражая контакты киданей и чжурчжэней. В качестве этнохронологического маркера киданьской принадлежности изображенных персонажей авторы выделили оформление хвостов их верховых коней путем перетягивания их посередине лентой. Хвосты верховых коней у персонажей, представляющих чжурчжэней-цзиньцев или южных сунцев, оформлены одинаково: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Следовательно, это лишь хронологический признак, но не этнокультурный.

Свободно распущенные длинные хвосты у верховых коней, насколько можно судить, были характерны для монголов и монгольского времени. Исходя из этого, полотно «Фаньци ту» («Кочевники») должно, вероятно, датироваться серединой – второй половиной XIII в. (от гибели империи Цзинь в 1234 г. и до расцвета творчества Чжао Мэнфу).

Проверить в дальнейшем справедливость сделанных в данной статье выводов, особенно в части уточнения датировки картины «Кочевники» («Фаньци ту»), предполагается как путем расширения хронологических рамок исследования включением в него танской живописи (VII–IX вв.), так и за счет сопоставления композиций разновременных картин-свитков, изображающих конные процессии.

Список литературы

- Большой китайско-русский словарь. М.: ГРВЛ, 1983. Т. 1. 552 с.
- Борисов Д. Э.** Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 54–61.
- Го Жо-сюй.** Записки о живописи: Что видел и слышал. М.: ГРВЛ, 1978. 240 с.
- Гончаров С. Н.** Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: ГРВЛ, 1986. 296 с.
- Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи). М.: ГРВЛ, 1979. 608 с.
- Кравцова М. Е.** Чжао Мэн-фу // Духовная культура Китая. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М.: Вост. лит., 2010. С. 821–823.
- Пострелова Т. А.** Академия живописи в Китае в X–XIII вв. М.: ГРВЛ, 1976. 240 с., 22 л. ил.
- Хрипунов Н. В.** Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация: Сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 5. С. 363–393.
- Чжао Мэнфу.** Живопись. Альбомы мастерской Жунбаочжай. Древность. М.: Шанс, 2017. 70 с.
- Чжунго жэньхуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏。张弘主编] Собрание шедевров китайской фигуративной живописи / Под ред. Чжан Хуна. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. 242 с. (на кит. яз.)

- Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏。蒋文光主编]. Собрание известных китайских картин прошлого / Под ред. Цзян Вэнгуана. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. 2546 с. (на кит. яз.)
- Чжунго лидай хуйхуа цзинпин 100 фу шанси [中国历代绘画精品 100 幅赏析。周卫明, 徐建融编著]. Собрание 100 шедевров китайской живописи прошлых лет / Под ред. Чжоу Вэймина, Сюй Цзяньжуна. Цзинань: Шаньдун кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1995. 205 с. (на кит. яз.)
- Чжунго мэйшу цюаньци. Хуйхуапянь 2. [中国美术全集。绘画编 2。隋唐五代绘画。金維諾主编]. Полное собрание китайского искусства. Живопись. Т. 2. Суй, Тан, Пять династий / Под ред. Цзинь Вэйно. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1984. 30 + 50 с., 179 л. цв. илл. (на кит. яз.)

References

- Bolshoi kitaisko-russkiy slovar [The Big Chinese-Russian Dictionary]. Moscow, GRVL, 1983, vol. 1, 552 p. (in Russ.)
- Borisov D. E.** The biography of Cao Cao: at the crossroads: Emperor Lin's death and Dong Zhuo's takeover (188–189 AD). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 10: Oriental Studies, pp. 54–61. (in Russ.)
- Goncharov S. N.** Kitaiskaya srednevekovaya diplomatiya: otnosheniya mezhdru imperiyami Jin I Song, 1127–1142 [Chinese Medieval Diplomacy: Jin and Song Empire Relations, 1127–1142]. Moscow, GRVL, 1986, 296 p. (in Russ.)
- Guo Ruo-xu (郭若虚).** Zapiski o zhivopisi: chto videl I slyshal [Notes on Painting: What I Saw and Heard]. Moscow, GRVL, 1978, 240 p. (in Russ.)
- Khripunov N. V.** Odezhda znati Velikoi imperii mongolov v 1207–1266 godakh [Clothes of the Nobles of the Great Mongolian Empire in 1207–1266]. In: Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Civilization of the Golden Horde]. Collection of Papers. Kazan, Sh. Mardzhani Institute of History AS RT, 2012, iss. 5, pp. 363–393. (in Russ.)
- Kravtsova M. E.** Zhao Mengfu. In: Dukhovnaya kultura Kitaya [Spiritual Culture of China]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2010, vol. 6 (additional): Art, pp. 821–823. (in Russ.)
- Postrelova T. A.** The Chinese Academy of Painting in the 10th – 13th centuries. Moscow, GRVL, 1976, 240 p., 22 pl. (in Russ.)
- Ye Long-li (葉隆禮).** Istoriya gosudarstva kidanei (Qidan guo zhi 契丹国志) [Records of the Khitan State (Qidan guo zhi 契丹国志)]. Moscow, GRVL, 1979, 608 p. (in Russ.)
- Zhao Mengfu (赵孟頫).** Zhivopis. Albomy masterskoy Zhunbaochzhai. Drevnost. [Painting. Rongbaozhai workshop albums. Antiquity]. Moscow, Shans, 2017, 70 p. (in Russ.)
- Zhongguo lidai huihua jingping 100 fu shangxi [中国历代绘画精品 100 幅赏析。周卫明, 徐建融编著]. A Collection of 100 Chinese Painting Masterpieces of the Past. Ed. Zhou Weiming, Xu Jianrong. Jinan, Shandong kexue jishu publishers, 1995, 205 p. (in Chin.)
- Zhongguo lidai minghua jianshang [中国历代名画鉴赏。蒋文光主编]. A Collection of Chinese Famous Paintings of the Past. Ed. Jiang Wenguang. Beijing, Jindun publishers, 2004, 2546 p. (in Chin.)
- Zhongguo meishu quanji. Huihua bian 2. [中国美术全集。绘画编 2。隋唐五代绘画。金維諾主编]. A Complete collection of Chinese Art. Painting. Vol. 2. Sui, Tang, Five Dynasties. Ed. by Jin Weinuo. Beijing, Wenwu publishers, 1984, 30 + 50 p., 179 colour pl. (in Chin.)
- Zhongguo renwu hua mingzuo jianshang [中国人物画名作鉴赏。张弘主编] A Collection of Chinese Figure Painting Masterpieces. Ed. by Zhang Hong. Beijing, Yuanfang publishers, 2004, 242 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент
Татьяна Александровна Пан, кандидат исторических наук

Information about the Authors

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor
Tatiana A. Pan, Candidate of Science (History)

*Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 11.02.2022
The article was submitted on 07.02.2022;
approved after review on 10.02.2022; accepted for publication on 11.02.2022*

Научная статья

УДК 9.93/94

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-42-49

К истории перевода первого закона живописи Се Хэ

Константин Константинович Петров

Институт восточных рукописей Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

konst652@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9349-8770>

Аннотация

Рассматривается история перевода на русский и западноевропейские языки важнейшего для китайской эстетической мысли принципа – первого закона живописи, сформулированного в V в. н. э. художником и мыслителем Се Хэ. Емкость и лапидарность формулировки закона открыли дорогу широкой комментаторской традиции и сделали его трактовку принципиально многозначной. Дискуссия об интерпретации первого закона столетиями шла среди китайских художников и теоретиков живописи и продолжается по сей день в мировой синологии. Отечественные и зарубежные китаеведы неоднократно обращались к данной проблематике и предложили значительное число вариантов перевода. Наиболее плодотворным представляется подход, при котором выбор перевода обусловлен результатами глубокого исследования генезиса, грамматики первого закона и анализа его интерпретации в конкретный исторический период. При этом выработка универсального перевода практически невозможна в силу постоянной эволюции трактовки первого закона внутри самой китайской художественной традиции, а потому справедливо мнение сиологов, считающих правильным описательное толкование первого закона живописи.

Ключевые слова

Китай, эстетика, искусство, Се Хэ, «шесть законов живописи», *ци юнь шэн дун*, проблема перевода

Для цитирования

Петров К. К. К истории перевода первого закона живописи Се Хэ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 42–49. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-42-49

The History of Translation of Xie He's First Law of Painting

Konstantin K. Petrov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, Russian Federation

konst652@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9349-8770>

Abstract

The article is an attempt to analyze the history of translation of the First Law of painting into Russian and other European languages. The First Law, formulated in 5th century AD by artist and thinker – Xie He, was one of the most important principles in the history of Chinese aesthetic thought. A comprehensive and concise formulation of the Law gave rise to extensive commentaries and made its interpretation fundamentally ambiguous. For centuries, the discussion on understanding the First Law has carried on among Chinese artists and continues up to this day in sinology. Both foreign and Russian researchers have repeatedly addressed this issue and proposed a significant number of translation options. The most fruitful is probably an approach which implies choosing a specific translation in accordance with a deep study of the origin, grammar and interpretation of the First Law. At the same time, the development of a single universal translation is practically impossible due to the constant evolution of rendering the First Law within

© Петров К. К., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 42–49

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–49

the Chinese artistic tradition itself. Therefore, it is thought that the descriptive interpretation of Xie He's First Law of painting is the most suitable.

Keywords

China, aesthetics, art history, Xie He, "six laws of painting", *qi yun sheng dong*, translation problems

For citation

Petrov K. K. The History of Translation of Xie He's First Law of Painting. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 42–49. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-42-49

Середина эпохи *Лю чао* 六朝 (Шести династий), приходящаяся на вторую половину IV – первую половину V в. н. э., – важнейший период для развития китайской живописной традиции и, в особенности, для процесса теоретизации знаний о прекрасном. К этому времени относятся первые сочинения собственно по эстетике и теории живописи: труды Гу Кайчжи 顧愷之 (ок. 348–405), Цзун Бина 宗炳 (375–443), Се Хэ 謝赫 (V в.) и др. Последний, художник и мыслитель V в., считается одним из основоположников китайской эстетической мысли, оказавшим огромное влияние на всю последующую традицию. Работа Се Хэ *Гу хуа пинь лу* 古畫品錄 («Записи о категориях старой живописи») – первое полностью сохранившееся произведение подобного жанра [Кравцова, 2004, с. 547]. В этом очень небольшом по объему эссе Се Хэ сформулировал «шесть законов живописи» (六法 *лю фа*), в соответствии с которыми дал оценку некоторым известным ему художникам, ранжировав их по значимости каждого из «законов». Из всех сформулированных мыслителем принципов самым важным считался первый – *ци юнь шэн дун* 氣韻生動. Чем более живописец приближался к воплощению в своем творчестве первого закона, тем выше в этом списке располагался, тем больше, по мнению Се Хэ, было оснований считать его подлинным мастером. В дальнейшем вся китайская художественная традиция закрепила эту идею, сделала первый закон основным критерием оценки живописи и породила дискуссию о его содержании. В ней приняло участие не одно поколение как средневековых китайских художников, так и современных исследователей по всему миру.

За исключением краткого замечания, что научиться первому закону невозможно, никаких подробных комментариев Се Хэ к *лю фа* не давал. Этот факт, с одной стороны, затрудняет понимание того, что конкретно Се Хэ имел в виду, и оставляет исследователям лишь возможность реконструировать его воззрения, исходя из синхронных употреблений аналогичных выражений. С другой стороны, лапидарность формулировки открывает дорогу широчайшей комментаторской традиции и позволяет только через изучение первого закона проследить историю трансформации всей китайской эстетической мысли.

Первый закон живописи гласит: *氣韻生動 ци юнь шэн дун*. Приведем перевод так, как он дан в одном из наиболее авторитетных русскоязычных энциклопедических изданий о Среднем государстве – «Духовной культуре Китая». Даже здесь он упоминается в нескольких вариантах: в первом томе «Философия» приведен перевод В. В. Малявина: «живое движение в созвучии энергий» [Малявин, 2006, с. 142], а в шестом томе «Искусство» – перевод, предложенный Е. В. Завадской: «одухотворенный ритм живого движения» [Главева, Кобзев, Неглинская, 2010, с. 159]. Уже из различий в переводах одного и того же выражения в одном издании следует, что в вопросе его трактовки существует плюрализм мнений, несмотря на то что изучению настоящей проблематики уделялось большое внимание как в самой китайской художественной традиции, так и в мировой синологии.

Крупнейший китаевед и первопроходец академического перевода китайской классики академик В. М. Алексеев работал с трактатами китайских живописцев, в частности перевел на русский язык Ван Вэя 王維 (701–761), Цзин Хао 荆浩 (ок. 850–911), Хуан Юэ 黃鉞 (1750–1840) и др., однако к сочинению Се Хэ не обращался [см. Алексеев, 2003, с. 27–92]. Одним из первых отечественных исследователей теории китайской живописи стал московский востоковед Николай Михайлович Попов-Татива (1883–1937). Его статья 1930 г. «Не-

сколько замечаний по поводу толкований шести законов китайской живописи» – это первая попытка изучить историографию и проблематику вопроса в отечественной синологии. Н. М. Попов-Татива собрал все доступные европейские переводы «шести законов», проанализировал их, попробовал проследить историю их развития и предложил собственную теорию происхождения идей Се Хэ. В частности, он довольно убедительно показал, что Се Хэ выработал свою эстетическую теорию не с нуля, а многое позаимствовал у предшественников, в первую очередь у Гу Кайчжи [Попов-Татива, 1930, с. 67–70]. Действительно, трудам Се Хэ предшествовала длительная традиция выработки критериев оценки живописи. Кроме того, Н. М. Попов-Татива предложил свой перевод первого закона: «Гармония духа и живое движение». Такой вариант представлялся ему более удачным, чем иноязычные переводы, поскольку точнее отражал структуру китайского выражения, чем, например, предложенные Рафаэлем Петруччи на французском языке «La Revolution de l'Esprit engendre le mouvement (de la Vie)» («Вращение духа порождает живое движение»), Куртом Глазером на немецком – «Beseeltheit und lebendige Bewegung» («Одухотворенность и живое движение») Артуром Уэйли на английском – «Spirit harmony – Life's motion» («Гармония духа – движение жизни») и др. [Попов-Татива, 1930, с. 55–63] Приведенные трактовки – лишь часть рассматриваемых Н. М. Поповым-Тативой, а он, в свою очередь, проанализировал далеко не все зарубежные работы, посвященные проблеме. Таким образом, уже к 30-м гг. XX в. в европейском, американском, японском китаеведении шла дискуссия о переводе «шести законов».

Учитывая, что Н. М. Попов-Татива был в первую очередь японистом и большую часть жизни занимался практическим востоковедением, политической историей Китая и Японии, а также то, что на тот момент на русском языке еще не существовало никаких работ по китайской эстетике, стоит по достоинству оценить эти первые шаги. Но, к сожалению, статья о «шести законах» стала первым и последним развернутым сообщением на эту тему. Судьба Н. М. Попова-Тативы в 30-е гг. сложилась трагически: позднее в том же году, когда вышла статья, он был арестован, отбыл несколько лет на строительстве Беломорско-Балтийского канала, затем ему было запрещено жить и работать в столичных городах, а в 1937 г. был расстрелян [Марахонова, 2018, с. 67]. В последующих отечественных работах по китайской эстетике несмотря на то, что авторы не могли не обращаться к этому сюжету, серьезных исследований генезиса «шести законов» и связанной с ними традиции не проводилось. Кроме того, Н. М. Попов-Татива оказался и единственным в отечественной науке, кто рассматривал грамматику оригинального выражения, а между тем в европейском востоковедении этому вопросу уделялось большое внимание.

На Западе с середины прошлого века обратили пристальное внимание именно на структуру китайского текста, не на четырехслог *氣韻生動* *ци юнь шэн дун* сам по себе, а на полную фразу из работы Се Хэ. Произошло это благодаря первому переводчику всего трактата на английский язык Уильяму Экеру. В своем переводе 1954 г. он изложил оригинальную точку зрения на структуру «шести законов». В китайском тексте каждый закон дается не отдельным четырехслогом, а целой фразой следующего вида: 一：氣韻生動是也。 И：ци юнь шэн дун ши е. У. Экер указал на служебные слова *ши е* в конце фразы, которые буквально должны были означать «это и есть», «таковым и является» и могли быть использованы в предложении, где вторая часть объясняла первую. По мнению исследователя, собственно формулировкой закона, таким образом, являлся только первый бином *ци-юнь*, представлявший собой сложный, запутанный термин, требовавший пояснения через более простые категории – *шэн-дун* [Acker, 1954, р. XXII–XXVIII]. Перевод, предложенный У. Экером, исходя из этой посылки, выглядел так: «First, Spirit Resonance which means vitality» [Acker, 1954, р. 4], т. е. «Первое, отклик духа, что означает жизненную энергию». При этом У. Экер замечал, что слово «spirit» здесь используется сообразно значению китайского термина *氣* *ци* и максимально отлично от европейского понимания этой категории исключительно в натурфилософском смысле. Точный перевод его на английский язык, по мнению исследователя, был невозможен, и использование столь многозначного слова при переводе было обусловлено лишь

практической необходимостью емко передать смысл китайского текста [Acker, 1954, p. XXIX].

Точка зрения Уильяма Экера считалась небесспорной и обрела как приверженцев, так и противников. С наиболее активной критикой позиции У. Экера выступал Джеймс Кэхилл, указывавший на то, что подобное деление выражения из четырех иероглифов на два бинорма необоснованно и не находит никаких параллелей [Cahill, 1961, p. 379–381]. При этом в той же статье Дж. Кэхилл сам высказывал довольно спорные идеи, к примеру, иронично замечал, что «шесть законов» Се Хэ выдумал лично [Ibid., p. 372]. Недавно, в 2018 г., в журнале «Тунбао» была опубликована статья профессора Пенсильванского университета Пола Голдина, который поддержал точку зрения У. Экера. П. Голдин обратился к крупнейшим цифровым базам данных китайских текстов (Scripta Sinica database, Chinese Text Project, CHANT database и др.), где нашел как более ранние, так и синхронные примеры аналогичных конструкций [Goldin, 2018, p. 499–501]. Перевод, которого придерживается П. Голдин, таков: «*qi yun*; this is engendering movement», т.е. «*ци-юнь*, что значит порождающее движение». Первый бинорм в таком случае представляется исследователю неким отвлеченным термином, взятым Се Хэ у предшественников, а второй бинорм – конкретным комментарием самого Се Хэ, более понятным китайскому интеллектуалу V в. По всей видимости, это лапидарное разъяснение должно было в свою очередь сопровождаться устным комментарием наставника.

Отечественные исследователи в своих переводах в целом следовали в русле вышеописанной дискуссии: часть авторов предлагали прочтения, дробящие фразу на два отдельных словосочетания, часть связывали ее воедино. В первом случае перевод не выявлял связи между бинормами, оставляя не до конца ясным, следует ли считать их равнозначными или рассматривать вторую часть как пояснение первой. Такой вариант переложения первого закона предлагают С. М. Кочетова: «звучание духа, движение жизни» [Кочетова, 1965, с. 65], Н. А. Виноградова: «отзвук духа – движение жизни» [Виноградова, 1972, с. 31]. К. Ф. Самосюк, также разделяет фразу на две части: «одухотворенная гармония и *живое* движение» [Го Жо-суй, 1978, с. 28], либо «одухотворенная гармония и *животворящее* движение» [Самосюк, 2010, с. 137]. Тем не менее в комментарии к своему переводу труда Го Жо-сюя «Записки о живописи: что видел и слышал» К. Ф. Самосюк небезосновательно отмечает, что правильно было бы в научной литературе использовать просто китайский термин *ци-юнь* и давать ему каждый раз описательное толкование [Го Жо-суй, 1978, с. 160]. М. Е. Кравцова в работе «История искусства Китая», ссылаясь на Е. В. Завадскую, приводит перевод: «одухотворенная гармония – живое движение» [Кравцова, 2004, с. 547]. С другой стороны, Е. В. Завадская, считавшая наиболее удачным англоязычным переводом вариант А. Сопера «animation through spirit consonance» [Слово о живописи, 2001, с. 349], формулировала первый закон, как «одухотворенный ритм живого движения» [Завадская, 1975, с. 72]. Подобную трактовку, на наш взгляд, трудно назвать удачной, поскольку она плохо коррелирует с грамматикой китайского выражения, превращая находящийся в постпозиции бинорм *шэн-дун* в определение понятия «одухотворенного ритма». Два диаметрально противоположных по структуре перевода находим в работах В. В. Малявина: «созвучие энергий в движении жизни» [Малявин, 2004, с. 283] и «живое движение в созвучии энергий» [Малявин, 2006, с. 142]. К сожалению, способ перевода в вышеуказанных случаях зависел, судя по всему, лишь от трактовок содержания первого закона, а текстологических исследований грамматики оригинального выражения подобных тем, что предпринимали Н. М. Попов-Татива, У. Экер или П. Голдин, в последнее время в отечественном китаеведении не проводилось. Любопытно, что в большом учебном издании Русской христианской гуманитарной академии по истории мировой эстетической мысли со ссылкой на вышеуказанную работу В. В. Малявина 2004 г. дается еще один вариант перевода: «созвучие энергий в живом движении» [История эстетики, 2011, с. 33], который, правда, в самом труде В. В. Малявина не фигурирует. Какими бы близкими ни казались три названных трактовки, все же необходимо заметить, что «живое движение» и «движение жизни» далеко не одно и то же, и в каждом случае работам недостает обоснования как выбо-

ра конкретного словосочетания, так и смещения акцента на один из двух биномов. В новейшем русскоязычном издании по истории китайского искусства, подготовленном В. Г. Белозеровой, перевод первого закона совсем не дается в основном тексте, а читателю предложено ознакомиться с уже существующей литературой по теме [Белозерова, 2016, с. 411–412]. Хотя в подобных учебных изданиях какой-нибудь перевод, возможно, все же стоит давать, тем не менее вполне понятно стремление автора не умножать и без того громадное количество вариантов перевода.

Помимо собственно объяснения китайского выражения русскими словами, в переводе первого закона существует еще целый ряд дискуссионных проблем, связанных с происхождением и бытованием *лю фа*. Что касается генезиса первого закона, то здесь важным вопросом, волновавшим переводчиков трактата Се Хэ, была связь *лю фа* с более древними *саданга* – «шестью членами», основополагающими принципами индийского искусства, охватывавшими проблемы формы, пропорций, цвета, выразительности, сходства с изображаемым объектом. В обоих сводах правил прослеживаются параллельные идеи, а потому резонно возникает предположение, что китайская традиция восприняла *саданга* с приходом буддизма. Однако за прошедшее столетие серьезных успехов в исследовании данного вопроса добиться не удалось. Н. М. Попов-Татива в 1930 г. затрагивал эту проблему и отмечал, что при современном ему уровне разработанности темы говорить о связи между индийской и китайской эстетическими системами преждевременно [Попов-Татива, 1930, с. 62]. У. Экер скептически относился к проведению прямых параллелей между «законами» и «членами», полагая, что одних только текстуальных сходств недостаточно [Acker, 1954, р. XLV]. Е. В. Завадская, отмечая значимость категории *法 фа* «закон» для буддийского учения, полагала, что идеи Се Хэ могли испытать на себе индийское влияние учения о шести медитациях [Завадская, 1975, с. 73]. В новейшей из рассматриваемых здесь статей П. Голдин отметил, что мы все же слишком мало знаем о ранних этапах формирования китайской живописной традиции, чтобы исключить возможность заимствования, но и свидетельства чужеродного происхождения в «шести законах» найти сложно [Goldin, 2018, р. 502].

На протяжении развития китайской живописной традиции понимание первого закона претерпевало существенные изменения. Трансформировалась сама формулировка, к примеру, уже в сочинении еще одного раннего теоретика живописи Чжан Яньюаня 張彥遠 (ок. 815–877) «Записи о знаменитых художниках прошлых эпох» (歷代名畫記 *Лидай минхуа цзи*) первый закон выглядит так: 一曰: 氣韻生動 [Acker, 1954, р. XXI–XXII]. Чжан Яньюань, который в целом не отличался академической точностью цитирования своих предшественников, добавил перед четырехслогом знак *юэ* «сказано», «гласит» и убрал конечные частицы. Такая формулировка уже подразумевает несколько другое отношение к структуре фразы и ее возможным коннотациям. Именно в таком виде первый закон обычно транслировался китайскими мыслителями в дальнейшем.

Изменение трактовки первого закона может быть прослежено и через эволюцию отдельных категорий, составляющих его. Если говорить о такой фундаментальной для китайской культуры категории, как *氣 ци* «энергия», «пневма», то на ранних этапах развития философской мысли она понимается, судя по всему, как вообще вселенная и энергия, ее пронизывающая, но с течением времени все больше рассматривается как внутренняя энергия конкретного человека, т. е. художника, и все больше приближается к понятию духа, души. Интересна судьба второго иероглифа в бинOME *ци-юнь*. Категория *韻 юнь* «созвучие» появляется сравнительно поздно, входит в активное употребление в классических текстах не раньше Восточной Хань (25–220 гг. н. э.) и первоначально обозначает именно музыкальное созвучие, резонанс. Примерно с V вв. *юнь* начинает использоваться вместе с другими понятиями, например, *風 фэн* «ветер» или *神 шэнь* «дух», как сугубо положительный эпитет для человека, который умеет входить в резонанс с окружающим миром [Goldin, 2018, р. 506–509]. Но самое интересное с иероглифом *юнь* происходит на заключительном этапе развития ки-

тайской живописной традиции. В конце эпохи Мин (1368–1644) – начале Цин (1644–1912) интеллектуальная элита Китая активно переосмысляет и подводит итоги развитию техники живописи. Одним из результатов этого осмысления становится создание в XVII в. знакового произведения «Слово о живописи из сада с горчицей зерно», своего рода энциклопедии начинающего живописца. В этом труде знакомый нам четырехслог выглядит следующим образом: 氣運生動. Как видно, здесь второй иероглиф *юнь* «созвучие» заменен на омофон *юнь* «движение». Первоначально понимавшееся как внутренний отклик художника на энергетику, на суть изображаемого объекта, теперь это более приземленное понятие относится к движению тела художника, как к способу воплощения изображения в картине. Видный китайско-американский искусствовед Вэнь Фон полагает, что такая трактовка весьма точно передает суть творчества позднеминских живописцев, к примеру, такого видного мастера и теоретика, как Дун Цичан 董其昌 (1555–1636) [Fong, 2014, p. 338]. Любопытно, что при этом сам Дун Цичан, также уделявший внимание проблеме «шести законов», в своих трудах четко следовал за трактатом Чжан Яньюаня и давал бином *ци-юнь* в оригинальной форме: 畫家六法。一曰。氣韻生動。氣韻不可學。此生而知之。自然天授。 [Хуа лунь цункань, 1960, с. 71] «[Из] шести законов художника первый гласит: «*Ци юнь шэн дун*». [Принципу] *ци юнь* невозможно научиться – он дан с рождения, естественно даруется Небом».

Как мы видим, понимание первого закона различалось от эпохи к эпохе. Хотя в отечественной историографии обычно не давались обоснования в пользу выбора того или иного перевода, авторы достаточно подробно комментировали внутренний смысл выражения. Все существующие в русскоязычной литературе интерпретации первого закона можно свести к трем основным.

С онтологической точки зрения художник должен улавливать колебания энергий вселенной и воплощать их в живописном произведении, передавая дух, саму суть изображаемых вещей. Первый закон указывает мастеру его роль посредника между миром истинных вещей и миром создаваемых образов.

С точки зрения творческого процесса художник должен вкладывать в работу все свои жизненные силы, «одухотворенную гармонию», которая ему имманентно присуща. Суть закона в таком случае можно свести к понятию «таланта», которому невозможно научиться. Это постулирование элитарности занятия художника, необходимости его нравственной чистоты.

С практической точки зрения *ци юнь шэн дун* – это выразительность художественного языка произведения, умение художника воплотить в картине живой ритм с помощью конкретных технических приемов, утвердившихся в живописной традиции.

Учитывая вышеописанные проблемы происхождения, бытования и интерпретации *лю фа*, ни один из трех вариантов трактовки, на наш взгляд, нельзя считать универсальным. В зависимости от конкретной эпохи и конкретного художника, о котором идет речь в исследовании, будет различаться как точная формулировка закона на русском языке, так и его конкретное содержание. Представляется, что выработка единого перевода первого закона живописи попросту невозможна в силу серьезных различий в понимании этого фундаментального принципа китайской эстетической мысли как художниками, так и исследователями. Тем не менее, кажется весьма плодотворным глубокое изучение грамматики выражения, его генезиса, бытования и обоснование выбора того или иного варианта перевода на основе результатов такого исследования.

Список литературы

- Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. М.: Вост. лит., 2003. Кн. 2. 511 с.
Белозерова В. Г. Традиционное искусство Китая: В 2 т. М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016. Т. 1: Неолит – IX век. 648 с.
Виноградова Н. А. Китайская пейзажная живопись. М.: Искусство, 1972. 160 с.

- Главева Д. Г., Кобзев А. И., Неглинская М. А.** Эстетика традиционной живописи // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т. 6 (доп.). Искусство. 2010. С. 151–170.
- Го Жо-суй.** Записки о живописи: что видел и слышал / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. К. Ф. Самосюк. М.: Наука, 1978. 239 с.
- Завадская Е. В.** Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. 440 с. История эстетики: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Русс. христ. гуманит. академии, 2011. 815 с. Китайское искусство: Принципы. Школы. Мастера. М.: АСТ, 2004. 432 с.
- Малявин В. В.** Китайская эстетическая мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия. 2006. С. 140–148.
- Марахонова С. И.** Николай Михайлович Попов-Татива (1883–1937). Переводчик, учёный, педагог и организатор московского востоковедения // Вост. архив. 2018. № 1 (37). С. 60–70.
- Записи о классификации старой живописи / Пер. с кит. С. М. Кочетовой // Мастера искусства об искусстве. М., 1965. Т. 1. С. 64–65.
- Попов-Татива Н. М.** Несколько замечаний по поводу толкований шести законов китайской живописи. Предварительное сообщение // Учен. зап. Ин-та этнич. и нац. культур Востока. 1930. Т. 2. С. 53–71.
- Самосюк К. Ф.** Теория традиционной живописи // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т. 6 (доп.): Искусство. 2010. С. 136–144.
- Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / Пер. с кит. Е. В. Завадской. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. 512 с.
- Acker W. R. B.** Some T'ang and pre-T'ang texts on Chinese painting. Leiden, 1954, 414 p.
- Cahill James F.** The Six Laws and How to Read Them. *Ars Orientalis. The Smithsonian Institution*, 1961, vol. 4, pp. 372–381.
- Goldin Paul R.** Two notes on Xie He's "Six Criteria" (liufa), aided by digital databases. In: T'oung Pao. Leiden, Boston, Brill, 2018, vol. 104, pp. 496–510.
- Fong Wen C.** Art as History: Calligraphy and Painting as One. Princeton Uni., 2014, 479 p.
- Хуа лунь цункань [畫論叢刊] Собрание сочинений о живописи. Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1960. Т. 1. 432 с. (на кит. яз.)

References

- Acker W. R. B.** Some T'ang and pre-T'ang texts on Chinese painting. Leiden, 1954, 414 p.
- Alekseev V. M.** Trudy po kitaiskoi literature [Works on Chinese literature]. In 2 vols. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2003, vol. 2, 511 p. (in Russ.)
- Belozerova V. G.** Traditsionnoe iskusstvo Kitaya [Traditional Chinese art]. In 2 vols. Moscow, 2016, vol. 1: Neolith – 9th century, 648 p. (in Russ.)
- Cahill James F.** The Six Laws and How to Read Them. *Ars Orientalis. The Smithsonian Institution*, 1961, vol. 4, pp. 372–381.
- Fong Wen C.** Art as History: Calligraphy and Painting as One. Princeton Uni., 2014, 479 p.
- Glaveva D. G., Kobzev A. I., Neglinskaya M. A.** Estetika traditsionnoi zhivopisi [Aesthetics of traditional painting] In: Intellectual culture of China. Encyclopedia. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, vol 6, pp. 151–170. (in Russ.)
- Go Zho-syuj.** Zapiski o zhivopisi: chto videl i slyshal [Guo Ruoxu. Notes on painting: what I saw and heard]. Transl. by K. F. Samosyuk. Moscow, Nauka, 1978, 239 p. (in Russ.)
- Goldin Paul R.** Two notes on Xie He's "Six Criteria" (liufa), aided by digital databases. In: T'oung Pao. Leiden, Boston, Brill, 2018, vol. 104, pp. 496–510.
- Hua lun congkan [畫論叢刊] Collected works on painting. Renmin meishu chubanshe, 1960, vol. 1, 432 p. (in Chin.)

- Istoriya estetiki [History of aesthetics]. Textbook. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2011, 815 p. (in Russ.)
- Kitaiskoe iskusstvo: Printsipy. Shkoly. Mastera [Chinese Art: Principles, Schools, Masters]. Moscow, AST Publ., 2004, 432 p. (in Russ.)
- Malyavin V. V.** Kitaiskaya estetieskaya mysl' [Chinese aesthetics thought]. In: Intellectual culture of China. Encyclopedia. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, vol. 1, pp. 140–148. (in Russ.)
- Marakhonova S. I.** Nikolai Mikhailovich Popov-Tativa (1883–1937). Perevodchik, uchenyi, pedagog i organizator moskovskogo vostokovedeniya [Nicolay Popov-Tativa (1883–1937) as Scholar, Teacher and Organizer of Moscow Oriental Studies]. *Vostochnyi arkhiv [Oriental archive]*, 2018, no. 1 (37), pp. 60–70. (in Russ.)
- Popov-Tativa N. M.** Neskol'ko zamechaniy po povodu tolkovaniy shesti zakonov kitaiskoi zhivopisi. Predvaritel'noe soobshchenie [Few comments on the interpretation of the Six Laws of Chinese painting. Preliminary report]. *Uchenye zapiski Instituta etnicheskikh i natsional'nykh kul'tur Vostoka [Proceedings of the Institute of Ethnic and National Cultures of the East]*, 1930, vol. 2, pp. 53–71. (in Russ.)
- Samosyuk K. F.** Teoriya traditsionnoi zhivopisi [Theory of traditional painting]. In: Intellectual culture of China. Encyclopedia. Moscow, Vostochnaya literatura, 2010, vol. 6, pp. 136–144. (in Russ.)
- Slovo o zhivopisi iz Sada s gorchichnoe zerno [A word on painting from the Mustard Seed Garden]. Transl. from Chinese by E. V. Zavadsкая. Moscow, Shevchuk Publ., 2001, 512 p. (in Russ.)
- Vinogradova N. A.** Kitaiskaya peisazhnaya zhivopis' [Chinese landscape painting]. Moscow, Iskusstvo, 1972, 160 p. (in Russ.)
- Zapisi o klassifikatsii staroi zhivopisi [The record of classification of the old paintings]. Transl. from Chinese by S. M. Kochetova. In: *Mastera iskusstva ob iskusstve [Masters of art about art]*. Moscow, 1965, pp. 64–65. (in Russ.)
- Zavadsкая E. V.** Estetieskie problemy zhivopisi starogo Kitaya [Aesthetic problems of painting in traditional China]. Moscow, Iskusstvo, 1975, 440 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Константин Константинович Петров, аспирант

Information about the Author

Konstantin K. Petrov, Post-Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 22.12.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 22.12.2021;
approved after review on 23.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 903.59 + 94(510).02

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61

След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди

Сергей Александрович Комиссаров ¹

Александр Иванович Соловьев ²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

В статье приведен материал раскопок циньских захоронений в районе Мавзолея Цинь Шихуанди. К западу от его внешней стены раскопан могильник из девяти больших погребений, которые датированы возрастом образования империи (конец III в. до н. э.), но не исключена и более ранняя дата. Самые интересные находки получены в могиле М1, где нашли бронзовые колокола и сосуды, железное оружие, нефритовые жезлы и диски, золотые пряжки, многочисленные металлические фигурки людей и животных, среди которых – золотой и серебряный верблюды. Это открытие позволило поставить вопрос о формировании устойчивой торговой магистрали, позднее названной Великим Шелковым путем, уже при династии Цинь (не позднее последней четверти III в. до н. э.), а не при ханьском У-ди (156–87 гг. до н. э.), как считалось ранее. Возможно, в могиле М1 был захоронен «циньский Чжан Цянь» – сановник высокого ранга, руководивший этим проектом. Еще одним золотым следом, ведущим из азиатских глубин в долину Хуанхэ, можно назвать девять золотых пуговиц из могилы М5, раскопанной в Таэрпо, в районе г. Сяньян, древней столицы государства Цинь. Некоторые из пуговиц были украшены зернью, а такая технология, вероятнее всего, могла проникнуть в Китай из Западной Азии. Полученные материалы очередной раз показывают, что империя Цинь, несмотря на свою короткую жизнь и бесславную гибель, успела заложить многие важные опоры будущего развития.

Ключевые слова

Мавзолей Цинь Шихуанди, золотые украшения, изображения верблюдов, Великий Шелковый путь, кросс-культурные контакты

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 50–61. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61

© Комиссаров С. А., Соловьев А. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 50–61

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 50–61

Footprints of a Golden Camel Near Qin Shihuangdi's Mausoleum

Sergey A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

The article presents materials of the excavations of Qin burials near the area of the Mausoleum of Qin Shihuang. To the west of its outer wall, a burial ground of nine large tombs has been excavated, which are dated to the age of the empire's formation, however the possibility of an earlier date is not excluded. The most interesting finds were reportedly from grave M1, which included bronze bells and ritual vessels, iron armament, jade scepters and disks, gold buckles, numerous metal figurines of people and animals, including gold and silver camels. This discovery made it possible to raise the question of the formation of a stable trade "highway", later determined as the Great Silk Road, already in the late period of the Qin Dynasty (the last quarter of 3rd century BC), but not under the rule of Han Emperor Wu-di (156–87 BC), as previously thought. Perhaps a high-ranking dignitary buried in grave M1 was chief administrator of this project, therefore he can be denoted as "Qin Zhang Qian". One more golden trail leading from the depths of Asia to the Yellow River's valley can be found in the nine golden buttons from grave M5, excavated at Taerpo, in the area of Xianyang, the ancient capital of the state of Qin. Some of the buttons were decorated by granulation, and it is highly likely that such technology could have penetrated into China from Western Asia. The materials obtained from these excavations once again illustrate how the Qin Empire, despite its short life and inglorious death, managed to lay many important pillars of future development.

Keywords

Mausoleum of Qin Shihuangdi, golden ornaments, images of camel, the Silk Road, cross-cultural contacts

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. Footprints of a Golden Camel Near Qin Shihuangdi's Mausoleum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 50–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61

Верблюд, объятый страстью,
С огромными горбами
И крепкими ногами,
Сметливый, большеглазый,
Великолепный, мощный,
Высокий и большой.

Бахрам-янут

(пер. с авест. И. М. Стеблин-Каменского)

Введение

Великий Шелковый путь сыграл исключительно важную роль в развитии человечества, соединив между собой два важнейших цивилизационных центра: ближневосточный (к которому добавился средиземноморский) и дальневосточный. Формирование отдельных участков пути осуществлялось на протяжении тысячелетий: из Средней Азии в Иран, оттуда на Ближний Восток, далее на Кавказ и Балканы и т. д. Но для качественного подъема торговых и культурных связей необходимо было установить прочные связи Западного края с производственными центрами Китая. Когда эта трансконтинентальная магистраль сомкнулась в единую линию, она сразу стала обрастать ответвлениями, идущими и на юг, и на север. Как отмечается многими исследователями, по мере развития Шелкового пути расположенные на нем торговые центры служили не только посредниками в обороте товаров в широтном направлении, но также играли роль медиаторов «в коммуникации многочисленных народов,

живущих по северную и южную, западную и восточную стороны этой трансевразийской магистральной» [Мамлеева, 1999, с. 60].

Однако для достижения столь благой картины требовалось преодолеть два серьезных препятствия. Первое – это многочисленные кочевые племена, державшие удобные торговые пути, в том числе наиболее важный Ганьсуский коридор, под своим контролем. И второе – великая пустыня Такла-Макан, которую предстояло пересечь.

Традиционно считается, что первое препятствие удалось преодолеть ханьскому императору У-ди, который разгромил *сюнну* (хуннов) и поставил вдоль намеченной трассы свои гарнизоны. Такому решению способствовала информация, представленная в докладе сановника Чжан Цяня, проложившего путь на запад [Кобзев, 2009]. Однако еще за столетие до этих событий циньские войска предприняли очень сходные действия. В конце IV – начале III в. до н. э. они сначала выбили из Ганьсу племена прототибетцев-жунов, а затем потеснили на севере хуннов, от которых отгородились стенами. Причем это колоссальное фортификационное сооружение защищало не только вновь завоеванные земли вдоль Хуанхэ, но и район Линьтао – Юйчжун, откуда начинался восточный проход в Ганьсуский коридор. Таким образом, были созданы военно-политические предпосылки для прокладки новой торговой магистрали.

Пустыня и верблюды

Но начавшись от циньской столицы г. Сяньян, этот торговый путь упирался в пустыню. Безрадостный, мрачный ее вид и в наши дни сулит немало трудностей путешественнику, решившему по уже «облагороженному», веками проторенному маршруту пересечь это обширное пространство. Вторая по площади песчаная пустыня в мире, Такла-Макан формировалась на протяжении многих миллионов лет; в голоцене в ее развитии существовали и относительно влажные, и более засушливые периоды, но при общем доминировании аридного климата [Wang Yue, Dong Guangrun, 1994]. По мнению Т. Н. Прудниковой [2019], по меньшей мере с бронзового века на процесс опустынивания оказывает заметное воздействие антропогенный прессинг. В итоге, в период с III в. до н. э. до XVI в. н. э. «в отличие от среднеазиатских пустынь, Такла-Макан почти непроходима» [Дробышев, 2014, с. 52].

Нам этот вывод представляется излишне категоричным. Во всяком случае, в историческое время известно, что значительные расстояния по пустыне преодолевались верхом на лошади или даже пешком, правда, налегке и с запасом воды. На территории Такла-Макана имелось немало оазисов, и при правильно избранном маршруте их разделяли лишь несколько дней пути. И, конечно, пустыню можно было обогнуть по горным тропам как с севера, так и с юга. Все это верно – но не для больших караванов с коммерческим грузом. Если использовать для перехода вьючных лошадей, то каждая из них может нести вместе с седлом не более 6 пудов (96 кг). Причем заметную часть составляет т. н. мертвый груз: суточный рацион пищи и воды для самих лошадей. Подключение более выносливых лошаков (поднимают до 8 пудов) ситуацию принципиально не меняет¹. И только верблюд с грузом от 8 до 13 пудов (128–208 кг) может спокойно идти по пустыне с постоянной скоростью 3–4 версты (3,2–4,25 км) в час. При этом он долго может обходиться без пищи и воды, не теряя работоспособности. Поэтому во всех колониальных армиях для операций в условиях пустыни создавались огромные, до двух тысяч животных, верблюжьи подразделения. Эти сведения приводит известный военный инженер К. И. Величко (1856–1927)², который не понаслышке имел дело с формированием вьючных караванов.

¹ Повозки мало годились для движения по песчаным барханам, особенно с учетом полного преобладания в то время дышловой запряжки.

² Чистяков О. В. Величко Константин Иванович // Сайт Энцикл. «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/vielichko_konstantin_ivanovich (дата обращения 01.01.2022).

Поэтому для преодоления второго серьезного препятствия, пустыни Такла-Макан, нужны были верблюды. И поскольку в Китае своих верблюдов не было, то следовало доставить их из тех мест, где они были. Первые попытки наладить торговлю с западными народами относятся, очевидно, к концу эпохи Чжаньго. В этом отношении интересны находки в чуских погребениях в Ваншань (уезд Цзянлин, пров. Хубэй) двух бронзовых ламп, основанием для которых служат, в одном случае, фигурка верблюда и в другом – всадника на верблюде³. Вероятно, правители могучего государства Чу, которое спорило с Цинь за право объединить Поднебесную, искали свои торговые пути на запад, для чего и ввезли некоторое количество верблюдов, чтобы преодолевать пустыни. Необычный облик этих животных произвел впечатление на местных ремесленников, воплотивших их в бронзе⁴.

Раскопки близ Мавзолея

Однако Чу погибло в борьбе с Цинь, которое и продолжило поиск путей на запад, но уже на имперском уровне. Об этом свидетельствуют недавние находки китайских ученых в районе уникального памятника, известного как Мавзолей Цинь Шихуанди. В конце 2019 г. – первой половине 2020 г. группа археологов под руководством Цзян Вэньсяо продолжила начатое еще шесть лет назад исследование кладбища, примыкавшего к западной стене Мавзолея⁵. Всего выявлено девять больших могил, выстроенных в линию с востока на запад, причем первое погребение в этом ряду расположено в 100 м от внешней стены мавзолея. С запада их ограничивает ров с сохранившейся длиной с севера на юг 210 м, шириной 2 м и глубиной 2,7–5,5 м.

Раскопки на могильнике и первичная обработка материалов продолжают, самые последние сведения, которые нам удалось использовать, датированы концом января 2022 года. Поэтому публикации в основном появляются в электронных изданиях, из числа которых мы выбрали самые информативные и надежные [Тянь Цзинь, 2019; Цзян Вэньсяо и др., 2020; Цзян Вэньсяо, 2021; Ли Чжицян, 2022]⁶.

Наибольшее внимание уделялось могиле № 1, в которой сделаны сенсационные находки. Она расположена в 440 м от внешней стены и имеет т. н. крестообразную форму, когда два наклонных дромоса как бы пересекают центральную погребальную камеру по линии север–юг, к которой с западной и восточной стороны примыкают боковые камеры. Снаружи выявлены фрагменты рва, вероятно, окружавшего земляной курган над могилой, который достигал, судя по объему грунта в центральной части, до 7 м в высоту. Главная камера размерами 29×28 м отстоит от дневной поверхности на 15,6 м, к ней ведут три уступа, вырезанных в материке по периметру могилы. Внутреннее пространство отсыпано слоем древесного угля, который перекрывался слоем «драконовых костей» (ископаемые костные останки различных животных) и после зашивался досками, на которые и поместили саркофаг с гробом.

Могила сильно разрушена, в южном дромосе и погребальных камерах обнаружен слой золы. Выявлено пять грабительских лазов, из которых три проникли в могильную камеру. Тем не менее, в ней сохранилась значительная часть погребального инвентаря. В сундуке для вещей у восточной стенки найдены бронзовые ритуальные сосуды и много битой керамики,

³ Qiao Lujing. Changjiang pande “shamozhi zhou” [乔鲁京. 长江畔的“沙漠之舟” // 光明日报]. «Desert ships» on the banks of Yangzijiang, *Guangming ribao*, 02.06.2015. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2015-06/02/nw.D110000gmrb_20150602_3-05.htm?div=-1 (in Chin.) (accessed 01.01.2022).

⁴ Любопытно, что во время раскопок (в 1960-е гг.) на них практически не обратили внимания и вернулись к материалам лишь через 20 с лишним лет. Потому ли так случилось, что тогда еще не было руководящей инициативы «Один пояс, один путь»? Или потому, что верблюды были из бронзы, а не из золота?

⁵ См. тезисы нашего предварительного сообщения о раскопках: [Комиссаров, Соловьев, 2020].

⁶ См. также: Wang Kaihao. Mausoleum of Qinshihuang yields key cultural relics // China Daily (online). 24.01.2022. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202201/24/WS61ee03d4a310cdd39bc82c22_1.html (accessed 25.01.2022).

в составе которой все же удалось рассмотреть несколько типично поздних циньских форм, как, например, бочонок «в форме шелковичного кокона». Бронзовые сосуды, которые отличаются тонкими стенками, плохо сохранились; тем не менее, удалось выделить 15 треножников *дин*, 12 кубков *доу*, 8 кувшинов для вина *фан* и т. п. С южной стороны также найдено несколько бронзовых сосудов, набор из 15 бронзовых колоколов *чжун*, две поясные пряжки из золота (рис. 1, 5, 6), нефритовые украшения для ножен (рис. 1, 2), четыре бронзовых спусковых механизма для арбалета, два бронзовых клевца, два железных меча, кучка сильно проржавевших железных панцирных пластин и тысячи бронзовых монет *баньян*. Именно в сундуке в центральной части южной стенки нашли бронзовую флягу с позолотой (рис. 1, 13), бронзовые, серебряные и золотые фигурки музыкантов (рис. 1, 1), акробатов, лошади и всадника, охотничьей собаки и – главная сенсация! – две статуэтки верблюдов (рис. 1, 15). Западная стенка сильно разрушена грабителями, но и там выделены остатки бронзовых ламп и сосудов для воды, следы лака. Кроме того, в северном углу западной стены обводного коридора лежало множество нефритовых и каменных скипетров *чжан* и больших дисков *би* (рис. 1, 3, 4, 7–12, 14).

Рядом с могилой обнаружили жертвенную яму (*чэ-ма кэн*) с останками четырех лошадей, одной собаки и частями деревянных конструкций кузова и дышла колесницы с бронзовыми украшениями и зонтом, что не очень характерно для позднечжоуского и циньского погребального обряда. Возможно, рядом располагался еще один *чэ-ма кэн*, пока не раскопанный. Об остальных больших могилах известно лишь, что еще у трех – два коридора-дромоса, а у пяти – только один. Сообщается также о находках многочисленных хозяйственных ям и нескольких печей для обжига керамики, но связаны ли они с изучаемым кладбищем или даже с Мавзолеем в целом – пока неясно.

По конструкции и погребальному инвентарю могила № 1 вполне соответствует циньскому периоду, но была ли она сооружена до или после 221 г. до н. э., когда Цинь Шихуанди создал свою империю, сказать трудно. Китайские археологи уверены, что кладбище тесно связано с Мавзолеем, и в больших могилах захоронены крупные имперские чиновники, возможно даже родственники императорской фамилии⁷. На наш взгляд, некоторые детали устройства погребения (*чэ-ма кэн*; массовое использование каменных и нефритовых скипетров, близкие аналогии которому можно видеть в Шанцуньлине) оставляет возможность для более ранней, доимперской датировки отдельных захоронений. В то же время, наличие железного оружия, вроде, свидетельствует в пользу поздней даты. Но, в любом случае, разница в датах с Мавзолеем, даже если и была, то была незначительной.

Возможно, наличие погребальных комплексов предшествующего времени, сакрализовавших пространство, послужило тем последним знаком, который определил окончательный выбор места захоронения владыки. Такие случаи не редки и даже, скорее, закономерны для погребальной практики многоликого и разноязычного окружения Поднебесной, равно как и других очагов древних цивилизаций. Вероятно, здесь мы имеем дело с проявлением аналогичного подхода на примере собственно Китая. Но, в любом случае, строители могилы Цинь Шихуанди включили аристократическое кладбище в единый комплекс с Мавзолеем, в качестве сопроводительных погребений.

⁷ На статус вельможи из могилы № 1 указывают шесть бронзовых обломков с надписями *юэ фу* [乐府], Музыкальная палата. Бронзовый колокол *чжун* с такой надписью уже находили в пространстве Мавзолея, что дало основание утверждать: названная культурно-политическая структура была создана при Цинь, а не при ханьском У-ди, как считалось ранее [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 76–77]. Еще шесть аналогичных надписей на бронзе (очевидно, на фрагментах ритуальных сосудов) в могиле № 1 не только полностью доказывают эту гипотезу, но и подтверждают высокое положение покойного. Сакральные сосуды с надписью могли принадлежать только начальнику Музыкальной палаты, который, несомненно, входил в число важнейших сановников государства.

Рис. 1. Находки в могиле № 1 (могильник к западу от внешней стены Мавзолея Цинь Шихуанди). 1 – бронзовая фигура музыканта; 2 – нефритовое украшение устья ножен; 3, 4, 8–10, 12, 14 – нефритовые и каменные скипетры *чжан*; 5, 6 – золотые застежки для пояса; 7 – нефритовый диск *би*; 11 – скопление нефритовых и каменных скипетров и колец у западной стены могилы; 13 – бронзовая фляга с позолотой и вставками из глазури; 15 – золотой и серебряный верблюды. Таблица составлена А. И. Соловьевым по материалам из открытого доступа: [Тянь Цзинь, 2019; Ли Чжицян, 2022]

Fig 1. Finds from grave No. 1 (burial ground to the west of the outer wall of the Qin Shi Huang Mausoleum). 1 – bronze figure of a musician; 2 – jade decoration of the upper part of the scabbard; 3, 4, 8–10, 12, 14 – jade and stone scepters *zhang*; 5, 6 – golden belt clasps; 7 – jade disk *bi*; 11 – a cluster of jade and stone scepters and rings at the western wall of the grave; 13 – a bronze flask with gilding and glaze inserts; 15 – gold and silver camels. The table was compiled by A. I. Solov'yev based on materials from open access: [Tian Jin, 2019; Li Zhiqiang, 2022]

Верблюды и золото

Самыми сенсационными стали две находки. Сначала была найдена фигурка верблюда из литого золота, а затем, подтверждая неслучайный характер первой находки, фигурка верблюда из серебра, закрепленная на каком-то бронзовом фрагменте [Лу Хан, Ван Цинчэнь, 2020]. Изображения верблюдов не характерны для искусства Древнего Китая, поэтому китайские коллеги обратились к материалам западных регионов. Действительно, в искусстве и фольклоре Средней Азии и Среднего Востока образ верблюда представлен широко и многообразно – как в официальных рельефах Ахеменидов, так и наскальных рисунках кочевников [Акишев, 1984; Гюль, 2020]. И хотя прямых аналогий циньским верблюдам пока не выявлено (может, пара верблюдов на одном из семиреченских жертвенников), но в целом иранская стилистика выражена достаточно четко. К тому же, нельзя не вспомнить, что имя великого пророка Заратуштры толкуется многими исследователями как «Обладающий золотым верблюдом». Впрочем, существует и иное направление для аналогий – центральноазиатское, где изображения верблюдов обильно представлены как на петроглифах Монголии, Минусинской котловины и Тувы, так и на сюннуских ажурных пластинах [Klementiev, Khatsenovich, Tserendagva et al., 2022, p. 10; Мухарева, 2007; Королькова, 1999]. И хотя интересный и достаточно подробный обзор изобразительных сюжетов, связанных с образом этого животного, был дан М. А. Дэвлет [2011, с. 87–93], но сам вопрос о возможных связях между иранской и центральноазиатской традициями заслуживает дальнейшего особого изучения.

На западное происхождение золотого верблюда, возможно, указываем и сам металл, из которого фигура сделана. Дело в том, что в традиционном Китае золото сравнительно редко использовалось для изготовления украшений и ритуальных предметов. Связано это, очевидно, с тем, что в стране было немного легкодоступного рассыпного золота, а добывать жильное золото еще не умели. Россыпи золота концентрировались, главным образом, на западе и на юго-востоке Китая, как раз в зоне господства государств Цинь и Чу. Поэтому в их материальной культуре золото, как свидетельствуют археологические находки (см., напр.: [Шэньси чу ту цинь цзинь инь ци, 2004]), заняло заметное место, что элитой других царств воспринималось как признак варварства. Настоящим показателем высокого статуса был нефрит [Bunker, 1993]. Но если у циньцев и чусцев могли возникать сомнения насчет социальной значимости золота, то у «варваров»-кочевников таких сомнений не было никогда. Они хотели много золота, хотели его всегда, и для них изготавливали самые различные украшения из желтого металла искусные мастера Средней Азии, Ирана и Эллады (а вскоре – во все больших масштабах – и Китая). Возможно, найденная в районе мавзолея фигурка также была изготовлена где-то в Даюани-Фергане или Аньси-Парфии и привезена в Цинь как подарок и как наглядное пособие.

В этом аспекте можно упомянуть об отношениях Поднебесной с варварским миром уже ханьского времени, когда в обмен на продукты животноводства империя «дарила» шелк, зерно, колесницы, лаковую и бронзовую посуду и т. п., служившие своего рода «замаскированной данью». Последняя, хотя бы частично, восполнялась драгоценным металлом от номадов, кочевавших по золотоносным территориям Центральной Азии. При этом «все, что императорский двор регулярно дарил хунну, в той или иной степени могло компенсироваться золотом, которое частично возвращалось в степь в виде изделий» [Полосьмак и др., 2019, с. 92, 93], что подтверждается итогами физико-технических анализов ювелирной продукции. Похоже, что такие отношения начали формироваться гораздо раньше. Образ верблюда в Китае устойчиво связывается с функционированием Великого Шелкового пути, что вполне закономерно, поскольку именно использование верблюдов в качестве караванных животных и сделало трансконтинентальную торговлю выгодной и возможной в принципе. По мнению А. К. Акишева [1984, с. 70], кочевники привели верблюдов в Китай в эпоху Хань, но, вероятно, и в данном случае ханьские достижения опирались на немалый циньский опыт, как не раз уже прослеживалось по другим разделам [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 144–145].

Можно предположить, что захороненный в могиле № 1 вельможа был своего рода «циньским Чжан Цянем», который также посетил Западный край с дипломатической и шпионской миссией и сделал выводы, что для установления более прочных контактов (торговых, политических) с расположенными там странами потребуются верблюды. С их помощью можно будет преодолеть пески Такла-Макана как купеческим караванам, так и военным отрядам. К сожалению, его отчеты пока не найдены⁸.

Заключение

Однако все чаще находятся археологические подтверждения устойчивых контактов циньцев с народами Средней Азии и Великой степи, которые установились накануне создания и в годы правления империи Цинь. К числу таких находок относятся материалы последних раскопок трех циньских могил периода позднего царства – начала империи в Таэрпо, район Сяньяна, древней столицы государства Цинь. И по времени, и по расположению они близки могильникам в районе Мавзолея. Среди находок в самой богатой, несмотря на следы грабителей, могиле М5 – большие керамические сосуды для хранения продуктов (рис. 2, 1), раковины каури (рис. 2, 11–21), бронзовый бочонок «в форме тутового шелкопряда», бронзовая фигурка жабы со вставкой цветного камня (рис. 2, 22) – своего рода прообраз популярного талисмана, «золотой жабы богатства»⁹. Но наибольшего внимания заслуживает набор из девяти золотых пуговиц диаметром от 0,6 до 1,1 см, самые большие из которых украшены зернью (рис. 2, 2–10) – новая техника для китайских ювелиров той эпохи. Такие богатые застежки не были в ходу в Китае, но зато часто встречались у кочевников евразийских степей. Как рассказал руководитель работ, сотрудник Сяньянского института археологии и памятников материальной

Рис. 2. Находки из могилы М5 в Таэрпо, г. Сяньян. 1 – керамические сосуды для хранения продуктов; 2–10 – золотые пуговицы; 11–21 – раковины каури; 22 – бронзовая «жаба богатства». Таблица составлена А. И. Соловьевым по материалам из открытого доступа: [Се Гаовэнь, Чжао Сюйян, У Хай, 2021]

Fig. 2. Finds from grave M5 in Taerpo, Xianyang. 1 – ceramic vessels for storing food items; 2–10 – golden buttons; 11–21 – cowry shells; 22 – bronze “toad of wealth”. The table was compiled by A. I. Solov'yev based on materials from open access: [Xie Gaowen, Zhao Xuyang, Wu Hai, 2021]

⁸ Судя по широкому распространению в Хань и Цзинь изображений груженого верблюда – в металле, текстиле, на фресках – население Поднебесной вполне успешно унаследовало этот циньский опыт (см., напр.: [Andreeva, 2018, p. 205–207]).

⁹ Шаньси чжаньго цинь му фасянь «иной фэнцин» цинь шипинь – цзяньчжэн чжунси вэньхуа цзяолю [陕西战国秦墓发现“异域风情”金饰品--见证中西文化交流 // 中国新闻网]. В циньской могиле периода Чжаньго найдены золотые украшения с «иноземным колоритом» – свидетельство культурного обмена между Китаем и Западом // На сайте «Чжунго синьвэнь ван» [Кит. новостное агентство онлайн]. 24.11.2021. URL: <https://m.chinanews.com/wap/detail/chs/pic/150886.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 01.01.2022).

культуры У Хай, техника зерни была разработана в Западной Азии; и тот факт, что циньские мастера хорошо ее освоили, свидетельствует о постоянных контактах между регионами¹⁰. Подобные следы, оставленные золотым верблюдом, фиксируют успешное развитие колоссальной торговой магистрали, которую в будущем назовут Великий Шелковый путь.

Список литературы

- Акишев А. К.** Образ верблюдов в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69–76.
- В-о К. (Величко К. И.).** Вьючные животные // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. Т. VIIA. С. 608–609.
- Гюль Т. И.** Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии: культово-религиозный аспект // Народы и религии Евразии. 2020. № 1. С. 117–129.
- Дробышев Ю. И.** Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. 608 с.
- Дэвлет М. А.** «Я ушел в золотую степь...» (Петроглифы под горой Бош-Даг в Туве) // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 86–100. (Тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 7)
- Кобзев А. И.** Чжан Цянь // Духовная культура Китая: энцикл.: В 5 т. М.: Вост. лит., 2009. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 934–936.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Империя Цинь и Великий Шелковый путь // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Мат-лы науч.-практ. конф. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 26–30.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди. М.: РИЦ НГУ, 2010. 216 с.
- Королькова Е. Ф.** Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археол. сборник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. Вып. 34. С. 68–96.
- Мамлеева Л. А.** Становление Великого Шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 53–61.
- Мухарева А. Н.** Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4. С. 102–109.
- Полосьмак Н. В., Шацкая С. С., Задорожный М. В., Кундо Л. П., Карпова Е. В.** Результаты исследований золотых изделий из погребений хунну Ноин-Ула (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 1. С. 83–94. DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.1.083-094
- Прудникова Т. Н.** Таримская впадина и трансформация ее ландшафтов // Аридные экосистемы. 2019. Т. 25, № 3. С. 19–29. DOI 10.24411/1993-3916-2019-10061
- Andreeva P.** *Fantastic Beasts of the Eurasian Steppes: Toward A Revisionist Approach to Animal-Style Art: A Dissertation in East Asian Languages and Civilizations Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy.* Philadelphia, PA, 2018. 359 p. Publicly Accessible Penn Dissertations, 2963. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4749&context=edissertations> (дата обращения 01.01.2022)
- Bunker E. C.** Gold in the Ancient Chinese World: A Cultural Puzzle. *Artibus Asiae*, 1993, vol. 53, no. 1/2, pp. 27–50. DOI 10.2307/3250506
- Klementiev A. M., Khatsenovich A. M., Tserendagva Yadmaa, Rybin E. P., Bazargur Dashzeveg, Marchenko D. V., Gunchinsuren Byambaa, Derevianko A. P., Olsen J. W.** First

¹⁰ *Ма Хучжэнь.* Сяньян таэрпо чжаньго цинь му фасянь циюань юй сиядэ ханьчжу гуньши цзинь шипинь [咸阳塔儿坡战国秦墓发现起源于西亚的焊珠工艺金饰品 // 华商新闻]. В циньской могиле периода Чжаньго в Таэрпо, г. Сяньян, нашли золотые украшения с технологией зерни, происходившей из Западной Азии // Кит. коммерческие новости. (23.11.2021). На сайте интернет-компании NetEase, Inc. 24.11.2021. URL: <https://www.163.com/dy/article/GPIAVDC20534696Z.html> (дата обращения 01.01.2022).

Documented *Camelus knoblochi* Nehring (1901) and Fossil *Camelus ferus* Przewalski (1878) From Late Pleistocene Archaeological Contexts in Mongolia. *Frontiers in Earth Science*, 2022, vol. 10, article 86116, pp. 1–12. DOI 10.3389/feart.2022.861163

Wang Yue, Dong Guangrun. Sand Sea History of the Taklamakan for the Past 30,000 Years. *Geografiska Annaler. Series A: Physical Geography*, 1994, vol. 76, no. 3, pp. 131–141.

Ли Чжицян. Цинь шихуанди лин пэй цзанму каогу ю ю синь фасянь [李志强. 秦始皇帝陵陪葬墓考古又有新发现 // 人民网]. В археологии сопроводительных захоронений также есть новые открытия // Жэньминь жибао онлайн. 21.01.2022. С. 1–5. URL: <http://sn.people.com.cn/n2/2022/0121/c226647-35107084-5.html> (на кит. яз.) (дата обращения 25.01.2022)

Лу Хан, Ван Цинчэнь. Цинь шихуан лин линси ихао му сянци чуту цзинь инь лото юн [陆航、王清晨. 秦始皇陵西一号墓相继出土金银骆驼俑 // 中国社会科学网]. Золотая и серебряная фигуры верблюдов, найденные одна за другой в могиле № 1 к западу от мавзолея Цинь Шихуана // Сайт «Обществ. науки Китая онлайн». 21.04.2020. URL: http://ex.cssn.cn/gd/gd_rwxh/gd_zxjl_1680/202004/t20200421_5116522.shtml (на кит. яз.) (дата обращения 01.01.2022)

Се Гаовэнь, Чжао Сюйян, У Хай. Шэньси таэрпо чжаньго цинь му синь фасянь цзинь ши-пинь – цзяньчжэн чжунси вэньхуа цзяолю [谢高文、赵旭阳、武海. 陕西塔儿坡战国秦墓新发现金饰品*见证中西文化交流 // “文博中国” 公众号]. В Таэрпо, пров. Шэньси, в циньской могиле периода Чжаньго вновь найдены золотые украшения – свидетельство культурного обмена между Китаем и Западом // Вэньбо чжунго [Китай музейный], обществ. выпуск. 23.11.2021. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/xccz/202111/t20211129_5377932.shtml (на кит. яз.) (дата обращения 01.01.2022)

Тянь Цзинь. Цинь шихуан лин линси фасянь дасин муцзан; чуту чжэньгуй даньти цзинь лото (ту) [田进. 秦始皇陵西发现大型墓葬*出土珍贵单体金骆驼(图) // 中国新闻网]. К западу от мавзолея Цинь Шихуана обнаружены большие захоронения; найден драгоценный экземпляр золотого верблюда (с ил.). (На сайте Ин-та археологии АОН КНР. 31.12.2019) URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/xccz/201912/t2019_1231_5068396.shtml (на кит. яз.) (дата обращения 01.01.2022)

Цзян Вэньсяо. Цинь шихуан лин линси муцзандэ каньтань юй фацзюэ [蒋文孝. 秦始皇陵陵西墓葬的勘探与发掘 // 艺术品鉴]. Разведка и раскопки могильника к западу от Мавзолея Цинь Шихуана // Ишу пиньцзянь. 2021. № 3. С. 66–69. (на кит. яз.)

Цзян Вэньсяо, Шао Вэньбинь, Фэн Кай, Ван Чаосянь, Лу Вэньсянь. Цинь шихуанди лин каогудэ синь цзиньчжань – цинь шихуанди лин линси муцзан каньтань юй фацзюэ цюйдэ чжуньяо шоухо [蒋文孝、邵文斌、冯锴、王超翔、卢闻弦. 秦始皇帝陵考古的新进展—秦始皇帝陵西墓葬勘探与发掘取得重要收获 // 中国文物报]. Новое движение вперед в археологии Мавзолея Цинь Шихуанди – важные результаты, полученные в ходе разведки и раскопок могильника к западу от Мавзолея Цинь Шихуанди // Чжунго вэньбуао. 19.06.2020. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/xccz/202006/t2020_0619_5145425.shtml (на кит. яз.) (дата обращения 01.01.2022)

Шэньси чуту цинь цзинь инь ци [陕西出土秦金银器 / 吴永琪主编]. Золотые и серебряные вещи [государства] Цинь, найденные в пров. Шэньси / Отв. ред. У Юнци. Сиань: Шэньси жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2004. 98 с. (на кит. яз.)

References

Akischev A. K. Obraz verblyudov v legendakh Tsentral'noi Azii [Image of camel in the legends of Central Asia]. In: *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of Siberian peoples], Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 69–76. (in Russ.)

Andreeva P. Fantastic Beasts of the Eurasian Steppes: Toward A Revisionist Approach to Animal-Style Art: A Dissertation in East Asian Languages and Civilizations Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of

- Doctor of Philosophy. Philadelphia, PA, 2018. 359 p. Publicly Accessible Penn Dissertations, 2963. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4749&context=edissertations> (accessed: 01.01.2022)
- Bunker E. C.** Gold in the Ancient Chinese World: A Cultural Puzzle. *Artibus Asiae*, 1993, vol. 53, no. 1-2, pp. 27–50. DOI 10.2307/3250506
- Devlet M. A.** “Ya ushel v zolotuyu step'...” (Petroglify pod goroi Bosh-Dag v Tuve) [“I left for Golden Steppe...”: (Petroglyphs under the Mt. Bosh-Dag in Tuva)]. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D. G. Savinova* [Ancient art in mirror of archaeology: To the 70th anniversary of D. G. Savinov]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 86–100. (Proceedings of Siberian Association of prehistoric arts researchers. Issue 7). (in Russ.)
- Drobyshev Yu. I.** Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (III v. do n. e. – XVI v. n. e.) [A man and Nature in nomadic societies of Central Asia (3 cent. BC – 16 cent. AD)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS Publisher, 2014, 608 p. (in Russ.)
- Gyul T. I.** Obraz verblyuda v doislamskom iskusstve Srednei Azii: kul'tovo-religiozniy aspekt [The image of camel in pre-Islamic art: cult-religious aspect]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], 2020, no. 1, pp. 117–129. (in Russ.)
- Jiang Weixiao, Shao Wenbin, Feng Kai, Wang Chaoxian, Lu Wenxian.** Qin shihuangdi ling kaogude xin jinzhan – qin shihuangdi ling lingxi muzang kantan yu fajue qude zhongyao shouhuo [蒋文孝、邵文斌、冯锴、王超翔、卢闻弦。秦始皇帝陵考古的新进展—秦始皇帝陵陵西墓葬勘探与发掘取得重要收获 // 中国文物报]. New moving ahead in archaeology of Qin Shihuangdi Mausoleum – important results obtained during exploration and excavations of the graveyard west of the Mausoleum. *Zhongguo wenwu bao*, 19.06.2020. URL: http://kaogu.csn.cn/zwb/xccz/202006/t20200619_5145425.shtml (in Chin.) (accessed: 01.01.2022)
- Jiang Weixiao.** Qin shihuangdi ling lingxi muzangde kantan yu fajue [蒋文孝。秦始皇帝陵陵西墓葬的勘探与发掘 // 艺术品鉴]. Exploration and excavations of the graveyard west of the Mausoleum of Qin Shihuang, *Yishu pinjian*, 2021, no. 3, pp. 66–69. (in Chin.)
- Klementiev A. M., Khatsenovich A. M., Tserendagva Yadmaa, Rybin E. P., Bazargur Dashzeveg, Marchenko D. V., Gunchinsuren Byambaa, Derevianko A. P., Olsen J. W.** First Documented Camelus knoblochi Nehring (1901) and Fossil Camelus ferus Przewalski (1878) From Late Pleistocene Archaeological Contexts in Mongolia. *Frontiers in Earth Science*, 2022, vol. 10, article 86116, pp. 1–12. DOI 10.3389/feart.2022.861163
- Kobzev A. I.** Chzhan Tsyant' [Zhan Qian]. In: *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual culture of China]. Encyclopedia in 5 vols. Moscow, Vostochnaya. literatura, 2009, vol. 5: Science, technical and military thoughts, healthcare and education, pp. 934–936. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Khachatryan O. A.** Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuandi [Mausoleum of Qin Shihuang Emperor]. Novosibirsk, NSU Press, 2010, 216 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Solovyev A. I.** Imperiya Tsin' i Velikii Shelkovyi put' [Qin Empire and the Great Silk Road]. In: *Shelkovyi put': Istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie* [Silk Road: historical heritage and modern development]. Proceedings of scientific-practical conference. Novosibirsk, NSU Press, 2020, pp. 26–30. (in Russ.)
- Korolkova E. F.** Obrazy verblyudov i puti ikh razvitiya v iskusstve rannikh kochevnikov Evrazii [Images of camels and the ways of their development in the art of early nomads]. In: *Arkheologicheskii Sbornik* [Archaeological collection of papers]. St. Petersburg, State Hermitage Publ., 1999, iss. 34, pp. 68–96. (in Russ.)
- Li Zhiqiang.** Qin shihuangdi ling pei zangmu kaogu you you xin faxian [李志强。秦始皇帝陵陪葬墓考古又有新发现 // 人民网]. In archaeology of accompanying burials also there are new discoveries, *Renmin ribao online*, 21.01.2022, p. 1–5. URL: <http://sn.people.com.cn/n2/2022/0121/c226647-35107084-5.html> (in Chin.) (accessed: 25.01.2022)
- Lu Hang, Wang Qingchen.** Qin shihuang ling lingxi yihao mu xiangji chutu jin yin luotuo yong [陆航、王清晨。秦始皇帝陵陵西一号墓相继出土金银骆驼俑 // 中国社会科学网]. Golden

and silver figures of camels found one after the other in tomb no. 1 on the western side of the Qin Shihuang Mausoleum. (Social Science of China Online. 21.04.2020) URL: http://ex.cssn.cn/gd/gd_rwx/b/gd_zxjl_1680/202004/t20200421_511_6522.shtml (in Chin.) (accessed: 01.01.2022)

- Mamleeva L. A.** Stanovlenie Velikogo Shelkovogo puti v sisteme transtsvivilizatsionnogo vzaimodeistviya narodov Evrazii [The formation of the Great Silk road within a system of trans-civilization interaction of the peoples of Eurasia]. *Vita Antiqua*, 1999, no. 2, pp. 53–61. (in Russ.)
- Mukhareva A. N.** Camel scenes in rock art of the Minusinsk Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, no. 4, pp. 102–109. (in Russ.)
- Polosmak N. V., Shatskaya S. S., Zadorozhnyy M. V., Kundo L. P., Karpova E. V.** The Xiongnu Gold from Noin-Ula (Mongolia), *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, no. 1, pp. 83–94. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0110.2019.47.1.083-094
- Prudnikova T. N.** Tarimskaya vpadina i transformatsiya ee landshaftov [Tarim Basin and transformations of its landscapes]. *Aridnye ekosistemy [Arid ecosystems]*, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 19–29. (in Russ.) DOI 10.24411/1993-3916-2019-10061
- Shanxi chutu qin jin yin qi [陕西出土秦金银器 / 吴永琪主编]. Golden and silver artifacts of the Qin State excavated in Shaanxi Province. Ed. by Wu Yongqi, Xian, Shanxi renmin jiaoyu chubanshe, 2004, 98 p. (in Chin.)
- Tian Jin.** Qin shihuang ling lingxi faxian daxing muzang; chutu zhengui danti jin luoto (tu) [田进. 秦始皇陵西发现大型墓葬*出土珍贵单体金骆驼(图) // 中国新闻网]. Large burial yard were found at the western side of Qin Shihuang Mausoleum; precious specimen of golden camel was found (with illustration). (The Site of the Institute of Archaeology. 31.12.2019) URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/xccz/201912/t20191231_506_8396.shtml (in Chin.) (accessed: 01.01.2022).
- Wang Yue, Dong Guangrun.** Sand Sea History of the Taklamakan for the Past 30,000 Years. *Geografiska Annaler. Series A: Physical Geography*, 1994, vol. 76, no. 3, pp. 131–141.
- Xie Gaowen, Zhao Xuyang, Wu Hai.** Shaanxi taerpo zhanguo qin mu xin faxian jin shipin – jianzheng zhongxi enhua jiaoliu [谢高文、赵旭阳、武海. 陕西塔儿坡战国秦墓新发现金饰品*见证中西文化交流 // “文博中国” 公众号]. Golden ornaments were excavated again in the Qin burial of Zhanguo (Warring States) period at Taerpo, Shaanxi Province – the evidence of cultural Chinese-Western exchange, *Wenbo zhongguo [Museum China]*, public issue, 23.11.2021. On the site of the Institute of Archaeology, CASS. URL: http://kaogu.cssn.cn/zwb/xccz/202111/t20211129_5377932.shtml (in Chin.) (accessed: 01.01.2022)

Информация об авторах

Сергей Александрович Комиссаров, кандидат исторических наук, профессор
Александр Иванович Соловьев, доктор исторических наук

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Science (History), Associate Professor
Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 11.02.2022
The article was submitted on 07.02.2022;
approved after review on 09.02.2022; accepted for publication on 11.02.2022

Научная статья

УДК 329.63 + 298.9

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-62-69

В поисках сохранения западной идентичности: ранний период развития масонства в Китае (XIX – начало XX века)

Алексей Александрович Маслов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

amaslov@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7337-2874>

Аннотация

Исследование посвящено раннему периоду развития масонства в Китае XIX – начале XX в., которое в тот период характеризовалось открытием десятка лож Английской, Шотландской, Массачусетской, Филиппинской конституции. Несмотря на то что масонство не имело решающего влияния на политику или экономику Китая, оно выступало в качестве важнейшей силы консолидации иностранцев, прежде всего в Шанхае, Гуанчжоу, Гонконге, способствовало сохранению «оазиса» западных традиций в инокультурной среде, создавало новые, в том числе и трансазиатские деловые связи между бизнесменами – членами лож. Немногочисленные ложи включали представителей разных слоев, но прежде всего – предпринимателей. Важнейшей частью деятельности лож стала благотворительность и поддержка своих членов. Однако к 20–30-м гг. XX в. «колониальный» характер масонства размывается, в некоторых шанхайских ложах большая часть членов уже была китайцами, и даже возник вопрос о проведении ритуалов на китайском языке.

Ключевые слова

Китай, масонство, иностранные поселения, иностранцы в Китае, Шанхай, Гонконг

Для цитирования

Маслов А. А. В поисках сохранения западной идентичности: ранний период развития масонства в Китае (XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 62–69. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-62-69

In Search of the Preservation of Western Identity: The Early Stage of Development of Freemasonry in China (19th and Early 20th Centuries)

Alexey A. Maslov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

amaslov@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7337-2874>

Abstract

This research focuses on the early period of the development of Freemasonry in China in the 19th and early 20th centuries, as this period was characterized by the establishing of a dozen lodges under English, Scottish, Massachusetts, Philippine Constitution. While Freemasonry had no decisive influence on politics or the economy of China, it acted as

© Маслов А. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 62–69

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 62–69

a major force for the consolidation of foreigners, especially in Shanghai, Guangzhou, Hong Kong, contributing to preserve the “oasis” of Western traditions in a foreign cultural environment, creating new trans-Asian business relations between business members of lodges. The membership of each lodge was not high in numbers, however they included representatives of different strata, but above all - entrepreneurs and traders. Charity and support of freemasons' families became an important part of the lodges' activities. However, by the 1920s-1930s, the “colonial” character of Freemasonry began eroding, and since some Shanghai lodges contained mostly Chinese members, local freemasons even raised the suggestion of conducting rituals in Chinese.

Keywords

China, Freemasonry, foreign settlements, foreigners, Shanghai, Hong Kong

For citation

Maslov A. A. In Search of the Preservation of Western Identity: The Early Stage of Development of Freemasonry in China (19th and Early 20th Centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 62–69. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-62-69

Введение

Масонство, проникнув в Китай в XIX в. и развиваясь вплоть до начала 50-х гг. XX в., включало десятки лож в Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине, на северо-востоке Китая (Далянь, Мукден, Харбин), которые действовали в рамках различных конституций. В ранний период в 1860–1890-хх гг. особенно активны были Окружная Великая Ложа Северного Китая Английской конституции в Шанхае и ложи американской Массачусетской Конституции. Чуть позже активизировались и ложи, создаваемые под эгидой Великой Ложы Филиппин, – все они действовали до 1937 г., т. е. до начала японско-китайской войны, после чего начался спад.

Если до середины 20-х гг. XX в. членами лож были только иностранцы, то в дальнейшем происходила китаизация масонства, особенно в Шанхае и Гонконге. В 1949 г. была создана Великая ложа Китая под руководством гуанчжоуского бизнесмена Оу Вэйго (Дэвид Ау 歐偉國, 1898–1959) [Proceedings..., 1949, p. 11], которая в 1951 г. переместилась на Тайвань.

В этой работе мы остановимся на раннем периоде становления масонства в Китае, охватывающем XIX – начало XX в., который характеризуется прежде всего «колониальным» характером масонской деятельности, когда китайцы практически не допускались в ложи, важнейшей функцией этих братств было поддержание своей культурной идентичности и западных традиций.

Азиатское масонство как транскультурное явление

Временем расцвета «азиатского масонства» стал XIX век – ложи открывались повсеместно по всей Азии от Китая и Индии до Бирмы и Малакки. Так, первая ложа в Индии была создана еще в 1730 г., а к 1871 г. только в одной Бенгалии насчитывалось приблизительно 15 английских лож и 4 шотландские ложи, помимо них существовали еще 12 английских лож в Мадрасе, 11 английских и 12 шотландских лож в Бомбее¹. Другим центром развития масонства стали Филиппины: Великая ложа Свободных и Принятых масонов Филиппин, основанная в 1912 г., насчитывала к 1933 г. 105 лож (из них только 29 в Маниле) и около 6650 мастеров², имела свои ложи в Китае и издавала официальный орган филиппинских масонов журнал «The Cabletow» («Буксирный трос»), очень популярный по всей Азии. Китай присоединился к масонскому движению также весьма рано, но ложи долгое время развивались нерегулярно. К концу XIX в. в Северном Китае и Шанхае было 675 масонов и как минимум 15 лож [Gratton, 1900, p. 161].

¹ The Freemasons' Magazine and Masonic Mirror. L.: The Freemasons' Magazine Company, 1871. Vol. XXIV. P. 217.

² The Cabletow / Ed. by the Grand Lodge of Philippines Islands. Manila, 1933. Vol. X. January 2. P. 151.

Масонские ложи сохраняли и продвигали западные ценности среди интеллектуальной и торговой западной элиты в Азии и в этом смысле делали колониальную власть еще более эффективной. Эта социальная и культурная преемственность также укреплялась масонскими периодическими изданиями, особенно в XIX – середине XX в. Они действовали как связующая сила, сообщая о масонских событиях по всей империи. Их подписчики могли таким образом читать о делах своих братьев в других азиатских странах. В 1920–1930-х гг. в Азии активно циркулировали масонские журналы «The Scientific Magazine and Freemasons' Repository», «The Freemasons' Magazine», «Cabletow» и многие другие, где публиковались философские заметки, отчеты о собраниях лож, биографии известных масонских мастеров, что является бесценным историографическим материалом.

В целом ни одна другая форма общения не могла предложить столько преимуществ, сколько масонские ложи предоставляли своим членам, в том числе в Китае, Индии, да и по всей Азии. Вплоть до начала XX в. масонство занимало центральное место в растущей колониальной общественной сфере [Clark, 2000, p. 327]. Помимо чисто социальных функций, которые выполняли ложи, в подтексте всегда находилась вполне колониальная и «ориенталистская» идея доминирования собственных культурных ценностей и «отличности» от азиатской культурной среды. Нигде эта мысль так сильно не ощущалась, как в Китае. Так, журнал «New England Craftsman» писал: «Где бы ни находились люди белой расы, масонство функционирует спокойно и консервативно. Оно иллюстрирует при этом, что истина действительно могущественная вещь, что братство неразрывно связывает людей схожих умов, и что в каждой пустыне есть оазис, даже среди того разрушения, в которое люди и целые нации в безумии своих амбиций иногда стремятся погрузиться»³.

Масонское членство создавало чувство взаимных обязательств, которое укрепляло существующие торговые сети. В действительности доверие считалось настолько важным для братьев, что ежемесячные масонские периодические издания (такие, как «The Scientific Magazine and Freemasons' Repository») включали раздел, где публиковались списки банкротов – членов братства, лишенных коммерческих лицензий. Однако в целом масонское членство торговых партнеров могло выступать в качестве одной из составляющих коммерческой гарантии.

Окультурирующие устремления соединялись с идеей торгового риска и взаимной поддержки, позволяя расширять деловые связи. По своему духу предпринимательства, смешанного с авантюризмом, они во многом отличались от спокойной размеренной масонской жизни в Великобритании или Америке. Журнал «New England Craftsman» подмечал именно эту особенность масонов в Китае: «Эти масоны на форпостах – примечательные люди. Их деловые контакты позволяют им общаться с большим количеством других граждан. Они, будучи абсолютно непонятны сидящему дома американцу, гораздо более космополитичны и обладают совершенно иной перспективой. Они в значительной степени проходят тщательный отбор, их выбирают за выдающиеся качества личности, настойчивость, честность и деловую хватку, не говоря уже об их физической подготовке»⁴.

Ложи были островками культуры в колониальном мире «варварских обычаев» и представляли собой сообщества эмигрантов, которые старались поддерживать привычный им образ жизни. Гонконг и Шанхай – два основных центра масонства – являлись «аванпостами» западной цивилизации в Китае, там и появлялись основные масонские ложи. Они организовывали свои любительские театральные спектакли, позже – балы и вечера, которые собирали средства на благотворительность. Так, в 1874 г. в Шанхае был основан Масонский благотворительный фонд, который начинался с суммы в 529 долларов, полученной от масонского бала [Gratton, 1900, p. 53–60]. В 1885 г. Окружная великая Ложа в Шанхае, считая вопрос школьного воспитания жизненно важным для будущего развития западного комьюнити

³ New England Craftsman / Ed. by the Massachusetts Lodge. Boston, 1940. Vol. XXXV. № 6. P. 113.

⁴ Ibid.

в Китае, основала среднюю школу и «Масонский школьный фонд», выделяя гранты на обучение членам семей иностранцев. Сама школа содержалась в обмен на землю и недвижимость, предоставляемую Шанхайским муниципалитетом.

Сообщество иностранцев в Китае представляло собой смесь людей из разных социальных слоев от простых плотников и мелких торговцев до крупных верфевладельцев и членов аристократических семей [Coates, 1980, p. 85–88]. И только масонские ложи, построенные в традиционной манере закрытых английских клубов, могли предоставить возможность встречи «равного с равным» и являли собой приятный для участников и иногда вызывающий контраст всему этому окружению. Многие британские дипломаты и ученые, которые работали в Китае, принадлежали к масонским ложам. Так, известный китаевед и дипломат Герберт Джайлс (1845–1935) руководил масонской ложей в Фучжоу, а до этого принадлежал к ложам Гонконга и Амоя [The Memoirs of H. A. Giles, 1997, p. 22]. С ним спорил о происхождении китайского масонства другой китаевед Чалонер Алабастер (1838–1898), британский консул в Ханькоу (Ухань), где он и возглавлял масонскую ложу Звезда Центрального Китая [Gratton, 1900, p. 129, 136]. В Шанхае был организован престижный Масонский клуб, который арендовал часть здания Масонского зала на набережной Бунд в Шанхае, где действовал официальный дресс-код и в котором к началу XX в. состояло 206 членов [Ibid., p. 69]. Строгие правила поведения, традиционный ритуал, автоматическое исключение любого члена за уголовные преступления или за обман, – все это возвращало эмигрантов из Европы и США в привычную им атмосферу стабильности, помноженную на магнетизм таинства. Поэтому масонство в первый период своего развития было крайне важной социализирующей силой, которая компенсировала недостаток привычного образа жизни. Но по мере того, как Шанхай и Гонконг обрастали удобствами – школами для иностранцев, больницами, клубами, полицией, деловыми кварталами – роль масонских лож как социальных клубов уменьшалась.

Основную роль здесь играли, безусловно, британцы, которые славились тем, что приносили свои привычки в другие части света. Почти в каждом крупном колониальном городе Азии они создавали свое миссионерское общество, ипподром, спортивный клуб и масонскую ложу. Поведение британского сообщества копировали практически все остальные эмигранты [Djordjevic, 2010, p. 123–139].

В Китае масонство не только не ослабило соблюдение ритуалов и традиций, но наоборот, всячески опиралось за них как на некую связь с изначальным культурным лоном. И хотя по масонским обычаям ложи могут вводить свои собственные элементы ритуала и тайные знаки, в Китае, наоборот, шел процесс максимальной консервации традиции. Вступить в известную ложу было ничуть не проще, чем в Англии или Франции. Чикагский масон Эрнест С. Райс, посетив ложу в Пекине в 1923 г., отмечал: «Масонство здесь – серьезная вещь. Они одеваются с большим шиком, и человека переворачивают и буквально разбирают на кусочки, прежде чем он сможет вступить в ложу. Кроме того, он должен соответствовать социальным и деловым требованиям к членам»⁵.

Первые масонские ложи в Китае

Существуют заметные расхождения по вопросу того, когда были созданы первые масонские ложи в Китае: одни возникали и вскоре закрывались из-за сложностей развития, другие не могли оперативно получить одобрения у одной из Великих лож, к тому же ложи разных уставов по-своему рассказывали историю раннего этапа своего развития, претендуя на первенство. Поэтому однозначного ответа на вопрос об «изначальной ложе» в Китае быть не может, в частности, на первенство здесь претендует Великая ложа Англии и Великая ложа Швеции, которые, предположительно, и открыли свои первые организации в Цинской державе.

⁵ New England Craftsman / Ed. by the Massachusetts Lodge. Boston, 1923. Vol. XVIII. № 8. P. 240.

Становление английского масонства в Азии можно отнести ко второй половине XVIII в., когда ими была создана первая масонская ложа. Раннее масонство на территории Китая было представлено ложей Эмити (Amity 誼廬) № 407, учрежденной по Английской конституции в Гуандуне в 1767 г. За ней в 1788 г. (по другим сведениям, в 1786 г.) последовала Ложа Св. Елизаветы (Lodge Elizabeth), созданная по шведской конституции. Обе ложи просуществовали недолго и прекратили свою деятельность в начале XIX в. Через несколько десятилетий масонская деятельность возродилась – в 1844 г. Королевская ложа Сассекса (Royal Sussex) № 735 получила одобрение от Великой ложи Англии на проведение собраний в Кантоне [Chen, 1985, p. 12].

Историк масонства Артур Уэйт, ссылаясь на Справочник Германского масонства, подтверждает, что ложа Св. Елизаветы существовала в Гуанчжоу как минимум еще до 1865 г. и в этом смысле являлась старейшей регулярной ложей в Китае [Waite, 1970, p. 105]. Она провела тридцать три собрания. В этот период корабли Шведской Ост-Индской компании⁶, сделавшей в своей торговой активности особый упор на Китай, посещали эту страну. Как считается, именно на шведском корабле «Принц Карл» в 1759 г. в Гуанчжоу (по другим данным – в Макао) доставили разрешение проводить масонские встречи в любом порту, куда он заходил. Однако около 1802 г. ложа прекратила свое существование, поскольку в связи с наполеоновскими войнами с 1803 по 1809 г. ни одна шведская торговая экспедиция не отправилась в Китай, а в 1813 г. Шведская Ост-Индская компания была вообще упразднена⁷. Таким образом, это не была регулярная ложа, но лишь временная система для проведения масонских собраний.

Португальские ложи в Макао были значительно более либеральны, чем гонконгские, связанные с британским масонством — они более спокойно относились к регулярности обрядов. К тому же огромное влияние в Макао католической церкви, прежде всего ордена иезуитов, не позволяло масонам активно развивать свою деятельность. Они спорадически принимали участие в различных масонских мероприятиях, организуемых экипажами европейских кораблей, которые заходили в порт Макао. В городе действовала ложа «Луиш де Камознс» № 383 (названа в честь крупнейшего представителя португальской литературы эпохи Возрождения XVI в.), практиковавшая шотландский обряд. Связующим звеном с местными масонами был португальский чиновник по имени Домингуш Грегориу Розу Дуке [Oliveira Marques, de, 1983, p. 109].

Ложи в Макао объединяли прежде всего португальскую интеллектуальную элиту. Например, к ложе принадлежал Камило де Алмейда Пессанья (1867–1926) – один из самых ярких представителей символизма в португальской поэзии. В Макао он провел долгие годы своей жизни, женился на китайской наложнице, которую купил у посредника, писал эссе о китайском символизме и эстетике и, в конце концов, умер от туберкулеза и пристрастия к опиуму [Nomenagem a Camilo Pessanha, 1990, p. 45–53]. Камило Пессанья получил 18-й градус в ложе Розенкрейцеров Древнего и принятого шотландского устава⁸. К ложе принадлежал и его друг поэт-символист и ориенталист Вацлав де Мораис. Они оба были близки к ложе «Луиш де Камознс», связанной с португальской ложей Великий Восток. Авторитетная «Энциклопедия Масонства» утверждает, что в 1909 г. ложа Великий Восток Португалии создала ложу с аналогичным названием в Макао, причем Великий Восток Италии одновременно создал такую же ложу в Шанхае [Maskey, Naywood, 2003, p. 199].

⁶ Даты ее существования 1731–1813 гг.

⁷ Freemasonry in China // Zetland Hall (Website of Masonic Centre in Hong Kong). Режим доступа: <http://www.zetlandhall.com/history/china> (дата обращения 15.01.2022).

⁸ *Gonçalves A. M. A. Freemasons in China: The Portuguese link // Pietre-Stones: Review of Freemasonry (Freemasons' online magazine). 7 August 2016. Режим доступа: http://www.freemasons-freemasonry.com/freemasons_china.html?fbclid=IwAR0rBd4FUHERO1fs7DmJov5i3GUUrR4DFQBKmlDfxoc3tEQSo3al2ColUcc (дата обращения 15.02.2022).*

До 1885 г. масонские ложи существовали только в морских портах, что было связано с точками проникновения иностранного влияния в Китай, прежде всего в Гонконге, Гуанчжоу, Шанхае. Тринадцать лож были основаны по английскому уставу, четыре – по шотландскому и одна – по американскому. Генри Коил, масон и крупнейший историк масонства (в его честь названа масонская библиотека в Сан-Франциско) утверждал, что военные ложи (такие, как Королевская ложа Сассекса № 735) первыми появились в Китае в 1844 г. Другой крупный исследователь масонства А. Уэйт писал, что в 1863 г. Королевская ложа Сассекса была создана в Шанхае и имела номер 501 по английскому уставу, однако вскоре прекратила свое существование [Waite, 1970, p. 105].

Как мы видим, первоначальная масонская деятельность не была регулярной, потому следует отличать спорадические масонские встречи от регулярной деятельности.

Масонство начало свою «официальную» жизнь с первой ложей в Гонконге в 1844 г., а чуть позже и в Шанхае – в 1849 г. Оба города первоначально входили в подразделение, называемое «провинция Китай» (Province of China), то есть Китай в данном случае рассматривался не как страна, а как отдельная территория. В 1863 г. (по другим данным, в 1866 г.⁹) понятие «провинция» было заменено на название «Округ Китай» (District of China), который в 1877 г. был разделен на независимые друг от друга «Северный Китай» и «Гонконг и Южный Китай» с двумя окружными Великими Ложамы [Gratton, 1900, p. 75–76].

Первый масонский зал в Гонконге был построен в апреле 1846 г. Зетландской ложей № 525 Английской конституции¹⁰. Сама ложа названа в честь Томаса Дандеса, второго графа Зетландского (Zetland), который был Великим Мастером Объединенной Великой Ложы Англии с 1844 по 1870 гг. Уже позже Зетландский зал был дважды перестроен – в 1865 г. и после бомбардировок Гонконга в 1944 г. – и сегодня располагается на ул. Кеннеди, 1.

В декабре 1863 г. было выдано разрешение на создание первой Ложы американской конституции в Шанхае под названием «Древняя Ландмарка»¹¹ (Ancient Landmark Lodge). На первом этапе она почти полностью состояла из американцев, ведущих бизнес в Шанхае¹². Первоначально, как можно видеть из некоторых публикаций масонских журналов, Ложу предполагалось назвать «Древняя Ландмарка Хунцюэ»¹³ но затем «Хунцюэ» исчезает из названия. Сама ложа действовала в Китае до 1954 г., после чего «ушла на перерыв».

В 1877 г. одному из лидеров масонского движения в Китае Корнелиусу Торну было выдано разрешение на создание первой окружной Великой Ложы «Северного Китая» в Шанхае [Gratton, 1900, p. 75]. На тот момент в «Северный Китай» входили ложи Шанхая, Чжэцзяна, Тяньцзиня и Нючжуани, но формально этот округ охватывал практически все местности к северу от Нинбо, в которых были открыты ложи под эгидой английской конституции.

Масонство играло важнейшую роль в жизни иностранного сэттльмента в Шанхае, и после открытия этого портового города для иностранцев в 1843 г. там было создано множество лож, в том числе Северная ложа Китая, Королевская ложа Сассекса и Тосканская ложа, которые совместно финансировали строительство знаменитой шанхайской набережной Бунд. Первый камень в основание нового масонского зала на Бунде был заложен в июле 1865 г., и это было одно из первых современных зданий, появившихся на набережной; сегодня здесь располагается роскошный отель Peninsula.

⁹ Tarran G. B. A summary of The Origin and History of Shanghai Tuscan Lodge No. 1027: 1864–2016 // Website of Shanghai Tuscan Lodge № 1027. [2018]. P. 2. Режим доступа: <https://shanghaituscan.freemasons.london/wp-content/uploads/2018/01/History-of-Shanghai-Tuscan-Lodge-No-1027.pdf> (дата обращения 14.01.2022).

¹⁰ History of Zetland Hall // Zetland Hall (Website of Masonic Centre in Hong Kong). Режим доступа: <http://www.zetlandhall.com/history> (дата обращения 12.01.2022).

¹¹ В масонском лексиконе Ландмарка (дословно «знак») представляет собой перечень принципов, которые провозглашаются как «древние и неизменные заповеди масонства».

¹² Moore's Freemason's Monthly / Ed. by Ch. W. Moore. 1869. Vol. XXVIII. № 11. P. 358.

¹³ Ibid. 1864. Vol. XXIII. № 3. P. 96.

Всего в Шанхае до начала 1950-х гг. действовала 21 масонская ложа. Первая – «Северная ложа» была основана в 1849 г., последняя – «Ложа Иоанна Света с Востока» (Johannis Lodge Lux Orientis) под юрисдикцией Великой ложи Вены – в январе 1933 г.

Правила жизни повторяли строгую масонскую иерархию в метрополии. Окружной Великий Мастер получал свое назначение по решению Великого Мастера, и имел право на звание «Прошлого мастера» (Past Master) после трех лет службы. На собраниях следовало одевать только утвержденные одежды и регалии. Ни одна почетная награда, медаль, символ или эмблема от лож, не признанных Великой ложей Англии, не могла быть надета на собраниях окружной Великой Ложи Китая. Ложи в округе Северный Китай перечислялись в порядке их численности, зарегистрированной в книгах Великой Ложи Англии. Их приоритет по английской конституции был следующим: Королевская Ложа Сассекса № 501, Северная Ложа Китая № 570, Тосканская Ложа № 027, Дорическая Ложа № 1433, Ложа Единства (Union Lodge) № 1951 и Северная Звезда Китая № 2673. Единственные масонские степени, признанные Великой ложей Англии и присваиваемые в Китае, – это степени «ученика», «мастера» и «мастера-масона» [Gratton, 1900, p. 77]. При окружной ложе был сформирован Окружной Совет по общим вопросам, который рассматривал все масонские жалобы или нарушения, относящихся к Ремеслу в пределах округа Северный Китай. Он мог наложить предупреждение, штраф или отстранить от деятельности.

Помимо лож, подчинявшихся Великой Ложе Англии, возникло десять организаций под юрисдикцией Великой Ложи Шотландии, которые сформировали «Дальневосточный округ». Всего они включали две ложи в Японии, три в Корее и пять в Гонконге. Ложи шотландского устава приходят в Китай в 60-х гг. XIX в.: так, Ложа Космополитан № 428 была создана 7 марта 1864 г., за ней 3 мая 1869 г. последовала Ложа Св. Андрея на Дальнем Востоке № 493¹⁴.

В 80-е гг. XIX в. практически весь юг Китая покрывается масонскими ложами. В 1881 г. возникает Ложа Фучжоу № 1912. В Гонконге действовали Ложи Виктория No. 1026 и ряд других [Carr, 1981, p. 85]. Все они являлись частью Окружной Великой Ложи Гонконга и Дальнего Востока, а та в свою очередь – частью Объединенной Великой Ложи Англии.

К 20-м гг. XX в. в Китае были основаны ложи по меньшей мере девяти иностранных юрисдикций: Англии, Шотландии, Массачусетса (США), Германии, Ирландии, Австрии, Италии, Филиппин и Калифорнии. К 1939 г. ложи располагались в Гонконге и восемнадцати материковых городах, главные из которых находились на побережье Гуандуна, в Шаньтоу, Фучжоу, Шанхае, Нанкине, Тяньцзине, Пекине, а во время Второй мировой войны – в Чунцине.

Заключение

Таким образом, к середине XIX – началу XX в. масонство заняло свое прочное место в колониальной азиатской политике Великобритании и США, распространившись и на Китай. По всей Азии оно сформировало обширную сеть, которая способствовала взаимному обмену идей и информации, образуя единое «имперское пространство», изначально позиционировавшее себя в Азии как островок западной культурной элитарной традиции со своими устоявшимися правилами. Психологически это было крайне важным, поскольку масонство обеспечивало жизнь мифа об обособленности и особом непреходящем характере западной культуры в азиатском пространстве. Помимо этого, масонство стало транснациональной силой, связывающей метрополию с периферией, и именно через масонские сети шел спор идей, культурных ценностей, создавались связи взаимопомощи и поддержки. По сути, оно сформировало крупнейшую на тот момент институционализированную трансграничную сеть

¹⁴ McEvoy N. Freemasonry in China [Auckland, 1998] // The Educator (Website of V. M. Bro, Norm McEvoy). February 17, 2020. Режим доступа: <https://theeducator.ca/freemasonry-in-china> (дата обращения 03.02.2022).

поддержания контактов со своими внутренними каналами связи, укреплявшимися целом рядом активностей – например, выпуском регулярных масонских журналов, собраниями, содержанием колледжей, больниц и клубов. Здесь, безусловно, лидировало британское масонство при решающей поддержке Великой Ложи Англии, чуть менее активны были американские масоны и ложи, находящиеся под филиппинской юрисдикцией. Однако к 20–30-м гг. XX в. «колониальный» характер масонства стал размываться, в некоторых шанхайских ложах большая часть членов была китайцами, и даже возник вопрос о проведении ритуалов на китайском языке [Proceedings..., 1949, p. 42]. С этого момента начинается принципиально новый этап развития масонства в Китае.

Список литературы / References

- Carr Th. W.** The Victoria Lodge of Hong Kong: A Century of Fellowship. [H. K.], Victoria Lodge of Hong Kong, 1981, 75 p.
- Chen G. W.** Synopsis of The Masonic History of China. *The Cabletow*, 1985, vol. 62, iss. 4, pp. 12–21.
- Clark P.** British Clubs and Societies: The Origins of the Associational World, 1580–1800. Oxford, Oxford Uni. Press, 2000, 548 p.
- Coates A.** Whampoa: Ships on the Shore. Hong Kong, South China Morning Post, 1980, XII, 266 p., 32 pl.
- Djordjevic N.** British Clubs and Associations in Old Shanghai, *Journal of the Royal Asiatic Society: China in Shanghai. New series*, 2010, vol. 74, no. 1, pp. 123–139.
- Gratton F. M.** The history of Freemasonry in Shanghai and Northern China. Shanghai, North China Printing and Publishing Co., 1900, 184 p.
- Hawks Pott F. L.** A Short History of Shanghai: Being an Account of the Growth and Development of the International Settlement. Shanghai, Kelly & Walsh Ltd., 1928, XIII, 336 p.
- Homenagem a Camilo Pessanha. Organização, prefácio e notas D. Pires, Macau, Instituto Português do Oriente e Instituto Cultural de Macau, 1990, 206 p.
- Mackey A., Haywood H. L.** Encyclopedia of Freemasonry. Whitefish, MT, Kessinger Publishing LLC, 2003, part 1, 668 p.
- Oliveira Marques A. H. de.** A Maçonaria Portuguesa e o Estado Nova. 2 ed. Lisboa, Publicações Dom Quixote, 1983, 336 p.
- Proceedings of the Most Worshipful Grand Lodge of Free & Accepted Masons of China. Shanghai, 1949, 69 p.
- The Memoirs of H. A. Giles (Edited and with an Introduction by Charles Aylmer). *East Asian History*, 1997, no. 13/14, pp. 1–90.
- Waite A. E.** A New Encyclopedia of Freemasonry. Reprint ed. New York, Wings Books, 1970, 946 p.

Информация об авторе

Алексей Александрович Маслов, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Alexey A. Maslov, Doctor of Sciences (History), Professor

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 11.02.2022
The article was submitted on 07.02.2022;
approved after review on 09.02.2022; accepted for publication on 11.02.2022

Научная статья

УДК 341.232.7

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-70-80

Первый опыт советско-китайского сотрудничества в кинематографии (1949–1950)

Алла Леонидовна Верченко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Москва, Россия

veailan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>

Аннотация

Анализируется советско-китайское сотрудничество в области кино в начальный после образования КНР период, которое ранее не исследовалось в отечественной истории. Первые совместные цветные документальные ленты «Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай» (1950 г.) стали символом дружбы и тесного взаимодействия между двумя странами, которыми характеризовались 1950-е гг. Сотрудничество строилось на общей идеологической платформе, было подчинено единым политическим целям, отвечало задачам обеих коммунистических партий и проходило под их контролем. Обе стороны придавали большое значение пропагандистскому, агитационному и просветительскому значению фильмов, поэтому направили на их производство лучшие кадры. Работа над двумя фильмами помогла восстановлению и развитию китайской киноиндустрии, продемонстрировала продуктивность совместной работы, которая получила высокую оценку как в СССР, так и в КНР, и стала началом дальнейшего сотрудничества, которое продолжается в XXI в.

Ключевые слова

СССР, КНР, история, советско-китайское сотрудничество в кинематографии, документальное кино

Для цитирования

Верченко А. Л. Первый опыт советско-китайского сотрудничества в кинематографии (1949–1950) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 70–80. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-70-80

The First Experience of the Soviet-Chinese Cooperation in Cinematography (1949–1950)

Alla L. Verchenko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

veailan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8718-8338>

Abstract

The author reveals and analyzes the historical background of an early period of the Soviet-Chinese cooperation in documentary cinema at the beginning of the 1950s. The partnership became possible only after the creation of the People's Republic of China, although initial attempts were made somewhat earlier. However political reasons and ideology differences became an insurmountable obstacle in the way of productive interaction. The first joint colour full-length documentary films “The Victory of the Chinese People” and “Liberated China” (1950) became a symbol of friendship and close ties between the two countries. This characterized the period of the 1950s. The collaboration based on a common ideological platform, subjected to common political goals, met the tasks of both communist par-

© Верченко А. Л., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 70–80

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 70–80

ties and took place on the basis of directive documents of the highest party and state bodies of the two countries. Both sides attached great attention to the propaganda and educational significance of the mentioned films, therefore the best specialists were sent to make them. Soviet film makers found themselves in a completely new political situation, social and everyday life environment. Therefore, Chinese colleagues provided comprehensive assistance. Interaction with the Chinese military and civilian consultants, attached to the groups of Soviet film makers, ensured the complete fulfillment of the goals set by the leadership. This was the first completed project in Soviet-Chinese cooperation while work on industrial sites had just begun. This first collaboration helped to restore and develop the Chinese film industry, demonstrated the productivity and possibility of the joint working groups. The films were highly appreciated in both countries and marked the beginning of further Soviet-Chinese cooperation, which continues in the 21st century.

Keywords

USSR, PRC, history, Soviet-Chinese collaboration in cinema making, documentary films

For citation

Verchenko A. L. The First Experience of the Soviet-Chinese Cooperation in Cinematography (1949–1950). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 70–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-70-80

Введение

Китай всегда был предметом пристального внимания советского документального кино, которое отвечало на информационный запрос общества и дополняло визуальным рядом сообщения, поступающие из средств массовой информации, регулярно выполняло присущие ему функции агитации, пропаганды и просвещения. Работавший в Китае над фильмом «Великий перелет» будущий известный режиссер, сценарист, телеведущий В. А. Шнейдеров в 1925 г. провел переговоры с шанхайской киностудией «Великая стена» о возможности «совместной постановки 3–4 художественно-революционных картин» и предварительно договорился о «демонстрации картин в СССР и на иностранном рынке»¹. Однако изменившаяся политическая обстановка и возросшая напряженность в советско-китайских отношениях после переворота Чан Кайши не позволили перейти к практическому сотрудничеству и реализации задуманного.

В 1939 г. кинооператор-документалист Р. Л. Кармен познакомился на революционной базе Яньань с недавно образованной к тому времени киногруппой во главе со ставшим позже известным руководителем китайской киноиндустрии Юань Мучжи (袁牧之). Но сотрудничество не состоялось из-за отсутствия технической базы для производства фильмов, хотя китайские операторы производили некоторые съемки, используя иностранную аппаратуру [Торопцев, 1979]. Было решено монтировать отснятый материал о 8-й армии и жизни революционной базы Яньань в Москве, куда Юань Мучжи и композитор Сянь Синхай (冼星海) прибыли в самом конце 1940 г. Началась Великая Отечественная война, китайские кинодеятели отправились в эвакуацию в Казахстан. Работа над фильмом была отложена и так и не возобновилась. В Казахстане Юань Мучжи получил первый опыт взаимодействия с советскими киноработниками – он участвовал в работе над фильмом «Иван Грозный», который С. М. Эйзенштейн снимал в Алма-Ате.

В конце 1948 г. стало очевидно, что Гоминьдан теряет власть, компартия стремительно распространяет влияние по территории Китая. Одержав победы в двух важнейших сражениях на Северо-Востоке, она готовилась к овладению Пекином и развертыванию масштабной наступательной операции на юг, направленной на полное освобождение страны, завершение гражданской войны. Именно в этот период в СССР принимается решение о создании фильмов о новом Китае, в которых будет отражено важное в истории обеих стран событие – создание народного государства на Востоке. ЦК КПСС поручает работу Министерству кинематографии. Министр кинематографии И. Г. Большаков 8 января 1949 г. представляет сек-

¹ Письмо В. А. Шнейдера в Правление АО «Пролеткино» с описанием сделанной работы по съемке документального фильма в Китае и об условиях оплаты за проделанную работу // URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/257-290.pdf> (дата обращения 12.03.2020).

ретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову свои предложения по постановке двух полнометражных и одного документального фильма в Китае², которые вскоре утверждаются ЦК ВКП(б). Постановление аналогичного содержания ЦК ВКП(б) принимает в июле 1949 г. Однако оба решения оставались на бумаге (хотя готовились сценарии и формировались съемочные группы) до тех пор, пока китайская сторона не предприняла шаги навстречу.

Сотрудничество советских и китайских кинематографистов

В начале сентября 1949 г. директор Центральной китайской киностудии Юань Мучжи провел совещание, на котором обсуждался вопрос о возможности совместных с СССР съемок цветных документальных фильмов о Китае [Дин Нин, 2013, с. 4]. 12 сентября Мао Цзэдун обратился к И.В. Сталину с просьбой направить советскую киносъёмочную группу для совместной работы над картинами. Всего через четыре дня после обращения китайской стороны Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение приступить к съемкам и направить в Китай две съемочные группы³. Их руководители С. А. Герасимов и Л. В. Варламов были включены в состав первой советской делегации деятелей культуры, прибывшей в Пекин 1 октября⁴. Особенностью советско-китайского сотрудничества в ранний период, в том числе по линии кинематографии, было то, что решения принимались на основе личных писем и телеграмм высшего руководства, реализовывались в кратчайшие сроки, ход работы находился под постоянным партийным контролем с обеих сторон. Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и КНР было подписано 5 июля 1956 г.⁵

Принятое Политбюро 16 сентября 1949 г. постановление удовлетворяло просьбу ЦК КПК об оказании помощи «в съемках двух документальных фильмов, посвященных борьбе Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и новой жизни в освобожденных районах демократического Китая». Министерству кинематографии СССР поручалось производство двух цветных документальных фильмов о Китае: документального полнометражного цветного фильма о борьбе НОАК, документального полнометражного фильма о жизни народно-демократического Китая, 5–6 видовых короткометражных фильмов на темы, согласованные с ЦК компартии Китая⁶. От имени И. В. Сталина (в то время в телеграфной переписке с Мао Цзэдуном он использовал псевдоним Филиппов) представителю ВКП(б) при Мао Цзэдуне И. В. Ковалеву в Пекин для передачи Мао Цзэдуну была отправлена телеграмма, в которой, в частности, говорилось: «Направляемым в Китай киноработникам даны указания проводить всю свою работу по съемкам фильмов в строгом соответствии с директивами ЦК компартии Китая и по его указаниям»⁷. Значительная часть переписки шла под грифом «секретно», «строго секретно».

Советские киноработники были высококлассными специалистами в своей профессии, но едва ли так же хорошо разбирались в политической ситуации в Китае. В июле 1949 г. Сталин в беседе с членами китайской делегации отмечал: «Мы недостаточно осведомлены о положении в Китае, не можем сравниться с вами в знании деталей этой обстановки» [Сталин, 2006, с. 532]. Еще меньше подробностей было известно нашим документалистам, поэтому они не могли обойтись без консультационной помощи со стороны китайских гражданских и военных специалистов. Первые ленты о победе КПК («Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай») должны были в максимально полной и доступной форме донести до зрителей обеих стран важность произошедшего события, в Советском Союзе – ознакомить общественность с кардинальной политической трансформацией на Востоке. В руках КПК

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 250. Л. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 7.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5283. Оп. 18 Д. 88. Л. 31

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 16.11.1950.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 9.

фильмы становились сильнейшим идеологическим оружием, с помощью которого утверждалась идея о безусловной победе новой власти. Фильмы должны были нести в народ позитивный заряд, настраивать людей на движение вперед. Советские кинематографисты были прекрасно знакомы с подобным подходом, отличавшим советское искусство в первые послевоенные годы, и понимали поставленные перед ними задачи. Съёмки проводили в основном советские операторы, но темы и объекты рекомендовали китайские советники, указывавшие наиболее значимые из них. Кино было самым доступным видом искусства и лучше всего воспринималось населением Китая, абсолютное большинство которого было неграмотным. Передвижки, в том числе подаренные Советским Союзом, привозили фильмы в отдаленные от центральных городов районы, где не было кинотеатров. Под открытым небом зрители устраивались с обеих сторон экрана – так много было желающих. Таким образом, одни смотрели позитив, другие негатив, но это не мешало воспринимать содержание картин.

Высокая идеологизированность была характерна для обеих сторон и определяла направление совместной работы. Как отмечал директор Пекинской киностудии Юань Мучжи, китайские специалисты учились у советских товарищей подчинять искусство политике. Как это действовало в жизни, видно не только по первым двум общим киноработам.

В 1952 г. СССР предложил для показа в КНР кинофильм «Пржевальский», где были сюжеты о Китае. Лента вызвала неоднозначную реакцию в Отделе пропаганды ЦК КПК и Министерстве культуры, хотя снималась с разрешения и при участии китайских специалистов, учитывала их замечания. Китайская сторона признавала, что фильм свидетельствовал о существовании давних дружественных отношений между Россией и Китаем. В то же время поднимался вопрос о принадлежности ученого-исследователя Пржевальского к русской армии, а его исследований – к проблеме вторжения царской России в Китай. Китайская пропаганда предлагала вырезать те кадры в фильме, где китайцы показывались слабыми и униженными, что не соответствовало общему позитивному настроению в обществе. В итоге фильм в широкий прокат не вышел [Сезргай Капуцзелефу, Ша Ян, 2019, с. 3].

На работу в Китай в 1949 г. направлялись лучшие специалисты. Эта тенденция сохранялась в течение всего периода советско-китайского культурного и экономического сотрудничества. Нередко советские специалисты оставляли дома важную работу, чтобы приложить свои компетенции в Китае, помочь восстановлению народного хозяйства в самых разных отраслях. Кандидатов тщательно отбирали по квалификационным данным и политическим качествам. Они должны были достойно представлять первую в мире страну социализма, на которую равнялся Китай. В 1950-е годы в Китае говорили, что сегодняшний Советский Союз – это завтрашнее Китая. Самым популярным лозунгом был «Учиться у Советского Союза». Газеты и журналы пестрели заголовками «Навеки вместе», «Великая беспримерная дружба», «Великая дружба, великое сотрудничество», «Наши сердца бьются вместе», «История ещё не знала такого единства!» [Рябченко, 2016, с. 82].

К советско-китайской совместной работе были привлечены известные деятели искусств с большим опытом работы. Автором сценария и режиссером фильма «Освобожденный Китай» был С. А. Герасимов, советский кинорежиссёр, актёр, сценарист, драматург и педагог, в 1944–1946 гг. возглавлявший Центральную студию документальных фильмов (ЦСДФ). С ним работали именитые кинодокументалисты. Руководитель группы фильма «Победа китайского народа» Л. В. Варламов – один из авторов документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой», первого советского фильма, удостоенного Оскара как лучший документальный фильм. В его группу входили фронтовые кинооператоры, имевшие опыт работы в боевых условиях во время Великой Отечественной войны. Сценарий к фильму написал известный советский писатель К. М. Симонов. Китайское руководство киноиндустрии позже отмечало высочайший уровень профессионализма и ответственности советских кинодокументалистов и призывало китайских кинороботников учиться у них.

С китайской стороны были привлечены лучшие кадры недавно созданной Пекинской киностудии. Например, работавший оператором в группе Л. В. Варламова У Бэньли (吴本立)

впоследствии стал известным кинорежиссером [Мэн Хун, 2010, с. 29]. Другой оператор – Хао Юйшэн (郝玉生) обрел известность как оператор-документалист, режиссер, организатор кинопроизводства⁸. Сюй Сяобин (徐肖冰) до начала работы с советскими коллегами снял документальные фильмы о 8-й армии, революционной базе Яньань, сделал известные фото Мао Цзэдуна (毛泽东) в Яньани⁹. Они имели опыт работы в документальном кино, но их возможности в силу политической ситуации были ограничены и технически, и финансово. Продукция старых киностудий в Яньани и Чанчуне ни качественно, ни количественно не соответствовала требованиям момента [Лю Цзинбо, 2016, с. 20–22]. Советские коллеги обучали обращению с привезенным из СССР более современным оборудованием, работе с цветной пленкой, которой в Китае не было, знакомили с новыми техническими приемами. Производство цветной пленки в СССР началось лишь в 1947 г., и ее количество было ограничено. Тем не менее исходя из общественно-политической важности совместного проекта было принято решение выпустить оба фильма в цвете.

Отличительной чертой совместной работы было ее курирование в Китае на самом высоком уровне. Так, инструктаж о конкретных задачах, стоящих перед группой фильма «Победа китайского народа», проводили заместитель председателя Центрального народного правительства (ЦНП) Лю Шаоци (刘少奇) и заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК, заместитель председателя Комитета по культуре и образованию ЦНП Лу Динъи (陆定一).

Первым событием, которое запечатали советские киноработники, стала церемония провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине¹⁰. Сразу после приезда советские операторы попросили отвезти их на место съемки для ознакомления. Как вспоминал оператор В. В. Микоша, их сопровождал очень вежливый, подчеркнуто почтительный «симпатичный китаец», который «оказывал гостям всяческое внимание», улыбкой и приветливым выражением лица располагал к себе [Микоша, 2005, с. 337]. С ним операторы осмотрели место съемок и наметили план работы. Как они сразу поняли, их сопровождающий пользовался большими правами, перед ним склонялись и исполняли все его указания. С огромным удивлением они узнали, что это был Чжоу Эньлай (周恩来), 1 октября назначенный премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел.

О том, что информации о руководителях нового государства в Советском Союзе было немного, свидетельствует история с портретом Мао Цзэдуна. В. В. Микоша сделал несколько крупноплановых портретов Мао Цзэдуна, один из которых стал в СССР на многие годы классическим изображением китайского лидера. Автор отправил снимок в редакцию журнала «Огонек», корреспондентом которого был. Полученный из Пекина негатив проявили и обнаружили «дефект» на пленке – пятнышко на подбородке. Отретушированный снимок появился в 1952 г. на обложке журнала «Огонёк», где Мао Цзэдун оказался без знаменитой родинки на подбородке. В. В. Микошу вызвали в ЦК партии. Он мог понести наказание, но председатель Мао, с которым немедленно связались, портрет одобрил. Недоразумение было исчерпано.

Советским киноработникам довелось познакомиться не только с руководством КНР, но и с историей, культурой, традициями страны. Все для них было незнакомым. Они оказались в иной социально-культурной среде, где следовало привыкнуть к новым взаимоотношениям, строжайшей субординации, иным условиям и ритму работы, климатической и кулинарной специфике. Киноработники учились пользоваться палочками, запоминали самые необходи-

⁸ Хао Юйшэн. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%83%9D%E7%8E%89%E7%94%9F> (дата обращения 21.04.2021) (на кит. яз.)

⁹ Сюй Сяобин. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BE%90%E8%82%96%E5%86%B0/5544014> (дата обращения 21.04.2021) (на кит. яз.)

¹⁰ Многие кадры, снятые советскими операторами, впервые были показаны в Китае к 70-летию КНР в фильме «Второе рождение Поднебесной».

мые китайские слова и обиходные фразы. Прежде всего, в Китае их поразила многолюдность, особенно когда они с трибуны наблюдали за 300 тыс. участников торжественного митинга 1 октября. Не сразу удалось привыкнуть к интонациям, обусловленным спецификой тонового китайского языка, и к тому, что звук, произнесенный разными тонами, означал разные по смыслу слова. Советских людей поразило, как громко китайцы разговаривают, особенно выступая с трибуны.

Работа по съемкам фильмов проходила в условиях, когда на территории страны продолжали действовать шпионы, отдельные вражеские части и диверсионные группы. Советские операторы запечатлели реальные боевые действия, сражения за освобождение десятков городов, побывали в партизанских отрядах [Летопись, 1950]. В Шанхае, например, киноработники стали свидетелями налетов гоминьдановской авиации. Из окна гостиницы они видели, как самолеты кружили над рекой Хуанпу, над набережной, сбрасывали бомбы на верфь и жилые дома. До обеда находиться на улице было опасно [Герасимов, 1950]. (В 1950 г. для выполнения задачи по организации ПВО г. Шанхая из СССР была направлена спецгруппа под командованием генерал-лейтенанта П. Ф. Батицкого).

На юге Китая продолжались сражения. Съёмочные группы работали в условиях, приближенных к боевым. Китайская сторона прилагала максимум усилий для создания благоприятных условий в работе советских киноработников, обеспечивала их безопасность. Как отмечал Лю Шаоци в беседе с И. В. Сталиным летом 1949 г. в Москве, «ЦК КПК разработал инструкцию, которая будет разослана партийным организациям, по созданию для советских специалистов таких условий работы, чтобы их никто не обидел» [Сталин, 2006, с. 530].

О масштабе совместной работы по съемкам в Китае можно судить по фильму «Победа китайского народа» (фильм снимался ЦСДФ и Пекинской киностудией). Чтобы максимально охватить события в разных местах, операторов разделили на четыре группы по числу полевых армий, представители которых выступали военными консультантами. Руководитель группы Л. В. Варламов вместе с военным консультантом Хуан Чжэнем (黄振) и литературным консультантом Лю Байюем (刘白羽) находился в Шанхае, откуда координировал работу. Было решено включить в фильм материалы о четырех главных сражениях гражданской войны: Ляошэньском, Пинцзиньском, Хуайхайском и военной операции по переправе через Янцзы [Смирнов, 2013, с. 521–524]. К приезду советских киногрупп все операции были завершены, а снятый китайскими операторами черно-белый материал был непригоден для использования в цветном фильме. В связи с этим некоторые сцены для нового фильма снимались заново. Прием использования реальных персонажей и обстановки для реконструкции военных событий советские режиссеры освоили в период Отечественной войны и передали его китайским коллегам. Например, для съемок пленения коменданта Тяньцзиня Чэнь Чанцзе (陈昌杰) его на время выпустили из тюрьмы. Освобождение Пекина также переснимали.

Особенностью работы в Китае стала тесная связь с простыми людьми. Когда в Китае узнали, что приехали советские кинематографисты, на них обрушился поток писем из разных частей страны. Так появились кадры о солдатах, которые во время передвижения от одного пункта к другому должны были запомнить иероглиф или фразу, написанные на ранце впереди идущего бойца. На очередном привале ранцами менялись, и перед глазами солдата появлялся новый текст. Так в войну шла ликвидация неграмотности. Фронтовики-операторы увидели в Китае группы взрослых и детей, которые своими выступлениями поднимали настроение и боевой дух бойцов прямо на марше, во время прохождения войск через деревню. Это напомнило им фронтовые агитбригады периода Отечественной войны. С некоторыми явлениями, не имевшими аналогов в советской армии, операторы столкнулись впервые. Например, массовое участие носильщиков-добровольцев, нанятых в деревнях, помогавших армии переносить грузы. Их в фильме показывают в нескольких сражениях.

Перед советскими и китайскими киноработниками стояла сложная задача произвести первые в Китае цветные съемки. Она усложнялась климатическими условиями. В северной части Китая операторы снимали в 40–45-градусные морозы, на юге работали в тропическую жа-

ру, при температуре воздуха выше 40°C. Работу затрудняли постоянные дожди и туманы. Нужно было не только отснять качественный материал, но и хранить пленку в течение длительного времени, для чего сконструировали специальные термосы [Летопись, 1950].

Монтаж, озвучивание, обработка пленки производились в Москве при участии китайских участников съемок. Значительных усилий потребовало согласование текстов к фильмам. Надо было, чтобы они одинаково хорошо воспринимались совершенно разными аудиториями. Китайцы склонны обращать внимание на мельчайшие детали, упоминать большое количество имен и географических названий, которые не были знакомы советскому зрителю и усложняли восприятие материала в Советском Союзе. Большую помощь в подготовке текстов оказали литературные редакторы и политические консультанты. Фильм озвучивался на русском языке и переводился на китайский. Совместная работа специалистов двух стран обеспечила высокое качество перевода.

Параллельно шла работа над фильмом «Освобожденный Китай». Его режиссер С. А. Герасимов отмечал внимательное отношение со стороны китайских сопровождающих, обычно чиновников высокого ранга, которые объясняли значение каждого нового объекта, города или поселка, как правило, бывших в прошлом местами боев или революционных выступлений, чтобы советские операторы засняли самые значительные события и объекты. Советская критика как достоинство фильма отмечала, что в нем даны обобщенные картины жизни страны и конкретное, индивидуализированное изображение людей [Таланов, 1951, с. 8]. Бросалось в глаза, что повсюду шло строительство, море людей в одинаковых синих спецовках с коромыслами на плечах передвигались по стройке, основным орудием рабочих – вчерашних крестьян были кирка и лопата. Операторы должны были подчеркнуть героическую окраску труда, для чего консультанты рекомендовали запечатлеть на пленке стенные газеты, написанные крупными иероглифами лозунги-призывы, яркие рисунки¹¹.

С. А. Герасимов, выступая перед китайской общественностью в Пекине, говоря о значении сотрудничества кинематографистов для СССР и Китая, отмечал: «Интерес к жизни китайского народа в особенности в Советском Союзе – совершенно неисчерпаем, поэтому каждая снятая документальная картина будет принята у нас с самым горячим интересом, но прежде всего надлежит вспомнить о том, какую огромную пользу принесет картина самому китайскому народу, разбросанному по огромной территории Китая и жадно желающему знать о каждом новом успехе народно-демократического государства»¹².

Слова С. А. Герасимова оказались пророческими. Совместные работы имели успех в обеих странах. Фильм «Победа китайского народа» вышел в прокат СССР в июне 1950 г. «Освобожденный Китай» был готов к концу года. Вскоре также начали демонстрироваться короткометражные фильмы о Китае, снятые операторами группы С. А. Герасимова, объединенные в цикл «В новом Китае» [Герасимов, 1950].

В Китае премьера фильма «Победа китайского народа» была приурочена к первой годовщине образования КНР. Предпоказ от имени Генштаба НОАК состоялся 29 сентября в столичном кинотеатре «Дахуа». Главком Чжэ Дэ (朱德) вручил Л. В. Варламову почетную грамоту. Двадцатого сентября Министерство культуры организовало просмотр в кинотеатре «Шоуду». Отмечалось, что «Победа китайского народа» – это первый в истории китайского кино цветной документальный фильм, снятый на высоком художественном уровне, впервые выпущенный на 16 мм-пленке и имевший огромное политико-воспитательное значение. Варламову и членам съемочной группы были вручены цветы и подарки от имени Министерства культуры, Управления кинематографии и Пекинской киностудии. Министр культуры Шэнь Яньбин (沈雁冰) вручил Л. В. Варламову памятную медаль и вымпел от имени Пекинской киностудии с надписью «Сотрудничество навеки в защиту мира во всем мире с помощью

¹¹ РГАЛИ. Ф. 3055. Оп. 1. Д. 283. Л. 14–15.

¹² Там же. Л. 22.

кинематографического оружия» [Ли Дунпэн, Мао Вэйцин, 2019]. Варламову была также вручена Почетная грамота, подписанная Мао Цзэдуном.

Фильм «Победа китайского народа», по словам Л. В. Варламова, – первое реальное сотрудничество работников искусства двух стран. В широкий прокат лента вышла 1 октября 1950 г. и была показана в 15 крупных городах Китая, побив все рекорды по количеству зрителей¹³. В некоторых кинотеатрах организовывали до 8 сеансов в день, начиная с 6 часов утра [Рогов, 1950]. Залы всегда были переполнены. В честь выхода кинофильма для зрителей были выпущены памятные медали, чего никогда раньше не делалось.

«Освобожденный Китай», освещавший 30-летнюю историю борьбы, которую китайский народ вел под руководством КПК, был готов позже и вышел на экраны двух стран в конце 1950 г. Чжоу Эньлай, выступая по поводу завершения работы, отметил заслуги советской стороны и подчеркнул, что «инициатива снять фильмы исходила от Сталина, который направил для работы в Китай лучших советских кинороботников» [Ли Дунпэн, Мао Вэйцин, 2019]. Создатели обеих картин в 1951 г. были отмечены Сталинской премией. Китайским кинематографистам премии вручал посол СССР в КНР Н. В. Рощин.

Сразу после образования КНР у китайских работников кино не было достаточно опыта ни в проведении съемок, ни в обработке пленки и монтаже ленты, ни в работе на современной киноаппаратуре. Антияпонская война 1937–1945 гг. и гражданская война 1946–1949 гг. затормозили развитие киноотрасли, и в ходе совместной работы над фильмами в 1949–1950 гг. китайские режиссеры, операторы, другие работники киноотрасли перенимали советский опыт, восстанавливали упущенное. Этого оказалось недостаточно, и в 1954 г. в Советский Союз на три месяца была направлена большая группа специалистов Дунбэйской, Пекинской и Шанхайской киностудий во главе с начальником Управления кинематографии Ван Ланьси (王兰西) для всестороннего изучения процесса производства фильмов. Задачи были конкретизированы для каждого члена группы в соответствии со спецификой его работы. Китайские кинороботники встречались с руководством советской кинематографии, со многими известными кинодеятелями, посетили основные киностудии и учебные заведения, кинофабрики, театр киноактера, ознакомились с процессом подбора актеров, подготовки сценария для съемок картин, системой кинопроката, изучили полный цикл создания цветных кинофильмов и сценариев, изучили систему руководства индустрией и производством фильмов, ознакомились с технической стороной съемок (подготовка места съемки и декораций, эффект блуждающей маски, постановка спецэффектов, запись звука, стереозвук, производство широкоэкранных фильмов, цветных копий и др.). Вероятно, помня о трудностях с переводом в период работы над совместными картинами, китайское руководство выделило пять профессиональных переводчиков на все время поездки киногруппы¹⁴. После возвращения в Китай кинороботники смогли начать самостоятельное производство цветных фильмов, значительно продвинулись в производстве художественных и документальных картин. Результатом стажировки в СССР стал снятый по всем канонам советского социалистического реализма цветной художественный фильм «Счастье», который демонстрировался в Советском Союзе в 1957 г.

¹³ Ли Дунпэн, Мао Вэйцин. «Чжунго жэньминь дэ шэнли» – синь чжунго ди и цайсэ цзилупянь [李东鹏、毛为勤。《中国人民的胜利》—新中国第一部彩色纪录片] «Победа китайского народа» – первый цветной документальный фильм в новом Китае. URL: <http://wenhui.whb.cn/zhuzhan/xueren/20190927/292015.html> (обращение 21.04.2021) (на кит. яз.)

¹⁴ Ли Дунпэн, Мао Вэйцин. «Чжунго жэньминь дэ шэнли» – синь чжунго ди и цайсэ цзилупянь [李东鹏、毛为勤。《中国人民的胜利》—新中国第一部彩色纪录片] «Победа китайского народа» – первый цветной документальный фильм в новом Китае. URL: <http://wenhui.whb.cn/zhuzhan/xueren/20190927/292015.html> (обращение 21.04.2021) (на кит. яз.)

Выводы

В советско-китайском взаимодействии в кинематографии в начале 1950-х гг. отразились все тенденции и особенности, которые были присущи двустороннему сотрудничеству в целом. Оно сложилось на общей идеологической платформе, отвечало общим политическим целям, курировалось высшим партийным руководством двух стран. Хотя в Китае имелась определенная база для производства фильмов, но бесконечные войны затормозили развитие отрасли, и для производства качественной продукции требовалась помощь извне, как оборудованием, так и технологиями. В условиях экономической блокады со стороны западного мира такую помощь можно было получить лишь из СССР.

Первый опыт совместной работы по производству документальных фильмов принес большую пользу китайской кинематографии. Он стал трамплином, позволившим начать стремительное движение вперед. Это было знаковое событие для обеих стран. Пока на промышленных стройках с помощью советских специалистов еще только начинались работы – рыли котлованы и разрабатывали техническую документацию – первый совместный проект показал реальный результат, продемонстрировал возможность и успешность двустороннего взаимодействия. Снятые совместно советскими и китайскими кинодеятелями цветные полнометражные документальные ленты выполнили поставленные перед ними задачи, в наиболее полной форме представили самые характерные черты национально-революционной борьбы китайского народа, победы новодемократической власти и патриотического подъема строителей новой жизни в Китае. Они имели огромное политическое значение для СССР и КНР.

Отталкиваясь от советской модели, которой китайская кинематография первоначально строго следовала, она быстро ушла от роли ученика, постепенно приобрела самостоятельность, освоила новые методы работы, уловила последние тенденции, расширила тематику кинопроизводства, впитала мировой опыт и обрела свой собственный национальный путь. Работа над фильмами стала для китайских кинематографистов школой освоения теоретических знаний и практических навыков в области кино, положила начало успешному профессиональному сотрудничеству советской и китайской кинематографий, которое продолжается в XXI в.

О признании большого значения первого кинопроекта и памяти о нем говорит тот факт, что именно снятые советскими операторами кадры вошли в фильм, демонстрировавшийся в Китае в связи с 70-летием КНР, а в сентябре 2021 г. в Пекине прошла персональная выставка китайских фотографий В. В. Микоши.

Список литературы

- Варламов Л.** Победа китайского народа. На съемках исторических событий // Искусство кино. 1950. № 6. С. 37–38.
- Герасимов С. А.** В новом Китае. Шанхай // Известия. 15.01.1950.
Летопись героической борьбы // Сов. искусство. 20.10.1950.
- Лю Цзинбо.** Телевизионная документалистика КНР (на примере CCTV) Магистерская диссертация. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. 123 с.
- Рогов Вл.** Триумф фильма // Сов. искусство. 12.12. 1950.
- Рябченко Н. П.** О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток: Дальнаука, 2016. 258 с.
- Сталин И. В.** Соч.: В 18 т. Тверь: Информ.-изд. центр «Союз», 2006. Т. 18. 785 с.
- Смирнов Д. А.** Гражданская война (1946–1949) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. М.: Наука – Вост. лит., 2013. Т. 7: Китайская Республика (1912–1949). 863 с.
- Таланов А.** Освобожденный Китай // Искусство кино. 1951. № 1. С. 7–8.

- Торопцев С. А.** Очерк истории китайского кино. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. 228 с.
- Дин Нин.** Сулянь юй бэйцзин дяньин чжипянь чан дэ чуцзянь [丁宁。苏联与北京电影制片厂的初建]. СССР и создание Пекинской киностудии // Дяньин синьцзо [电影新作]. 2013. № 6. С. 4–9. (на кит. яз.)
- Ли Дунпэн, Мао Вэйцин.** Муцянь и чжи синь чжунго дэ ди ипи цайсэ инсян [李东鹏、毛为勤。目前已知新中国的第一批彩色影像]. Теперь известны первые цветные изображения нового Китая // Вэньхуэй бао [文汇报]. 27.09.2019 (на кит. яз.)
- Мэн Хун.** У Бэньли: юн цзинтоу цзилу хунсэ лиши. [孟洪。吴本立: 用镜头记录红色历史]. Мэн Хун: У Бэньли: запись красной истории с помощью камеры // Дан ши цзунлян [党史总揽]. 2010. № 8. С. 27–31. (на кит. яз.)
- Сеэргай Капуцзелефу, Ша Ян.** Бэйцзин дяньин чжипянь чан юй сулянь чжуаньцзя цзай цайсэ дяньин дэ хэцзо – и 20 шицзи 40 няньдай мо чжи 50 няньдай чу вэйли. [谢尔盖·卡普捷列夫 [Сергей Каптерев]、沙扬。北京电影制片厂与苏联专家在彩色电影制片领域的合作——以 20 世纪 40 年代末至 50 年代初为例]. Сотрудничество Пекинской киностудии с советскими специалистами в области производства цветных фильмов: на примере конца 1940-х – начала 1950-х годов. Дяньин пинцзя [电影评价] Кинообозрение. 2019. № 4. С. 1–3. (на кит. яз.) DOI 10.16583/j.cnki.52-1014/j.2019.z1.001

References

- Ding Ning.** Sulian yu Beijing dianying zhipianchang de chujian [丁宁。苏联与北京电影制片厂的初建]. The Soviet Union and Construction of Beijing Film Studio. *Dianying xinzuozuo* [电影新作]. *New movies*, 2013, no. 6, pp. 4–9 (in Chin.)
- Gerasimov S. A.** V novom Kitaye. Shankhay. [In New China. Shanghai]. *Izvestiya*, January 15, 1950. (in Russ.)
- Letopis' geroicheskoy bor'by. Sovetskoye iskusstvo [Chronicle of the heroic struggle]. *Soviet art*, October 20, 1950. (in Russ.)
- Li Dongpeng, Mao Weiqin.** Muqian yi zhi xin zhongguo de di yipi caise yingxiang [李东鹏、毛为勤。目前已知新中国的第一批彩色影像]. The first colour images of New China have been known. *Wenhui bao* [文汇报], September 27, 2019. (in Chin.)
- Lyu TSzinbo.** Televizionnaya dokumentalistika KNR (na primere CCTV) [Liu Jingbo. Television documentary films in the PRC (on the example of CCTV)]. Master's thesis. St. Petersburg State Uni., 2016, 123 p. (in Russ.)
- Meng Hong.** Wu Benli: yong jingtou jiku hongse lishi [孟洪。吴本立: 用镜头记录红色历史]. Recording the Red history with the camera. *Dangshi zonglan* [党史总揽]. Party history review, 2010, no. 8, pp. 27–31. (in Chin.)
- Rogov V. I.** Triumf fil'ma. Sovetskoye iskusstvo [The triumph of the film]. *Soviet art*, December 12, 1950 (in Russ.)
- Ryabchenko N. P.** O Kitaye i rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh [About China and Russian-Chinese relations]. Vladivostok, Dalnauka, 2016, 258 p. (in Russ.)
- Smirnov D. A.** Grazhdanskaya voyna (1946–1949). In: Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka [Civil War (1946–1949). History of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. In 10 vols. Moscow, Oriental literature – Nauka Publishing house, 2013, vol. 7: Republic of China (1912–1949), 863 p. (in Russ.)
- Stalin I. V.** Works. In 18 vols. Tver, Information and Publishing Center “Soyuz”. 2006, vol. 18, 785 p. (in Russ.)
- Talanov A.** Osvobozhdennyi Kitay [Liberated China]. *Cinema Art*, 1951, no. 1, pp. 7–8. (in Russ.)

- Toroptsev S. A.** Oчерk istorii kitayskogo kino [Essay on the history of Chinese cinema]. Moscow, Oriental literature – Nauka Publishing house, 1979, 228 p. (in Russ.)
- Varlamov L.** Pobeda kitayskogo naroda. Na s"yemkakhistoricheskikhsobytyiy [Chinese people's victory. On the fieldwork of historical events]. *Iskusstvo kino* [*The art of cinema*], 1950, no. 6, pp. 37–38 (in Russ.)
- Xieergai Kapujieliefu [Sergei Kapterev], Sha Yang.** Beijig dianying zhipian chang yu sulian zhuanjia zai caise dainying de hezuo – yi 20shiji 40niandai mo zhi 50 niandai chu weili [谢尔盖·卡普捷列夫、沙扬。北京电影制片厂与苏联专家在彩色电影制片领域的合作——以20世纪40年代末至50年代初为例]. The cooperation between Beijing Film Studio and Soviet experts in the sphere of colour film production – taking the late 1940s-early 1950s as an example. *Dianying pingjia* [*Movie Review*], 2019, no. 4, pp. 1–3. (in Chin.) DOI 10.16583/j.cnki.52-1014/j.2019.z1.001

Информация об авторе

Алла Леонидовна Верченко, старший научный сотрудник

Information about the Author

Alla L. Verchenko, Senior Researcher

*Статья поступила в редакцию 26.10.2021;
одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 26.10.2021;
approved after review on 10.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 304.2; 316.722; 372.893; 94

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-81-91

Сравнительное изучение образа Петра Великого в учебной литературе КНР, Великобритании и США

Николай Анатольевич Самойлов¹
Екатерина Георгиевна Андреева²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ n.samoylov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1361-0847>

² e.g.andreeva@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1341-3539>

Аннотация

Предпринято сравнительное исследование учебников по всемирной истории, рекомендованных для средних учебных заведений КНР, Великобритании и США. Цель работы – определить и сопоставить, как в этих дидактических материалах представлен император Петр Великий, один из самых ярких исторических и культурных символов России. Выбор источников для анализа объясняется тем, что среднее образование является обязательным во всех трех странах и «школьная» информация по всемирной истории становится доступной самым широким массам, оказывая влияние на формирование образов и стереотипов. Во внимание принимаются несколько аспектов: объем информации, изложенной в книгах, предлагаемый фактический материал и то, как описана Россия эпохи Петра Великого. Сопоставление учебных материалов позволяет выявить сходство и различия в подходах и сделать вывод о том, что период правления Петра Великого включен, хотя довольно кратко, в учебные программы китайских и американских средних школ, в то время как в британских учебниках по истории о нем не упоминается. В китайских учебниках приводится больше сведений о Петре Великом и его реформах, что, в свою очередь, способствует формированию позитивного образа Петра I у китайских школьников.

Ключевые слова

имагология, социокультурная компаративистика, образ Петра I в Китае, образ Петра I на Западе, учебные материалы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация»

Для цитирования

Самойлов Н. А., Андреева Е. Г. Сравнительное изучение образа Петра Великого в учебной литературе КНР, Великобритании и США // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 81–91. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-81-91

A Comparative Study of the Image of Peter the Great as Presented in Educational Literature in the PRC, UK and USA

Nikolay A. Samoylov¹, Ekaterina G. Andreeva²

^{1,2} St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ n.samoylov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1361-0847>

² e.g.andreeva@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1341-3539>

Abstract

This article is the first comparative analysis of world history schoolbooks recommended for secondary educational establishments in the PRC, UK and USA. The aim is to determine and contrast the ways these didactic materials represent one of the most recognizable and impressive cultural symbols of Russia – Emperor Peter the Great. The choice of the sources for the analysis is explained by the fact that due to secondary education being compulsory in all three countries, the ‘school’ information about world history, including Russia, becomes available to wide masses of society, therefore influencing the image of Peter I formed by the population. Several aspects are taken into consideration – the amount of information offered in the books, the factual material itself, and the way the Russia of Peter the Great is described. Contrasting these makes it possible to reveal similarities and differences. The authors discover that the period of Peter the Great’s reign is included, if rather briefly, in the curricula of Chinese and American high schools, while no mentioning of it is found in history schoolbooks of the UK. Compilers of these books, both in China and the USA, seemingly strive to adhere to the principle of historical accuracy. As for some differences, the textbooks of the PRC acquaint readers with the historical material in a more uniformed way, offering a conceptually consistent ‘standard’ set of facts about Peter the Great, which, to some extent, corresponds to the current situation in the PRC, while the history schoolbooks of the USA are less standardized and motivate students to think critically.

Keywords

image studies, sociocultural comparative studies, the image of Peter I in China, the image of Peter I in the West, teaching materials

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR, research project 20-09-42018 (Peter the Great and East Asian Countries: Sociocultural Interpretation and Adaptation)

For citation

Samoylov N. A., Andreeva E. G. A Comparative Study of the Image of Peter the Great as Presented in Educational Literature in the PRC, UK and USA. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 81–91. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-81-91

Введение

В данной статье предпринимается попытка осуществления сравнительного анализа образа российского императора Петра Великого в учебниках для средней школы КНР (не включая Сянган, Аомэнь и Тайвань), Великобритании и США. В публикации приводится ряд наблюдений, полученных в ходе реализации большого научно-исследовательского проекта по изучению образа Петра I в странах Восточной Азии. С другими результатами, полученными в ходе реализации проекта, можно ознакомиться в недавно опубликованных статьях Н. А. Самойлова, Е. В. Ланьковой и Д. И. Маяцкого [Самойлов, 2021а, 2021б, 2021в; Ланькова, 2020, 2021; Маяцкий, 2020]. В трех из них приведены обзоры оценок внешнеполитической и реформаторской деятельности Петра I, содержащихся в научных трудах китайских историков [Ланькова, 2020, 2021; Маяцкий, 2020], поэтому научно-исследовательские работы здесь рассматриваться не будут.

В статье ставится задача выявить особенности формирования образа Петра I у учащихся школ КНР, США и Великобритании на основании школьных материалов по всемирной истории. Учебные материалы из США привлечены по двум причинам. Во-первых, это современная страна с развитой системой образования, максимально территориально удаленная от ев-

ропейской России и даже еще не возникшая в первой четверти XVIII века. В силу этого историческая память США не влияет на оценку деятельности Петра I, в отличие, например, от Швеции и Польши (активных участниц Великой Северной войны, вышедших из нее значительно ослабленными), да и других европейских держав, где еще живы ложные воспоминания о фальшивом «Завещании Петра Великого». Во-вторых, авторы исходили из рабочей гипотезы о формировании в XXI веке, в рамках попыток создания «Chimeric'и», учебников для средней школы КНР на базе и по образцу американских. Примеры подобного подхода являла в 1990-е гг. наша собственная страна. Цель исследования – найти закономерности в изображении Петра Великого и его деятельности в учебной литературе КНР, США и Великобритании, а также выявить сходство и различия в том, как русский царь и его правление представляются в Китае и в англо-американском мире.

Для проведения данного исследования были привлечены учебные материалы по всемирной истории и истории России, используемые в средних школах КНР, США и Великобритании. Выбор источников и целевой аудитории обусловлен пониманием того, что именно обязательное образование является одной из важных основ, способных непосредственно влиять на характер представлений граждан той или иной страны о других государствах и ассоциирующихся с ними исторических фигурах, культурных и политических символах, а Петр Великий относится к числу выдающихся деятелей российской истории, хорошо известных за пределами нашей страны.

Безусловно, ограниченный объем статьи не позволяет охватить все стороны данного вопроса. Заявленная тема достаточно емкая, и для глубокого ее изучения требуется привлечение несравненно более широкого круга учебных материалов, однако авторы все же предприняли попытку раскрыть ее, опираясь на те репрезентативные, на их взгляд, источники, которые доступны им в существующих условиях.

Петр Великий в китайской учебной литературе

Анализ учебников для средней школы и прочих материалов показал, что изучение отдельных тем по истории России входит в общую программу дисциплины «Всемирная история» (или других дисциплин, эквивалентных по содержанию), предназначенных для учащихся старших классов средних школ КНР, США и Великобритании.

Учащиеся 9-го класса китайских школ проходят историю России в небольшом объеме, при этом пройденные учащимися темы по российской истории включаются в экзаменационные задания. В качестве примера можно привести вопросы, которые были включены в задания, предлагавшиеся на всекитайском государственном экзамене по истории в 2019 г. (он каждое лето сдается выпускниками школ всех регионов Китая, кроме Сянган, Аомэнь и Тайваня) и сведенные в отдельный сборник¹. Задания в сборнике сгруппированы по блокам тем («Реформы в России», «Гражданская война в США», «Первая Мировая война» и т. д.), с указанием года обучения (класса), к программе которого они относятся, а также региона и населенного пункта, где на экзамене встречались предлагаемые вопросы. Само испытание организовано в форме теста: как правило, задается вопрос и предлагаются варианты ответа, из которых нужно выбрать верный – его составители сборника отмечают тут же в конце вопроса. Анализ показывает, что в сборнике имя Петра Великого («Бидэ дади» 彼得大帝 или «Бидэ иши» 彼得一世) фигурирует в двенадцати заданиях с пометкой «9-й класс».

Рассмотрим эти задания, предположив, что, если они встречаются на экзаменах, то значит, предназначены для проверки объема знаний, обязательных для усвоения учащимися 9-х

¹ 2019 нянь цюаньго чжункао лиши шицзюань хуйбянь [2019年全国中考历史试卷汇编]. Сборник материалов [китайского] национального экзамена по истории для старших классов средней школы. 2019. На портале chuanjiaoban.com. Режим доступа: <http://www.chuanjiaoban.com/article.php?id=13037> (дата обращения 04.01.2022).

классов. При этом нужно учитывать, что содержание вопросов с одним и тем же номером от региона к региону может меняться. Поэтому в отдельных наших примерах будут попадаться вопросы с одинаковыми номерами, но с иным текстом.

Вопрос 14 (Сычуань, Нэйцзян). «В конце XVII в., по сравнению с Западной Европой, где бурно развивался капитализм, экономика и культура России были отсталыми. Царь Петр I провел масштабные преобразования. Его реформы, принесшие в Россию большие изменения, заключались в следующем». Варианты ответа: «запустили процесс модернизации России» (верный ответ), «ликвидировали крепостничество», «позволили достичь европейского уровня развития», «перевели Россию на капиталистический путь развития»².

Вопрос 15 (Хунань, Чэньчжоу). Приводится русская лубочная картинка начала XVIII в., изображающая насильственное сбривание бород. Содержание задания: «Иллюстрация показывает методы популяризации в России цивилизованного образа жизни в рамках реформы, изменившей обычай и нравы высшей прослойки общества. Таковой была... (завершите)». Варианты: «реформа Петра I» (верный ответ), «реформа Александра II», «политика военного коммунизма», «новая экономическая политика»³.

Вопрос 15 (Сычуань, Наньчун). «Сходство между реформами Петра I и отменой крепостного права в 1861 г. состоит в том, что эти преобразования... (завершите)». Варианты: «проводились сверху» (верный ответ), «стимулировали развитие капиталистических отношений», «были нацелены на отмену крепостничества», «изменили общественный строй в России»⁴.

Вопрос 20 (Шаньдун, Вэйфан). «В XVII в. Россия была совершенно неизвестна Европе. Дошло до того, что однажды некий французский сановник направил письмо, адресованное царю, уже 12 лет как умершему. Такое положение вещей изменилось в результате... (завершите)». Варианты: «реформ Петра I» (верный ответ), «обнародования “Манифеста Коммунистической партии”», «реформы 1861 г.», «закончения Версальского договора»⁵.

Вопрос 26 (Гуйчжоу, Гуйян). «Он для России “открыл окно в Европу”, направил консервативную страну на путь реформ, но в то же время в значительной степени оборвал связь между своим народом и его историей. Им был... (завершите)». Варианты: «Александр I», «Иван IV», «Николай II», «Петр I» (верный ответ)⁶.

Вопрос 26 (Цзянсу, Наньтун). Приводится та же лубочная картинка начала XVIII в., изображающая сбривание бород. Содержание вопроса: «На картинке показан одетый в одежду европейского покроя Петр Великий. В кафтане с длинными рукавами – русский боярин. Сцена на лубке демонстрирует решительность Петра Великого в намерении... (завершите)». Варианты: «учиться у Запада» (верный ответ), «отменить крепостное право», «увеличивать производство, продвигать промышленность», «построить капитализм»⁷.

Вопрос 35 (Шаньдун, Циндао). «Умение опираться на ключевые слова и выражения – важный метод изучения истории. Назовите исторического деятеля, которого можно соотнести с такими ключевыми понятиями, как “Российское государство”, “инициатор процесса модернизации”». Варианты ответа: «Петр I» (правильный ответ), «Александр II», «Ленин», «Сталин»⁸.

Общим для этих и других пяти, очень близких по смыслу, вопросов является то, что в этих заданиях внимание учащихся заостряется исключительно на преобразованиях Петра I. Вопросы подразумевают наличие представлений о нем как о политически сильном государе, «учившемся у Запада», «инициировавшем процесс модернизации» в России, проводившем реформы лично, разделившем историю России на «до» и «после», поднявшем престиж стра-

² 2019 нянь цюаньго чжункао лиши шицзюань хуйбянь [2019年全国中考历史试卷汇编]. Сборник материалов [китайского] национального экзамена по истории для старших классов средней школы. 2019, с. 218.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 219.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ны и актуальность ее событий на международной арене, европеизировавшем российское общество. Среди личных качеств императора отмечаются его решительность, нетерпимость к старым порядкам, кардинальность используемых приемов и методов (активно используемый сюжет с отрезанием бород).

Приведенные учебные задания наглядно демонстрируют то, какие знания о Петре I и его преобразованиях получают китайские школьники после прохождения курса всемирной истории. Это подтверждают три широко распространенных в КНР учебных пособия по истории, изданных в провинциях Хунань [Лиши, 2011], Сычуань [Шицзе, 2018] и в Пекине [Шицзе, 2009]. Пекинское издание, считающееся единым для всей страны, разработано Научно-исследовательским институтом учебной литературы. Оно выходит с 2003 г. по настоящее время, выдержало множество переизданий. В составлении хунаньского пособия участвовал коллектив историков во главе с профессорами Пекинского педагогического университета Цао Давэем и Го Сяолином (曹大为、郭小凌). Сычуаньский учебник составлялся в Чунцинском научно-исследовательском институте педагогики под руководством Гун Цзичу (龚奇柱). Вся эта литература рекомендована Министерством образования КНР для использования в учебном процессе.

Период правления Петра I освещается в каждом из трех учебников как важнейший в истории России. Собственно говоря, именно с петровской эпохи и начинается изложение истории России в китайских школьных пособиях. Лишь в паре вводных предложений поясняется, что до Петра страна на протяжении столетий была «неизвестной и варварской», а единственным его предшественником, заслуживающим внимания, был Иван Грозный, пытавшийся проводить какие-то реформы, но не сумевший довести их до конца.

В пекинском учебнике русскому царю посвящен небольшой параграф «Петр Первый» [Шицзе, 2009, с. 121], помещенный рядом с параграфом о реформах императора Мэйдзи в Японии. Там присутствует мозаичный портрет Петра I, созданный М. В. Ломоносовым, кратко сообщается об отсталости России в XII–XVII вв., о проведении царем реформ, затронувших различные сферы жизни (в том числе европеизация общественных нравов) и превративших Россию в сильную европейскую державу. Говорится также о победе над шведами, отвоевании у них ряда земель и основании Санкт-Петербурга.

В хунаньском учебнике соответствующий параграф называется «Реформы Петра Великого» [Лиши, 2011, с. 89–90]. В нем сообщается, что Петр был выдающимся российским императором, правившим с 1682 по 1725 г. и осуществившим серию успешных реформ, нацеленных на ускоренное преодоление Россией отсталости. О реформах авторы книги пишут лаконично и обобщенно, уделяя внимание ослаблению позиций знати, усилению центральной власти, реорганизации и модернизации армии, строительству флота, поощрению торговли и мануфактурного производства, реформе образования, распространению западных наук и западного образа жизни. Отмечается, что царь Петр превратил Россию в сильную европейскую державу и заложил основы для ее дальнейшего развития и территориального расширения во всех направлениях. Также приводится упоминавшийся ранее лубок, показывающий сцену отрезания бород. К нему прилагается подпись: «Петр Великий отрезает россиянину бороду. Побуждая россиян отказываться от старых обычаев, вводит моду на европейское. Велит им снимать длинные кафтаны и переодеваться в короткую европейскую одежду. Не позволяет отращивать традиционные длинные бороды» [Там же, с. 90].

В сычуаньском учебнике имеется аналогичный параграф «Реформы Петра Великого» [Шицзе, 2018, с. 4–5, 7–8]. Там приводятся портрет императора кисти Поля Делароша (1838 г.) и современная фотография Медного всадника. Авторы также отмечают, что царь принял варварскую Россию, безнадежно отстававшую от Западной Европы в экономическом и культурном отношении. Причем в этом учебнике, в отличие от предыдущего, появляются новые конкретные факты поясняющего характера – например, авторы пишут, что в конце XVII в. страна располагала всего 30 мелкими производствами, а верхушка общества повально была безграмотной. Твердо вознамерившись преодолеть многовековую отсталость, царь инкогни-

то совершил длительную поездку в Европу, где изучил экономику, промышленное производство, политическое управление, военное дело и т. д. Применив полученные знания, Петр ослабил позиции родовитой знати и укрепил свою власть, провел серию преобразований (в экономике, военной сфере, науке, культуре и т. д.), модернизировал страну и превратил ее в сильную державу, одержал победу над внешним врагом, завоевал земли и основал Петербург, сделав его крупным центром страны. Отдельно говорится про европеизацию нравов общества, отрезание бород, распространение кофе и т. д. [Шицзе, 2018, с. 8].

Таким образом, составителей школьных материалов интересуют преимущественно одни и те же сюжеты. Отличаясь друг от друга деталями и объемом информации (наиболее информативный из них – это хунаньский учебник), книги создают единый образ мудрого правителя («грандиозный талант и великий стратег» 雄才大略 [Шицзе, 2018, с. 4, 8]), «царя, открытого для новых идей и проникнутого духом преобразований» (思想开放、富有改革精神的沙皇 [Там же, с. 8]), высоко ценящего образование, науки и культуру, человека сильного, уловившего ход истории и повернувшего Россию в правильном направлении. Неизменно упоминаются борьба с консервативными явлениями в обществе и военные успехи. Сходство в содержании наводит на мысль о существовании общего образовательного стандарта, обязывающего авторов придерживаться определенной канвы.

Петр Великий в учебной литературе Великобритании и США

Попытки «смоделировать» образ того Петра Великого, который возникает в воображении обычного американского или британского школьника, опираются на несколько изданий, которыми могут пользоваться ученики средних школ в этих странах. Выбор источников в некотором смысле случайный – во-первых, программа средних школ США и Великобритании далеко не так «стандартизирована», как российская, так что ожидать, что в этих странах будет единый предписанный министерством учебник для всех школ, по меньшей мере, наивно. Во-вторых, даже случайная выборка зачастую оказывается репрезентативной и отражает «усредненную» картину. Наконец, анализу подверглись те пособия, которые оказались доступны в интернете.

Показательным может быть знакомство с учебным планом престижной британской средней школы «Левеншулм Хай Скул» (Levenshulme High School), в котором среди дисциплин для учащихся 10-го класса значится всемирная история⁹. В перечень тем, подлежащих изучению в рамках данной дисциплины, входит раздел по истории России. Однако он охватывает лишь период Холодной войны. Современный и дореволюционный периоды истории России никак не рассматриваются и не упоминаются. В результате даже выпускники элитной британской школы остаются в неведении относительно российских событий времен царствования Петра I.

В другой не столь престижной, но считающейся неплохой британской средней школе в Карнфорте (Carnforth High School, графство Ланкашир) всемирная история изучается также в 10-м классе. Согласно учебному плану этой школы, истории России в ней уделяется несколько больше внимания – прослеживаются события XX в. от Первой Мировой войны и падения дома Романовых до конца советского государства. При этом Петр Великий также не удостоен даже беглого упоминания¹⁰. В том же графстве Ланкашир, но уже в бесплатной и весьма простой средней школе в Бёрнли (Burnley High School) историю России не проходят

⁹ Levenshulme High School: Curriculum Map. History. На портале levenshulmehigh.co.uk. Режим доступа: <https://levenshulmehigh.co.uk/wp-content/uploads/sites/5/2020/04/Levenshulme-High-School-Curriculum-Map-History-Complete-1.pdf> (дата обращения 04.01.2022)

¹⁰ Carnforth High School: History Department Curriculum Map. На портале [carnforthhigh.co.uk](https://www.carnforthhigh.co.uk). URL: <https://www.carnforthhigh.co.uk/filedownload/8CA129A7-C503-4383-D463F129E421F560.pdf/history-curriculum-map.pdf> (дата обращения 04.01.2022)

ни в каком объеме¹¹. Можно предположить, что и в других британских школах ситуация выглядит аналогичной – темы по истории России либо не включают в программы, либо рассматривается лишь советский период. Поэтому британец, оканчивающий среднюю школу в своей стране, может ничего не знать о Петре I.

Всего только несколько строк уделены Петру Великому в «Оксфордской иллюстрированной истории мира», авторами которой являются историки – «выдающиеся фигуры в своей области» («The historians ... are all distinguished authorities in their field» [Oxford, 2019, p. ii]) Джереми Блэк (Jeremy Black) из Эксетерского университета, Иэн Моррис (Ian Morris) из Стэнфордского университета и др. В них не встречается данных о реформах Петра I, лишь сообщаются скудные сведения о его завоеваниях в Европе, причем они представлены в книге как весьма ловко обставленные с точки зрения международного и нравственного права того времени. По мнению авторов книги, Петр I создал коалицию государств с целью легитимизировать в глазах европейского сообщества свои планы нападения на шведские земли и включить Россию в орбиту международных отношений («Peter the Great's campaign ... on Sweden was part of his quest for gaining acknowledgement of Russia within the European moral, legal, and political community» [Oxford, 2019, p. 329]).

Заслуживает упоминания и авторитетное пособие «Малая история мира» британского историка Эрнста Ханса Гомбриха (Ernst Hans Gombrich, 1909–2001) [Gombrich, 2005]. Петру I в этой книге уделяются полторы страницы с приложением карты похода шведских войск в Россию и Полтавской битвы [Ibid, 2005, p. 209–210, 212]. Петр описывается так: «He was no less barbarian or cruel than many of his predecessors. Nor was he any less fond of drinking or less violent. But he was determined to model his empire on western states...» («Он был не менее варварским или суровым правителем, чем многие из его предшественников. И в не меньшей степени имел склонность к выпивке и жестокостям. Однако он был полон решимости построить империю по образцу западных государств») [Ibid, p. 209]. Далее сообщается о его поездках в Европу, о том, как он учился корабельному делу, дабы создать сильный российский флот, что не гнушался тяжелой работы («... without a second thought, he took a job of a carpenter...») [Ibid, p. 209]), отвоевал у шведов Балтийское побережье и на болотах повелел заложить Петербург, спроектированный по подобию нидерландских портов. Для осушения болот и строительства города согнал тысячи крестьян. Пожелал европеизировать россиян и тогда запретил им носить традиционные кафтаны и отращивать бороды. При этом строго наказывал любого, кто противился нововведениям царя, «даже родного сына» («Anyone who protested or disagreed with Peter's innovations was flogged and then executed. Even his own son» [Ibid, p. 210]). Объявил себя «императором», сумел увеличить могущество своего государства, расширил его во всех направлениях: в европейском, турецком, персидском и азиатском [Ibid, p. 212].

По сравнению с британцами, американские школьники получают о Петре I некоторую информацию. В программу школьного предмета «Всемирная история» входят разделы, посвященные России. Например, в главе 24 «Возвышение монархий в Европе» из учебного пособия «Все, что необходимо знать об истории мира, в одной толстой тетради: Полное руководство для учащихся средней школы» приведены сведения о пяти крупнейших европейских державах и их правителях XVI–XVIII вв. – Испании, Франции, Великобритании, Австрии и России [Everything, 2016, pp. 277–286]. Из выдающихся российских монархов названы Петр Великий и Екатерина Великая [Ibid, p. 281]. Их имена приводятся в одном ряду с именами испанских королей Карла V (1519–1556) и Филиппа II (1556–1598), французских королей Людовика XIII (1610–1643) и Людовика XIV (1643–1715), британской королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) и Вильгельма III Оранского (1689–1702). О российских монархах сообщается лаконично: «Петр I правил с 1682 по 1725 г. и обожал Западную Европу. Он хотел, чтобы Россия переняла обычаи, принятые в Западной Европе, и уподобилась этой части

¹¹ Burnley High School: Curriculum Map. History. На портале burnleyhigh.com. URL: <https://www.burnleyhigh.com/wp-content/uploads/Curriculum-Map-History.pdf> (дата обращения 04.01.2022)

света. Он приказал русским мужчинам сбрить бороды, чтобы больше походить на западных европейцев. Если они этого не делали, их облагали налогом! Петр I построил сильный флот, расширил Россию и основал великий город С.-Петербург, за что получил прозвище “Петр Великий” («Peter I built a strong navy, enlarged Russia, and built the great city of St.Petersburg, which earned him a nickname Peter the Great»). Более чем через три десятилетия после его смерти Екатерина Великая правила с 1762 по 1796 г. Она увеличила территорию России, распространила образование и модернизировала сельское хозяйство» [Everything, 2016, p. 281]. К этой главе в конце прилагаются семь вопросов для проверки знаний, полученных из урока. Один из них сформулирован так: «За какие достижения российские монархи Петр и Екатерина удостоились эпитета “Великий/ая”?». В подсказке-ответе там же сообщается: «Петр обрел такое имя благодаря тому, что построил мощный флот, увеличил площадь России и основал С.-Петербург. Екатерина обрела славу Великой тем, что расширила Россию, поощряла образование и модернизировала сельское хозяйство» [Ibid, p. 286].

В предназначенном для учащихся старших классов американских школ разных штатов издании «Всемирная история: Модели взаимодействия» (в его подготовке участвовали преподаватели и учащиеся штатов Гавайи, Вашингтон, Висконсин, Иллинойс, Калифорния, Массачусетс, Техас и т. д.) Петр I изучается после Ивана Грозного в качестве центральной фигуры дореволюционной истории России [World, 2010]. В главе 21 «Абсолютные монархи в Европе» им посвящен параграф 4-й «Абсолютные правители России», в котором Ивану Грозному уделена страница, а Петру Великому – три страницы [Ibid, p. 608–611]. В начале параграфа сформулирована «Основная идея: Авторитет и власть. Петр Великий проводит множество преобразований, чтобы сделать Россию похожей на Западную Европу» [Ibid, p. 608]. Там же в качестве ключевых слов и выражений даны: «Иван Грозный», «бояре», «Петр Великий», «вестернизация». В качестве иллюстрации в книге помещен портрет Петра кисти современного ему неизвестного голландского художника. Царь показан в одежде работника Ост-Индской компании. Подпись под портретом гласит: «Peter the Great had the mind of a genius, the body of a giant, and the ferocious temper of a bear» («Петр Великий обладал умом гения, телом великана и свирепым нравом медведя») [Ibid, p. 609]. В тексте параграфа сообщается о раннем знакомстве Петра с иностранцами и его увлечении всем европейским, о Великом посольстве (в числе целей названы «изучение европейских нравов и технологий производства» [Ibid, p. 609]), проведении им курса на европеизацию страны ради ее усиления («Peter resolved that Russia would compete with Europe on both military and commercial terms» [Ibid, p. 610]), укреплении абсолютной власти и росте налогового бремени, подчинении Церкви государству, увеличении и модернизации армии, поощрении наук и реформе образования, продвижении культуры и образа жизни западных стран, о войне со Швецией и основании Петербурга. В качестве мер по европеизации России в одном ряду перечисляют знакомство россиян с картофелем, издание первой российской газеты, повышение статуса женщин в обществе, отказ от традиционного наряда и развитие образования («introduced potatoes; started Russia’s first newspaper; raised women’s status; ordered to give up traditional clothes; advanced education» [Ibid, p. 611]).

Стоит упомянуть девять контрольных вопросов в конце параграфа, восемь из которых связаны с деятельностью Петра I. Приведем некоторые из них: «Какое событие имело наибольшее влияние на современную Россию? Почему? (Петр Великий)», «Почему Петр Великий считал, что будущее России зависит от обладания незамерзающим портом?», «Как Петр пытался европеизировать Россию?», «Какая часть российского общества, вероятно, понесла ущерб от петровских реформ? Почему?», «Как попытки Петра европеизировать Россию могли повлиять на мнение его народа о христианах в Западной Европе?», «Напишите пояснительное эссе из одного абзаца, в котором объясните, какие действия Петра Великого показывают, что он считал себя наделенным высшей властью в России» [World, 2010, p. 611].

Заметно стремление авторов американских учебников воссоздать картину петровской эпохи, передать черты его характера, цели и содержание его реформ, отметить их значение

для истории России. Имея определенное содержательное сходство с китайской школьной литературой, американская все же отличается тем, что лишена шаблонности и тем, что ее авторы пытаются подтолкнуть учащихся к размышлениям о возможных негативных последствиях деятельности Петра I – например, обращают внимание на политику абсолютизации власти, подчинение Церкви государству, налоговое бремя, тяжелый труд крестьян, тиранию и жестокость (даже по отношению к родному сыну) и т. д. Эти явления могут быть вполне понятны представителям китайского общества и воспримутся ими как естественные для той поры, но чужды американскому обществу. Разница менталитетов обусловила различия в оценках преобразований петровского времени.

Заключение

Анализ содержания китайских, американских и британских школьных учебников по истории позволяет сделать вывод о серьезных отличиях в изложении материала о Петре Великом и его реформах, что вызвано факторами политического и идеологического характера, а также особенностями менталитета жителей рассмотренных стран.

В британских учебниках по всемирной истории Петр I и его эпоха почти не представлены. В разделах, посвященных российской истории, приводится информация лишь о советском периоде, где ключевое место отводится Холодной войне. Таким образом, британские школьники не могут почерпнуть из учебников каких-либо сведений о Петре I.

В школах США эпоха царствования Петра Великого включена в программы по всемирной истории. Однако, хотя в американских учебниках и говорится о прогрессивных преобразованиях Петра, акцент сделан на деспотическом характере методов управления страной.

В Китае, где в последние 40 лет проводятся крупномасштабные реформы, сопровождающиеся кардинальными переменами во всех сферах жизни, присутствует интерес к истории реформ в других странах, в том числе к эпохе Петра I и его личности. Отсюда проистекает достаточно объективный стиль изложения сведений о нем в учебных пособиях и сосредоточение на реальных достижениях царя и их значении для России. Существенное место отводится укреплению военной мощи России в годы Северной войны, борьбе за выход к Балтийскому морю, строительству Санкт-Петербурга. Неизменно упоминается противоборство Петра с консервативными тенденциями, тормозившими развитие страны. С целью лучшего запоминания школьниками этой темы им рассказывается о таком ярком эпизоде, как отрезание бород. При этом следует учесть, что сбривание бород в петровское время может ассоциироваться у китайского школьника с обрезанием кос в Китае в период Синьхайской революции – символом разрыва с прошлым и выходом на путь прогресса.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в китайских школьных пособиях при их внешнем сходстве с американской учебной литературой приводится все же больше сведений о Петре I и его реформах, а главное, иначе, чем в учебниках США и Великобритании, расставлены акценты, что способствует формированию достаточно позитивного образа Петра у китайских школьников. В последнее время на Центральном телевидении Китая (CCTV) и в сети Интернет появилась тема сравнения Петра I с императором Канси. Их обоих называют «великими и легендарными монархами», «рулевыми двух больших кораблей». Кроме того, подчеркивается, что Петр благодаря своей политике реформ и открытости внешнему миру («окно в Европу») способствовал подъему и расцвету России, что очень созвучно политике, проводившейся в Китае на рубеже XX и XXI вв.

Список литературы

Ланькова Е. В. Оценка реформаторской деятельности Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2020. Т. 42, № 8. С. 23–29. DOI 10.15393/uchz.art.2020.546

- Ланькова Е. В.** Рец. на кн.: У Хэ. Реформы Петра Великого // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 6. С. 122–125. DOI 10.15393/uchz.art.2021.665
- Маяцкий Д. И.** Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2020. Т. 42, № 6. С. 15–23. DOI 10.15393/uchz.art.2020.512
- Самойлов Н. А.** Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2021(а). Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI 10.15393/uchz.art.2021.658
- Самойлов Н. А.** Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021(б). № 5 (173). С. 33–42. DOI 10.51676/2070-9773_2021_05_33
- Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И.** Петр Великий в китайской публицистике XIX – начала XX в. // Проблемы литератур Дальнего Востока. Избр. материалы IX Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУ, 2021(в). С. 454–465.
- Everything You Need to Ace World History in One Big Fat Notebook: The Complete Middle School Study Guide. Ed. by Michael Lindblad. New York, Workman Publishing, 2016, 502 p.
- Gombrich E. H.** A Little History of the World. New Haven, London, Yale Uni. Press, 2005, 305 p.
- The Oxford Illustrated History of the World. Ed. by Felipe Fernandez-Armesto. Oxford, Oxford Uni. Press, 2019, 496 p.
- World History: Patterns of Interaction, Student Edition Survey. Secondary (senior high) school / Comp. by Roger V. Beck etc. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2010, 1320 p.
- Лиши: Путун гаочжун кэчэн бяочжунь шиянь цзяокэшу. Цао Давэй, Го Сяолин чжубянь [历史: 普通高中课程标准实验教科书. 曹大为、郭小凌主编]. История: Стандартный экспериментальный учебник по программе общеобразовательной средней школы / Под ред. Цао Давэя и Го Сяолина. Чанша: Юэлу шушэ, 2011. 141 с. (на кит. яз.)
- Шице лиши: Иу цзяоюй цзяокэшу. Цю няньци ся цэ // Гун Цзичжу чжубянь [世界历史: 义务教育教科书. 九年级下册. 龚奇柱主编]. Всемирная история: Учебник для обязательного образования. 9 класс, часть 2 / Под ред. Гун Цзичжу. Чэнду: Сычуань цзяоюй чубаньшэ, 2018. 140 с. (на кит. яз.)
- Шице лиши: Иу цзяоюй цзяокэшу. Цю няньци шан цэ // Кэчэн цзяоцай яньцзюсю лиши кэчэн цзяоцай яньцзю кайфа чжунсин бяньчжу [世界历史: 义务教育教科书. 九年级上册. 课程教材研究所历史课程教材研究开发中心编著]. Всемирная история: Учебник для обязательного образования. 9-й класс, часть 1 / Сост. Науч.-исслед. центром учеб. материалов по истории Науч.-исслед. ин-та учеб. лит. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2009. 159 с. (на кит. яз.)

References

- Everything You Need to Ace World History in One Big Fat Notebook: The Complete Middle School Study Guide. Ed. by Michael Lindblad, New York, Workman Publishing, 2016, 502 p.
- Gombrich E. H.** A Little History of the World, New Haven, London, Yale Uni. Press, 2005, 305 p.
- Lankova E. V.** Evaluation for Peter the Great's reform activities in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2020, vol. 42, no. 8, pp. 23–29. (in Russ.) DOI 10.15393/uchz.art.2020.546
- Lankova E. V.** Rets. na kn.: U He. Reformy Petra Velikogo [Review of the book: Wu He. Reforms of Peter the Great]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2021, vol. 43, no. 6, pp. 122–125. (in Russ.) DOI 10.15393/uchz.art.2021.665
- Lishi: Putong gaozhong kecheng biao zhun shi yan jiao keshu. Cao Dawei, Guo Xiaoling zhubian [历史: 普通高中课程标准实验教科书. 曹大为、郭小凌主编]. History: The Standard Experimental Textbook for the General High School Education. Ed. by Cao Dawei, Guo Xiaoling. Changsha, Yuelu shushe publishers, 2011, 141 p. (in Chin.)

- Maiatskii D. I.** Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2020, vol. 42, no. 6, pp. 15–23. (in Russ.) DOI 10.15393/uchz.art.2020.512
- Samoylov N. A.** Obraz Petra Pervogo v “Zapiskah” cinskogo poslannika Tulishenya [Image of Peter I in the “Records” written by the Qing Dynasty Diplomat Tulišen]. *Klio*, 2021, no. 5 (173), pp. 33–42. (in Russ.) DOI 10.51676/2070-9773_2021_05_33
- Samoylov N. A.** Peter the Great’s contribution to the socio-cultural interaction of Russia with East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2021, vol. 43, no. 6, pp. 65–76. (in Russ.) DOI 10.15393/uchz.art.2021.658
- Samoylov N. A., Mayatskii D. I.** Petr Velikij v kitajskoj publicistike XIX – nachala XX v. [Peter the Great in Chinese Journals of the 19th and early 20th Century]. In: Problemy literatur Dal’nego Vostoka. Izbrannye materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Issues of the Far Eastern Literatures. Selected Materials of the IX International Scientific Conference]. St. Petersburg, SPbSU, 2021, pp. 454–465. (in Russ.)
- Shijie lishi: Yiwu jiaoyu jiaokeshu. Jiu nianji shang ce. Kecheng jiaocai yanjiusuo lishi kecheng jiaocai yanjiu kaifa zhongxin bianzhu [世界历史：义务教育教科书。九年级上册。课程教材研究所历史课程教材研究开发中心编著]. World History: A Textbook for Compulsory Education. Grade 9, part 1. Compiled by the Research Center for Educational Materials on the History of the Research Institute for Educational Literature. Beijing, Renmin jiaoyu chubanshe, 2009, 159 p. (in Chin.)
- Shijie lishi: Yiwu jiaoyu jiaokeshu. Jiu nianji xia ce. Gong Jizhu zhubian [世界历史：义务教育教科书。九年级下册。龚奇柱主编]. World History: A Textbook for Compulsory Education. Grade 9, part 2. Ed. by Gong Jizhu. Chengdu, Sichuan jiaoyu publishers, 2018, 140 p. (in Chin.)
- The Oxford Illustrated History of the World, ed. by Felipe Fernandez-Armesto. Oxford, Oxford Uni. Press, 2019, 496 p.
- World History: Patterns of Interaction, Student Edition Survey. Secondary (senior high) school. Comp. by Roger B. Beck etc. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2010, 1320 p.

Информация об авторах

Николай Анатольевич Самойлов, доктор исторических наук, профессор
Екатерина Георгиевна Андреева, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Nikolay A. Samoylov, Doctor of Sciences (History), Professor
Ekaterina G. Andreeva, Candidate of Science (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 07.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 07.01.2022;
approved after review on 19.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 82-311.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-92-103

Китайский писатель Чжан Сюэдун и художественное своеобразие его творчества

Оксана Петровна Родионова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

o.rodionova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9984-0795>

Аннотация

Анализируется творчество современного писателя Чжан Сюэдуна (род. 1972), яркого представителя литературы северо-западного Китая. За двадцать лет творчества писатель успел издать более сотни рассказов, несколько десятков повестей и шесть романов. Чжан Сюэдун постоянно стремится к поиску новых тем, форм, жанров и языковых средств, при этом тяготеет к описанию истории с критическим и глубоким переосмыслением событий прошлого. Героями его книг как правило являются страдающие женщины, озлобленные подростки, одинокие люди среднего возраста. Их несчастья происходят не только от материальной бедности, но и от душевного одиночества. Данная тема обостряется конфликтом между городом и деревней. На страницах его произведений соседствуют контрастные сцены жестокости и милосердия, при этом даже самые страшные сцены зачастую пропитаны лиризмом.

Ключевые слова

Чжан Сюэдун, современная китайская литература, литература Нинся, северо-западная литература, «Три новых дерева»

Для цитирования

Родионова О. П. Китайский писатель Чжан Сюэдун и художественное своеобразие его творчества // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 92–103. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-92-103

Chinese Writer Zhang Xuedong and His Fictional Features

Oxana P. Rodionova

Saint Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

o.rodionova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9984-0795>

Abstract

This article analyzes the fiction of the contemporary Chinese writer Zhang Xuedong (b. 1972). As a prominent representative of Ningxia literature, which is also attributed to the literature of North-Western China, he is ready to present his literature on the world stage. In the last twenty years, the writer published more than one hundred short stories, several dozen stories and six novels. In his texts, Zhang Xuedong constantly strives to search for new themes, forms, genres and linguistic means and is inclined towards the description of history with a critical and deep rethinking of the events of the past. The heroes of his stories are usually suffering women, embittered adolescents, lonely middle-aged people. Their misfortunes come not only from material poverty, but also from mental loneliness. This topic is exacerbated by the conflict between the town and the countryside. Due to the motive of the contradiction inherent in the

© Родионова О. П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 92–103

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 92–103

writer's creative manner, contrasting scenes of cruelty and mercy coexist on the pages of his works, while even the most terrible scenes are often saturated with lyricism.

Keywords

Zhang Xuedong, Contemporary Chinese Literature, Ningxia Literature, North-Western Literature, Three New Trees

For citation

Rodionova O. P. Chinese Writer Zhang Xuedong and His Fictional Features. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 92–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-92-103

Введение

На облик литературы влияет множество разных факторов. Как нельзя точно об этом написал А. С. Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин, 1974, с. 238]. Данное высказывание актуально не только для разных народов, но и для представителей разных регионов одной страны при условии, что эта страна велика по своим размерам. Китай имеет крупнейшее и многонациональное население, а по площади занимает четвертое место в мире, поэтому совершенно естественно, что в его литературе присутствуют региональное своеобразие и разнообразие. В наши дни литература разных регионов Китая стала важным объектом исследований, ряд ученых склоняются к изучению писателей именно по региональному принципу. По этому же принципу на русском языке в 2000-е гг. было выпущено сразу несколько сборников переводов китайской современной прозы (литература Шанхая, Гуйчжоу, Аньхой, Гуандуна, Гуанси и Шэньси). Формированию региональной литературной традиции немало способствует и устройство системы литературных центров в современном Китае, которые повторяют административное устройство страны. С одной стороны, такого рода регионализм оправдан и представляет определенное удобство, а с другой, подобное разделение создает некоторые ограничения для писателей, которые в каком-то смысле вынуждены «представлять» свой регион. Между тем, хотя писатель не обязан насыщать свои произведения культурно-историческим или географическим колоритом тех мест, в которых он родился и вырос, в его текстах вольно или невольно все равно будут присутствовать регионализмы, будь то особые традиции, уникальные представители растительного или животного мира, реалии быта, местные специалитеты и т. д.

История развития и особенности «литературы Нинся»

Руководствуясь вышесказанным, нам хотелось бы рассмотреть творчество Чжан Сюэдуна (张学东, род. 1972), который, являясь ярким автором «литературы Нинся», достоин представлять на мировой арене литературу современного Китая в целом. Под Нинся подразумевается Нинся-Хуэйский автономный район, расположенный на севере центральной части Китая. Однако в силу неравномерного заселения в Китае восточных и западных земель, все территории, включая Нинся и западнее ее, китайцы называют западным Китаем. Соответственно в китайском литературоведении сформировался термин «западная литература» (西部文学 *сибу вэньсюэ* – не путать с европейской литературой) или «северо-западная литература» (西北文学 *сибэй вэньсюэ*) (см. подробнее [Ли Шэнбинь, 2018, с. 36]). Как пишет о литературном ландшафте Китая синолог из Гарвардского университета Дэвид Ван, «в восьмидесятые годы XX века подул северо-западный ветер, и в новый период Северо-Запад превратился в объект повышенного интереса»¹.

¹ Ван Дэвэй. Сяньдай лиши – сибэй вэньсюэ [王德威. 现代历史 – 西北文学] Современная история – Северо-западная литература // Да сибэй вэньсюэ юй вэньхуа. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/Xcs65Jn1Dn_TgYvc-CSu-w (на кит. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

История развития современной литературы в этом регионе напрямую связана с именем видного писателя и общественного деятеля Чжан Сяньляна (张贤亮, 1936–2014). Чжан Сяньлян родился в Нанкине, однако в 1957 г. был репрессирован как «буржуазный правый элемент» и последующие двадцать с лишним лет провёл в трудовых лагерях и тюрьмах Нинся. После реабилитации в 1979 г. Чжан Сяньлян остался в этих краях и посвятил себя литературному творчеству, в котором стремился переосмыслить горький опыт, выпавший на долю его поколения. Сочинения этого писателя переведены на 18 иностранных языков, это один из самых переводимых китайских писателей в России. С середины 1980-х гг. Чжан Сяньлян находился на руководящих постах Нинся-Хуэйских отделений Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) и Союза китайских писателей (СКП).

Если в 1980-е гг. в литературе Нинся ярко выделялась лишь фигура Чжан Сяньляна, то в 1990-е гг. там образовались так называемые «Три дерева» (三棵树 *сань кэ шу*), под которыми подразумевались Чэнь Цзимин (陈继明, род. 1963), Ши Шуцин (石舒清, род. 1969) и Цзинь Оу (金瓯, род. 1970). А еще позже, в начале 2000-х гг., китайская критика стала выделять в этом регионе еще одну группу писателей под названием «Три новых дерева» (新三棵树 *синь сань кэ шу*), в состав которой входили Чжан Сюэдун (张学东, род. 1972), Мо Юэ (漠月, род. 1962) и Ци Дунлян (季栋梁, род. 1963) (см. подробнее [Сунь Цзивэнь, 2014, с. 168]). Как отмечают Сунь Цзивэнь и Сюй Фэн, для произведений этих писателей характерны человечность и душевность, общими чертами их творчества является акцент на повседневной реальности, а также пронизывающий их сочинения лиризм, дух сочувствия и сострадания (см. подробнее [Сунь Цзивэнь, 2014, с. 169]). В то же время Пэн Сюэмин отмечает, что «у литературы Нинся пока что нет своего лица, нет выраженного национального признака, в ней не отражен национальный либо местный колорит» (см. подробнее [Пэн Сюэмин, 2011, с. 45]). Между тем, Дэвид Ван полагает, что северо-западная литература, как и северо-западная история в основе своей имеет религиозность, подразумевая под этим приверженность исламу. В качестве примера он приводит творчество таких писателей-хуэйцев как Ши Шуцин и Чжан Чэнчжи (张承志, род. 1948)². В свою очередь профессор Северо-западного педуниверситета Ли Шэнбинь говорит о свойственной северо-западной литературе лиричности «пост-деревенской эпохи» и отмечает, что «высокий, меланхоличный, унылый и поэтический дух западной литературы является последней лебединой песней так называемой деревенской прозы» [Ли Шэнбинь, 2018, с. 36]. Любопытные соображения на эту тему можно найти в разговоре трех китайских литературоведов, рассуждающих о творчестве Чжан Сюэдуна. Один из них, Лу Тайгуан, отмечает следующее: «Уникальность литературы Нинся заключается в ее простоте, которая, в свою очередь, может происходить из простоты культуры Нинся. По сравнению с другими частями страны, особенно по сравнению с прибрежными провинциями и другими развитыми регионами Китая, экономические условия этого края отличаются отсталостью, соответственно и уровень жизни его жителей прост. Однако бедность материальных ценностей никоим образом не является синонимом духовной бедности. Скорее, наоборот, из-за простого образа жизни, в сочинениях большинства писателей Нинся присутствует безыскусственный дух, который не только волнует, но и внушает благоговение. Сказать по правде, сегодня... этот бесхитростный литературный стиль стал еще более редким и ценным» [Лу Тайгуан, 2014, с. 98]. Сам Чжан Сюэдун признает, что огромная разница в географии между севером и югом в определенной степени привела к разному облику литературных произведений этих мест. В то же время, отвечая на вопросы литературного сайта «Цзоцзя цзайсянь», Чжан Сюэдун признается, что деление писателей по территориальному

² Ван Дэвэй. Сяндай лиши – сибэй вэньсюэ [王德威. 现代历史 – 西北文学] Современная история – северо-западная литература.

признаку накладывает на них своеобразное клеймо, заведомо лишая уникальности³. Разумеется, нельзя не признать, что родина для писателя гораздо важнее, чем для обычного человека, у многих писателей есть целые серии о родных краях, например, цикл прозы о Сянси у Шэнь Цунвэня (沈从文, 1902–1988), шанчжоуский цикл у Цзя Пинва (贾平凹, род. 1952), произведения о Северо-восточных волостях уезда Гаоми у Мо Яня (莫言, род. 1955). Однако Чжан Сюэдун касается самого широкого диапазона тем и проблем, не ограничиваясь родным для него Северо-западом, хотя нельзя отрицать, что все его творчество пронизано духом «великого Северо-Запада» с присущим последнему налетом грусти (см. подробнее [Лу Тайгуан, 2014, с. 101]).

Путь Чжан Сюэдуна в литературу

На русском языке Чжан Сюэдун издавался уже трижды. В 2011 г. издательство «КАРО» выпустило сборник «Сорок третья страница», в который вошел рассказ Чжан Сюэдуна «Детство ягненка» (跪乳时期的羊 *Гуйжу шицидэ ян*, 2002). Дважды произведения писателя выходили отдельными книгами в издательстве «Гиперион»: в 2020 г. появился сборник его повестей, в который вошли повести «Поцелуй змеи» (蛇吻 *Шэ вэй*, 2017), «Закон Архимеда» (阿基米德定律 *Ацзимидэ динлюй*, 2018) и «Наперекор» (一意孤行 *И и гу син*, 2019); в 2021 г. вышел роман «Былые дни детей и псов» (家犬往事 *Цзяцюань ванши*, 2020).

Чжан Сюэдун не только ныне проживает в городе Иньчуань, административном центре Нинся-Хуэйского автономного района, но и является уроженцем этих мест (город Учжун). К писательству он пришел уже достаточно в зрелом возрасте. В 1993 г. Чжан Сюэдун окончил училище гражданской авиации в Гуанчжоу, после чего был распределен в бюро гражданской авиации Нинся и вплоть до 2002 г. работал в сфере авианавигации. Как признается Чжан Сюэдун, очень скоро ему там наскучило: «Я чувствовал себя совершенно не на своем месте... В одно мгновение минуло десять лет, за это время я успел обзавестись семьей и даже несколько раз сменить направление работы, но чем бы я не занимался (успел даже поработать в администрации), по существу, ничего не менялось. Постепенно я понял..., что мне претит корпоративная атмосфера. Тогда по совету супруги в свободное от работы время я начал много читать и пробовать себя в писательстве»⁴. Осенью 1999 г. в девятом номере литературного журнала «Север» (朔方 *Шофан*) появился дебютный рассказ Чжан Сюэдуна «Переселение муравьев» (蚂蚁搬家 *Маи баньцзя*), именно с тех пор и начался его путь в литературе. В начале 2001 г. он проходил повышение квалификации в академии Лу Синя в Пекине, где читали лекции известные писатели и критики. Кроме того, он прошел писательскую магистратуру в Шанхае. С 2000 по 2002 гг. Чжан Сюэдун публиковался в двух-трех десятках журналах, поэтому быстро привлек к себе внимание литературных кругов. В конце 2002 г. его официально перевели из гражданской авиации на редакторскую работу в отделение ВАРЛИ в Нинся. Как отмечает Чжан Сюэдун, это позволило ему «обрести жизненные координаты и осознать свою ценность»⁵. Интересно отметить, что в 2001 г. рекомендательное письмо, необходимое для вступления в Союз китайских писателей, ему лично подписал Чжан Сяньлян. Чжан Сюэдун особо отмечает, что именно Чжан Сяньлян сыграл неоценимую роль в продвижении сперва «трех деревьев», потом «трех новых деревьев» и наконец целой «литературной роши» Нинся (см. подробнее [Чжан Сюэдун, 2021]). Другим его покровителем стал редактор журнала «Народная литература» (人民文学 *Жэньминь вэньсюэ*) Цуй Даои.

³ Шу Цзиньюй. Чжан Сюэдун: суйгоу нэнли цзуй цяндадэ сибэй циньянь цзоцзя [舒晋瑜。张学东：虚构能力最强大的西北青年作家] Чжан Сюэдун – молодой писатель Северо-запада с самым мощным творческим потенциалом // Цзоцзя цзай сянь. Режим доступа: <http://www.haozuojia.com/wzzx/zjdt/251958.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Будучи одним из членов жюри литературной премии журнала «Китайский писатель» (中国作家 Чжунго цзоцзя), он высоко оценил опубликованный в нем рассказ Чжан Сюэдуна «Призовое фото» (获奖照片 Хоцзян чжаопянь, 2001) и помог автору получить первую награду. Чуть позже Цуй Даои предложил Чжан Сюэдуну издать книгу в «Серии литературных звезд XXI века». Чжан Сюэдун с благодарностью принял это предложение, и 1 января 2003 г. вышел его первый сборник «Детство ягненка», в состав которого вошло тринадцать рассказов и повестей. На одной из конференций Цуй Даои выступил с докладом, в котором назвал Чжан Сюэдуна «новой звездой» и дал всестороннюю оценку раннему творчеству начинающего писателя⁶.

Не получив профессиональные знания в области литературы в молодом возрасте, писатель наверстывает упущенное с удвоенной энергией и любопытством. На сегодняшний день круг его чтения представлен сотнями произведений китайских и зарубежных авторов. Любовь Чжан Сюэдуна к литературе, его начитанность и трудолюбие принесли богатые плоды. За двадцать с небольшим лет писатель успел издать более сотни рассказов, несколько десятков повестей и шесть романов. В его текстах часто встречаются отсылки как к зарубежной, так и к китайской классике, кроме того, писатель любит использовать эпиграфы с изречениями разных писателей и философов, что также свидетельствует о его начитанности. Он находится в постоянном поиске новых тем, форм, жанров и языковых средств, подбирает разный материал и сюжеты для своих произведений. За такую страсть к постоянным экспериментам некоторые из критиков прозвали Чжан Сюэдуна «писателем-лисом», намекая на его литературное «оборотничество» (см. подробнее [Чжан Фубао, 2020, с. 178]). Сам он отмечает, что всегда относился к написанию романа как к штурму твердыни: «Если не бросишь вызов, то не добьешься успеха. Мне не нравятся бесконечные повторы самого себя, когда в произведениях меняются лишь имена героев, а суть остается той же... Я уверен, что нужно всегда бросать вызов и смело идти вперед, только тогда есть вероятность, что произведение выйдет уникальным»⁷.

Особенности мировоззрения Чжан Сюэдуна и их отражение в творчестве

Детство и юность Чжан Сюэдуна пришлось на последние годы «культурной революции» и сложный восстановительный период после нее. Недаром поколение семидесятников в Китае часто называют потерянным. Как замечает Чжан Фубао, обычно к писателям-семидесятиникам отношение критическое, считается, что у этих людей не устоялся взгляд на мир и историю, однако Чжан Сюэдун в этом смысле отличается от других. В своем творчестве он тяготеет к описанию истории, для него характерно критическое и глубокое переосмысление событий прошлого (см. подробнее [Чжан Фубао, 2020, с. 178–179]). В интервью Цзян Гуанпину Чжан Сюэдун дает по этому поводу следующий комментарий: «В Европе писатели часто пишут и снимают фильмы о Второй мировой войне, стремясь к размышлениям, а мы готовы предать забвению события прошлого, не желая обнажать старые раны. Хотя я родился уже на исходе «культурной революции», она до сих пор тенью следует за мной. Будучи ребенком, я в полной мере осознавал весь ужас и страшную тайну, исходящую от отца и старших братьев, поэтому я буду хранить это в своей памяти и постоянно переосмысливать тот особый период нашей истории» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 128].

⁶ Шу Цзиньюй. Чжан Сюэдун: суйгоу нэнли цзуй цяндадэ сибэй циннянь цзоцзя [舒晋瑜. 张学东: 虚构能力最强大的西北青年作家] Чжан Сюэдун – молодой писатель Северо-запада с самым мощным творческим потенциалом // Цзоцзя цзай сянь. Режим доступа: <http://www.haozuojia.com/wzxx/zjdt/251958.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

⁷ Там же.

Переосмысление истории, пожалуй, является главной отличительной чертой Чжан Сюэдуна, которую подмечает и сам писатель, и китайская критика. Например, Чжан Фубао говорит о «причастности» писателя, о его «вовлечении» в эпоху (см. подробнее [Чжан Фубао, 2020, с. 180]). Под «вовлечением» критик подразумевает интеграцию сюжета в контекст исторических процессов, которая наблюдается у Чжан Сюэдуна, начиная с первого романа «Былые дни на Северо-западе» (西北往事 *Сибэй ваниши*, 2006). В 2021 г. в Китае предполагалось издать трилогию Чжан Сюэдуна, в которую вошли бы такие романы как «Былые дни на Северо-западе», «Калавинка» (妙音鸟 *Мяоиньяо*, 2008) и «Былые дни детей и псов». Данная трилогия охватывает жизнь простых людей на протяжении трех десятилетий с 1958 по 1988 гг. и вмещает в себя счастье и горести, приобретения и утраты, жизнь и смерть, добро и зло. Чжан Сюэдун называет эту трилогию самой важной частью своего творчества, именно она сформировала его как писателя⁸. Главной темой трилогии является человеческая судьба на фоне событий «Большого скачка» (1958–1959), «культурной революции» (1966–1976) и первого десятилетия после нее. Жизнь героев несет на себе неизгладимый отпечаток трагического прошлого, если даже речь идет о восьмидесятых годах XX в. Горький опыт предшествующего поколения по-прежнему беспокоит писателя, наводит на новые размышления, поэтому всякий раз подается им под новым углом. Например, в романе «Былые дни детей и псов» годы ударного строительства Нового Китая и последующий за ними голод показаны через призму детского восприятия, а иной раз даже глазами собаки. Обосновывая выбор такой подачи материала, писатель говорит о своей миссии доносить правду до подрастающего поколения. В послесловии к китайской версии романа Чжан Сюэдун прямо написал, что прежде всего адресует эту книгу своей дочери и ее сверстникам. Это поколение имеет весьма ограниченные знания о взлетах и падениях страны в первые годы после ее основания, «поэтому, – отмечает писатель, – мне бы хотелось, чтобы моя дочь и ее сверстники окунулись в тяжелые годы отсутствия еды и одежды, испытали на себе все тяготы настоящей бедности. Я задумал преподать этот публичный урок, чтобы дети усвоили его и не забыли, только так юные читатели глубоко осознают, какой путь прошла их страна, как непросто достигается счастье, только тогда они смогут оценить сегодняшнее благополучие»⁹. Писатель полон уверенности, что «по сравнению с официальной историей, современная проза может максимально приблизить читателя к исторической правде» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 125]. Чжан Сюэдун не скупится на описание жестоких сцен и, на первый взгляд, нисколько не щадит психику читателя. Однако особенность его творчества состоит в том, что с этими сценами всегда соседствуют пронизанные теплом лирические отступления. Последние уравнивают эмоциональные переживания читателя, направляя на путь философского осмысления жизни, и несут гуманистический посыл. Этому способствует и сострадательное сознание писателя: какие бы горести ни переживали герои его произведений, всегда чувствуется его искренняя забота и сочувствие как к людям, так и к животным. «Чжан Сюэдун пишет о страданиях не из-за того, что видит себя “спасителем мира”. Он всегда исходит из особенностей человеческой природы, не избегая пошлости и уродства, при этом никогда не демонизирует и не приукрашивает их» [Лу Тайгуан, 2014, с. 103]. Описывая впечатления от романа «Былые дни на Северо-западе», литературовед Лу Тайгуан отметил, что они схожи с ощущениями после прочтения китайских авангардных романов конца 1980-х – начала 1990-х гг. «Автор пытается объективно воспроизвести надежду и отчаяние, пронизывающие сердца героев и тщательно защитить их жалкое стремление к счастью» [Лу Тайгуан, 2014, с. 103]. Входящий в трилогию роман «Былые дни детей и псов» заканчивается удивительно трогательной сценой: у пары собак, чудом избежавших гибели, рождается целый выводок щенят, при том что незадолго до этого одна из героинь романа, девочка-подросток, умирает от голода. По-

⁸ Память двух поколений. Ценность произведений – в правдивости мыслей // Литературная газета. Режим доступа: <https://lgz.ru/article/27-6792-07-07-2021/pamyat-dvukh-pokoleniy/> (на рус. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

⁹ Там же.

следний абзац романа, когда девочка держит в ладонях только что появившегося на свет щенка, заканчивается следующими словами: «Еще недавно в ее замкнутом мирке безжалостно захлопнулась последняя дверь, но отныне в нем волшебным образом открылось окошко, и ее душу осветило солнышко, оросил благодатный дождь, обдул легкий ветерок, в ней готова была поселиться весна» [Чжан Сюэдун, 2020, с. 258]. Как отмечает Цзян Гуанпин, «тепло и мягкость в романах Чжан Сюэдуна – это та сила, которая превосходит своей мощью утраты» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 126]. Сам писатель это также признает: «Эпоха причинила вред всем нам, и мы причинили вред друг другу, но жизнь продолжается, поэтому мои герои стремятся к свету, который должен помочь им осветить свой путь. Для таяния льда требуется температура, поэтому я призываю исключительно к теплу, мягкости и свету» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 126].

Помимо темы человеческой судьбы, в творчестве Чжан Сюэдуна присутствует тема взросления. При этом сюжет и персонажи произведений Чжан Сюэдуна вызывают у читателей сопереживание. Подобную картину мы можем наблюдать в эпатажном романе Юй Хуа (р. 1960) «Братья» (兄弟 *Сюнди*, 2005–2006), в первой части которого описывается взросление двух сводных братьев. Пройдя вместе через ужасы «культурной революции», они приобретают одинаковый жизненный опыт. Однако как же по-разному преобразуется этот опыт, вступая во взаимодействие с разными характерами и внутренним миром героев. В итоге одного из них новая эпоха перемен окончательно уничтожает, а другого возносит, превращая в миллиардера. Но ни плотские утешения, ни толстый кошелек, ни власть не являются гарантией душевного спокойствия и счастья. Героям Чжан Сюэдуна так же не хватает общения по душам, в большинстве своем они одиноки. Тема одиночества в современных китайских романах не редкость. В частности, пристальное внимание ей уделяется в романе Лю Чжэньюна «Одно слово стоит тысячи» (一句顶一万句 *И цзюй дин и вань цзюй*, 2009). Герои Чжан Сюэдуна также страдают от нехватки душевной близости. Как отмечает Ли Шэнбинь, большое количество тупиковых состояний в романах Чжан Сюэдуна говорит о том, что это не просто демонстрация психологического отчуждения, вызванного городским одиночеством. Проза писателя содержит истории, в которых привычные традиционные представления не вписываются в городские реалии, что приводит к повседневным проблемам (см. подробнее [Ли Шэнбинь, 2018, с. 37]). Проявления этого конфликта многолики и встречаются повсеместно: будь то описание окружающей среды или внутреннего состояния героев. К примеру, даже в городских повестях Чжан Сюэдуна можно встретить зарисовки природы, при этом город в них часто противопоставлен деревне, причем не с лучшей стороны. Вот как, например, описываются ощущения горожан, выбравшихся отдохнуть на природу: «Едва выйдя из машины, все принялись жадно дышать ртом, ведь в современных городах такой чистый, приятный воздух уже давно стал редкостью. Целыми днями мы самоуверенно разъезжаем на своих машинах, и, наверное, только наши бедные легкие знают, как сильно мы обманываем себя и других» [Чжан Сюэдун, 2017, с. 135]. В связи с этим справедливо выглядит комментарий профессора Чжоу Маньмань: «Подобно Шэнь Цунвэню, Чжан Сюэдун возвышает деревню и умаляет достоинства городской жизни» [Чжоу Маньмань, 2020, с. 13]. В повести «Закон Архимеда» писатель привлекает наше внимание к проблеме деревенских девушек, которые, приезжая в город на заработки, нередко попадают на крючок сутенеров. Вынужденную торговать собой героиню гнетет городская жизнь, но и путь назад в деревню для нее отрезан. Тупиковое положение порождает личную трагедию: «Просыпаясь среди ночи, Ма На обнаруживала на своей подушке большое мокрое пятно, а через единственное зарешеченное окно в ее мрачной и пустой съемной квартире на нее спокойно взирала городская луна. В последнее время ей часто снился родной дом» [Чжан Сюэдун, 2018, с. 70]. Писатель также обращает наше внимание на бум переселения молодежи в город. Один из персонажей повести, отвечая на вопрос, заезжал ли он в деревню к родителям, говорит: «Чего я там забыл? Если бы старики не скучали по внукам да не праздники, я бы к ним и не приезжал, век бы не совался в это гнилое место» [Чжан Сюэдун, 2018, с. 66]. Здесь стоит согласиться с Чжоу Маньмань,

которая, анализируя повесть «Закон Архимеда», выводит тезис о том, что город Чжан Сюэдуна «подавляет и контролирует желания молодых людей, поэтому они ощущают себя в нем некомфортно» [Чжоу Маньмань, 2020, с. 13]. Зажиточный город в прозе Чжан Сюэдуна действительно контрастирует с бедными деревнями западного Китая. Как отмечает Чжоу Маньмань, «зарабатывание денег ведет к духовной деградации и потере морали» [Чжоу Маньмань, 2020, с. 13].

В этой связи стоит вспомнить последний роман Чжан Сяньляна «Сто шестьдесят миллионов» (一亿六 И и лю, 2009), в котором дальновидный писатель призывал читателей задуматься о своем духовном выживании. Основная его идея заключается в «очищении сознания» современников, которые потеряли себя в гонке за деньгами (см. подробнее [Родионова, 2020, с. 491–493]). Ли Шэнбинь назвал этот роман «вороньей бомбардировкой», наносящей жесткий удар по урбанизации и рыночной жизни Китая [Ли Шэнбинь, 2018, с. 37]. Настроения подобного рода мы наблюдаем и в прозе Чжан Сюэдуна, затрагивающего проблему человеческого достоинства и духовного выживания соотечественников.

У Чжан Сюэдуна обозначенная проблема особенно остро проявляется в сюжетах, героями которых являются подростки. Например, в повести «Наперекор» один из героев, мужчина средних лет, выслушав откровения совершившего убийство подростка, недоумевает, «почему современные подростки перестали себя уважать, стали такими черствыми и бессердечными. Откуда в них столько лютой жестокости, превращающей их в скотов? У них еще молоко на губах не обсохло, но при этом уже каждый заслужил попасть в ад. Для них человеческая жизнь стоит не больше, чем взятый напрокат велосипед, который можно запросто разнести в хлам» [Чжан Сюэдун, 2019, с. 157]. Однако, анализируя прозу Чжан Сюэдуна, можно с уверенностью сказать, что жестокость отнюдь не является качеством лишь современных подростков. В романе «Былые дни детей и псов», действие которого приходится на конец 1950-х – начало 1960-х гг., мы также можем наблюдать сцены подросткового насилия. Приведем для примера отрывок: «Подростки с ног до головы осматривали Ячжоу, на их лицах застыло странное выражение – так оскалившийся дикий зверь оценивает добычу... У готового расплакаться малыша тут же покраснели глаза, задрожали губы, затряслись колени. Но злобных подростков это только развеселило. Казалось, его страх подогревает их чувство собственного превосходства. Ведь именно так вели себя взрослые. Грязные руки оборванцев принялись беспорядочно толкать Ячжоу, перекидывая его от одного подростка к другому, так что мальчик стал напоминать попавшую в страшный ураган утлую лодочку...» [Чжан Сюэдун, 2020, с. 185]. Еще ужаснее выглядит расправа подростков над собакой, которую они задумали съесть. Вооружившись палками, они безжалостно забивают добычу, и при этом прыгают от радости: «Истекая слюной, они обсуждали способы подготовки собачатины: один сказал, что самое верное – потушить ее в котле, второй предложил просто поджечь факел и поджарить мясо на огне, третий помотал головой и предложил лично разрезать собаку на куски» [Чжан Сюэдун, 2020, с. 214]. Писатель прекрасно понимает, что на психику детей прямое воздействие накладывает среда, в которой они растут, и в первую очередь семейное окружение, но отношения детей и родителей в его произведениях, как правило, не складываются. Подобную картину можно наблюдать и в прозе Юй Хуа. В частности, в его романе «Зов сквозь моросящий дождь» (1991), который «представляет собой «мозаику воспоминаний» мальчика Сунь Гуанлиня о его детстве... На протяжении всей книги главный герой, от лица которого ведется повествование, терпит те или иные лишения – насилие и неуважение со стороны отца и старшего брата, роль домашнего слуги, которая была отведена ему в приемной семье, или непрекращающееся ощущение одиночества. Юй Хуа предпринял весьма удачную попытку передать то, как ощущает и воспринимает мир ребенок в процессе взросления» [Сидоренко, 2015, с. 136]. Что касается Чжан Сюэдуна, то и он в своем интервью Цзян Гуанпину признается, что пишет о равнодушии и безразличии друг к другу членов семей (см. подробнее [Цзян Гуанпин, 2014, с. 126]). В произведениях писателя родители полны раздражения, неприятия и даже ненависти к детям, а те вынуждены нести на себе этот груз,

который со временем наваливается на них тяжелыми воспоминаниями. Так, например, сорокалетний повар Ту из повести «Наперекор» до сих пор вспоминает события двадцатилетней давности и ярость своего отца, который, не желая понять чувств сына, прямо в новогоднюю ночь выгоняет его из дома. В романе «Былые дни детей и псов» жизнь одной из девочек обрывается из-за разлада с матерью: «В эти тяжелые дни, когда родным людям лучше бы как никогда хорошо заботиться друг о друге, Бай Сяолань оставалась в доме совсем одна. Те крохи риса, что мать тайком привезла со стройплощадки, они уже давно съели, в вывернутом наизнанку мешке не осталось ни рисинки. Едва за окном начинало смеркаться, мать, словно кошка, бесшумно уходила из дома в неизвестном направлении, а жалкая, добросердечная душонка Сяолань попадала в плен одиночества, голода и кошмаров» [Чжан Сюэдун, 2020, с. 234]. Изображая обиженных, писатель неизменно им сочувствует. Как отмечает Чжан Фубао, нельзя сказать, что в жизни самого Чжан Сюэдуна были какие-либо психологические травмы, тем не менее в каждом его произведении есть пострадавшие и те, кто эти страдания приносит. Отметим, что писатель обязательно предоставляет обиженным героям свободу высказаться и проявить себя. Тут же Чжан Фубао напоминает, что подобный прием наблюдается в классическом романе «Сон в красном тереме», это говорит о глубоких корнях творчества Чжан Сюэдуна (см. подробнее [Чжан Фубао, 2020, с. 183]).

Продолжая разговор о художественном своеобразии творчества этого писателя, следует обратить внимание на присущий ему мотив противоречия. Однако у Чжан Сюэдуна мотив противоречия проявляется не столько в поведении и мыслях героев, сколько в самой писательской манере. На страницах его произведений соседствуют контрастные сцены жестокости и милосердия, при этом даже самые страшные сцены могут быть пропитаны лиризмом. Вот как, например, выглядит пребывание ребенка на кладбище: «Мальчик четко различал особый запах глины: сырой, горько-соленый и одновременно теплый. Казалось даже, что это теплое дыхание доносится прямо из-под земли. Весенние лучи, словно кучка золотисто-желтых червей, плотным кольцом окружили холм, земля на нем понемногу просветлела и вместо бурой стала белой. Буквально через несколько минут новый холмик утратил мрачную угрюмость и, можно сказать, даже повеселел. От этого на душе у мальчика сразу стало намного спокойнее» [Чжан Сюэдун, 2020, с. 194]. Яркой иллюстрацией соседства жестоких и лирических сцен может являться весь рассказ «Детство ягненка», в котором писатель во всех деталях описывает холощение, умерщвление баранов, грубые сцены случки животных. Важно отметить, что все натуралистические описания, которые являются отличительной чертой всей китайской прозы, в произведениях Чжан Сюэдуна эстетически оправданы. Данные картины не выглядят пошло, в них присутствует эстетика, потому что они пронизаны авторским сочувствием. Примером этого могут служить описания старческого тела и возрастной беспомощности в рассказе «Провожая в последний путь» (送一个人上路 *Сун игэ жэнь шанлу*, 2005) или в повести «Закон Архимеда». Вот, например, как описывается лежащий на смертном одре старик, что собирается справиться нужду: «Какое-то время старик помолчал, но потом наконец уперся подбородком в подушку, поднатягся, изо всех сил втянул сморщенные губы и обнажил десны. Из уголка его рта на лежавшее на подушке полотенце поползли прозрачные слюны» [Чжан Сюэдун, 2018, с. 62].

Практически все критики обращают внимание на то, что Чжан Сюэдун силен в описании внешности и внутреннего мира героев. Причиной тому является скрупулезная работа писателя над средствами художественной выразительности. Его произведения изобилуют устойчивыми фразеологизмами, пословицами и поговорками в лучших традициях классических романов. Любовь к традиционной культуре нередко выливается и в соответствующие реминисценции, в которых упоминаются такие известные каждому китайцу персонажи, как царь обезьян Сунь Укун, героиня романа «Сон в красном тереме» Линь Дайюй, первопродок Паньгу, грозный дух якша и т. д. Кроме того, автор отмечает свою любовь к использованию глаголов, которые мощно заряжают предложение, придавая необходимый эффект напряжения. «Многие для описания привыкли использовать прилагательные, но они не несут той си-

лы, которую дают глаголы», – говорит писатель [Цзян Гуанпин, 2014, с. 123]. Большой любитель экспериментов, Чжан Сюэду относится к процессу творчества осознанно и помимо авторской шлифовки языка опирается на стиль конкретного произведения, как отмечает писатель, «платье кроится по фигуре» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 124]. Важное значение писатель придает развитию кульминационных моментов. По его словам, данное умение является «лакмусовой бумажкой писательского таланта». Сам писатель даже в коротких рассказах старается использовать сразу несколько кульминационных подъемов (см. подробнее [Цзян Гуанпин, 2014, с. 124]).

Заключение

Сегодня талант Чжан Сюэдуна признан не только в Китае, но и за рубежом. В 2008 г. в Иньчуане прошла совместно организованная отделением ВАРЛИ в Нинся и шанхайским СКП «Конференция, посвященная романам Чжан Сюэдуна»¹⁰. В 2010 г. в КНР появилась книга «Рассказы Чжан Сюэдуна. Рецензии известных критиков», в которую вошли двадцать рассказов писателя, опубликованных в ведущих китайских журналах с 1999 по 2009 годы, а также рецензии на них таких известных литературоведов как Чэнь Сыхэ, Хэ Шаоцзюнь, Ван Чжэн, У Ицинь и др.¹¹. В последние годы проза Чжан Сюэдуна все активнее переводится на европейские и восточные языки. Сам писатель также признает, что достиг писательской зрелости. В своем интервью он прямо сказал: «Я благодарен этим двадцати годам своей жизни, которые я не растрчивал попусту, уделяя каждую секунду своего свободного времени чтению и письму. Поэтому... могу признаться, что мне удалось стать сильным писателем, который обладает чувством реальности и исторической ответственностью»¹².

Рассуждая о предназначении литературы, писатель говорит о ее благотворном воздействии на человеческую природу. «Хорошие книги способны пробудить в читателе ответное чувство и запустить определенный механизм взаимодействия с внутренним «я», что подобно христианской исповеди» [Цзян Гуанпин, 2014, с. 125].

Список литературы

- Пушкин А. С.** О народности в литературе // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 6. С. 237–238.
- Родионова О. П.** Возвращение большого писателя: о новом романе Чжан Сяньляна «160 миллионов» // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы V Междунар. науч. конф.: В 3 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Т. 1. С. 485–497.
- Сидоренко А. Ю.** Эволюция повествовательной стратегии Юй Хуа – от рассказчика к наблюдателю // Вестн. СПбГУ. Сер. 13. 2015. Вып. 3. С. 134–144.
- Ли Шэнбинь.** Сылу вэньсюэ синь гуаньча: хоу сянтун шидай юй цзоцзядэ цинчжи – “Нинся вэньсюэ люши нянь (1958–2018)” вэньсюэши саньлунь [李生滨. 丝路文学新观察: 后乡土时代与作家的情志 ——“宁夏文学六十年 (1958–2018)”文学史散论] Новое наблюдение за литературой Шелкового пути: пост-деревенская эпоха и эмоции писателей – коротко о «Шестидесяти годах литературы Нинся (1958–2018)» // Нинся дасюэ сюэбао. 2018. № 5. С. 36–39. (на кит. яз.)

¹⁰ Чжан Сюэду чанпянь сяшо яньтаохуэй цзай Иньчуань цзюйсин [张学东长篇小说研讨会在银川举行] В Иньчуане прошла конференция по романам Чжан Сюэдуна // Чжунго цзоцзя ван. Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn/zx/2008/2008-11-23/1230.html> (на кит. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

¹¹ “Чжан Сюэду дуаньпянь сяшо. Минцзя дянпин бэнь” чубань [张学东短篇小说·名家点评本] 出版] Рассказы Чжан Сюэдуна. Рецензии известных критиков // Чжунго цзоцзя ван. Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn/news/2010/2010-04-26/84868.html> (на кит. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

¹² Память двух поколений. Ценность произведений – в правдивости мыслей // Литературная газета. Режим доступа: <https://lgz.ru/article/27-6792-07-07-2021/pamyat-dvukh-pokoleniy/> (на рус. яз.) (дата обращения 11.07.2021).

- Лу Тайгуан, Чжан Юанькэ, Ван Сюэ.** Пусудэ цзоцзя шэнхуадэ вэньсюэ [鲁太光、张元珂、王雪。朴素的作家升华的文学] Возвышенная литература бесхитростных писателей // Шофан. 2014. № 5. С. 98–105. (на кит. яз.)
- Пэн Сюэмин.** Цун сань кэ шу дао и пянъ линь – Нинся циннянь вэньсюэ сяошо цзяньшу [彭学明。从三棵树到一片林——宁夏青年文学小说简述] От трех деревьев до целой рощи. Краткое описание художественной прозы молодежи Нинся // Сяошо пинлунь. 2011. № 6. С. 42–45. (на кит. яз.)
- Сунь Цзивэнь, Сюй Фэн.** Тецзинь “Вэньбэньдэ чжаохуань” – “Нинся синь сань кэ шу” пинлунь чжи шэньши [孙纪文、许峰。贴近“文本的召唤”——“宁夏新三棵树”评论之审视] Приближаясь к «зову текстов» – обзор комментариев касательно «Трех новых деревьев Нинся» // Нинся шэхуэй кэсюэ. 2014. № 2. С. 168–173. (на кит. яз.)
- Цзян Гуанпин, Чжан Сюэдун.** Сян ишэн цзечжэньбань сецзо [姜广平、张学东。像医生接诊般写作] Писать словно врач принимает больного // Чуанцзо юй пинлунь. 2014. № 191. С. 122–128. (на кит. яз.)
- Чжан Сюэдун.** Ацзимидэ динлюй [张学东。阿基米德定律] Закон Архимеда // Дандай. 2018. № 5. С. 55–77. (на кит. яз.)
- Чжан Сюэдун.** И и гу син [张学东。一意孤行] Наперекор // Дандай. 2019. № 5. С. 131–158. (на кит. яз.)
- Чжан Сюэдун.** Шэ вэнь [张学东。蛇吻] Поцелуй змеи // Шиюэ. 2017. № 6. С. 134–153. (на кит. яз.)
- Чжан Сюэдун.** Цзяцюань ванши [张学东。家犬往事] Былые дни детей и псов. Тайюань: Бэйюэ вэньи чубаньшэ, 2020. 258 с. (на кит. яз.)
- Чжан Фубао.** Ю’ань иши, шисин чжи гуан юй цзыцзюэдэ сецзо – Чжан Сюэдун чанпянь сяошо лунь [张富宝。幽暗意识、诗性之光与自觉的写作——张学东长篇小说论] Творчество мрака, поэтического сияния и осознанности. О романах Чжан Сюэдуна // Чжунго дандай вэньсюэ яньцзю. 2020. № 3. С. 177–187. (на кит. яз.)
- Чжоу Маньмань.** “Ацзимидэ динлюй” чжун циннянь наньнюй “ичжэн”дэ цзиншэнь фэньси цзеду [周慢慢。《阿基米德定律》中青年男女“癔症”的精神分析解读] Психоаналитическая интерпретация «истерии» у молодых мужчин и женщин в «Законе Архимеда» // Вэньсюэ пинлунь. 2020. № 22. С. 10–13. (на кит. яз.)

References

- Jiang Guangping, Zhang Xuedong.** Xiang ysheng jiezhen ban xiezuo [姜广平、张学东。像医生接诊般写作]. Writing like a doctor taking a patient. *Chuangzuo yu pinglun*, 2014, no. 191, pp. 122–128. (in Chin.)
- Li Shengbin.** Silu wenxue xin guancha: hou xiangtu shidai yu zuojiade qingzhi – “Ningxia wenxue lushi nian (1958–2018)” wenxueshi sanlun [李生滨。丝路文学新观察：后乡土时代与作家的情志——“宁夏文学六十年（1958–2018）”文学史散论]. New Observation of Silk Road Literature: Post-Rural Era and the Emotions of Writers – Briefly About Sixty Years of Ningxia Literature (1958–2018). *Ningxia Daxue Xuebao*, 2018, no. 5, pp. 36–39. (in Chin.)
- Lu Taiguang, Zhang Yuanke, Wang Xue.** Pusude zuojia shenghuade wenxue [鲁太光、张元珂、王雪。朴素的作家升华的文学]. Sublime literature of ingenuous writers. *Shuofang*, 2014, no. 5, pp. 98–105. (in Chin.)
- Peng Xueming.** Cong san ke shu dao yi pian lin – Ningxia qingnian wenxue xiaoshuo jianshu [彭学明。从三棵树到一片林——宁夏青年文学小说简述]. From three trees to a whole grove. Brief Description of Fiction Prose of Ningxia Youth. *Xiaoshuo Pinglun*, 2011, no. 6, pp. 42–45. (in Chin.)

- Pushkin A. S.** O narodnosti v literature [About nationality in literature]. In: Pushkin A. S. Collected works. In 10 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1974, vol. 6, pp. 237–238. (in Russ.)
- Rodionova O. P.** Vozvrashcheniye bol'shogo pisatelya: o novom romane Chzhan Syan'lyana "160 millionov" [Revival of a Big Writer: New Novel "160 Million" by Zhang Xianliang]. In: Issues of Far Eastern Literatures. Materials of the V International Scientific Conference. In 3 vols. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2012, vol. 1, pp. 485–497. (in Russ.)
- Sidorenko A. Yu.** Evolyutsiya povestvovatel'noy strategii Yuy Khua – ot rasskazchika k nablyudatelyu [Yu Hua's creative evolution – from a storyteller to an observer]. *Vestnik SPbSU, Ser. 13*, 2015, iss. 3, pp. 134–144 (in Russ.)
- Sun Jiwen, Xu Feng.** Tiejin "Wenbende zhaohuan" – "Ningxia xin san ke shu" pinglun zhi shenshi [孙纪文、许峰。贴近“文本的召唤” – “宁夏新三棵树”评论之审视]. Approaching the “call of texts” – review of comments regarding "Three new trees of Ningxia". *Ningxia shehui kexue*, 2014, no. 2, pp. 168–173. (in Chin.)
- Zhang Fubao.** You'an yishi, shixing zhi guang yu zijuede xiezuo – Zhang Xuedong changpian xiaoshuo lun [张富宝。幽暗意识、诗性之光与自觉的写作——张学东长篇小说论] Creativity of darkness, poetic radiance. About the novels of Zhang Xuedong. *Zhongguo dandai wenxue yanjiu*, 2020, no. 3, pp. 177–187. (in Chin.)
- Zhang Xuedong.** Ajimide dinglü [张学东。阿基米德定律] Archimedes' Law. *Dangdai*, 2018, no. 5, pp. 55–77. (in Chin.)
- Zhang Xuedong.** Jiaquan wangshi [张学东。家犬往事] Bygone days of Children and Dogs. Taiyuan, Beiyue wenyi chubanshe, 2020, 258 p. (in Chin.)
- Zhang Xuedong.** She wen [张学东。蛇吻] Kiss of the Snake. *Shiyue*, 2017, no. 6, pp. 134–153. (in Chin.)
- Zhang Xuedong.** Yi yi gu xing [张学东。一意孤行] Contrary. *Dangdai*, 2019, no. 5, pp. 131–158. (in Chin.)
- Zhou Manman.** "Ajimide dinglü" zhong qingnian nannü "yizheng" de jingshen fenxi jiedu [周慢慢。《阿基米德定律》中青年男女“癡症”的精神分析解读] Psychoanalytic interpretation of “hysteria” among young men and women in “Law of Archimedes”. *Wenxue pinglun*, 2020, no. 22, pp. 10–13. (in Chin.)

Информация об авторе

Оксана Петровна Родионова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Oxana P. Rodionova, Candidate of Science (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 13.07.2021;
 одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
 The article was submitted on 13.07.2021;
 approved after review on 17.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022

Научная статья

УДК 82-1; 821.581; 811.581

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-104-113

Probing the Boundaries: Language Exploration in Contemporary Chinese Poetry

Yulia A. Dreyzis

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

yulia.dreyzis@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>

Abstract

The paper focuses on describing different language techniques exploited in contemporary Chinese poetry of both “intellectual” (*zhishifenzi*) and “popular” (*minjian*) camps. Six works are analyzed in-depth to show the textual mechanics behind contemporary poets’ paratexts and their linguistic exploration. Both the “intellectuals” and “popular” poets share a vision of poetic text as a “sublimation” of the ordinary, however in actual practice they rely on the notion of a deviant textual substance that constitutes the very core of the poetic. Their pursuit for metalinguistic reflection leads contemporary poets to a fusion type of text blending the linguistic phenomena of traditional Chinese verse and Western modernism’s linguistic experimentation. They borrow traditional techniques such as parallelism, elliptical constructions, and nontrivial semantic links created through language phonographics to create connections with classical images and the tradition of 20th century Chinese “new poetry” while simultaneously accommodating Western ideas about language.

Keywords

avant-garde poetry, Chinese language, experimental poetry, Han Bo, Hei Dachun, Ouyang Jianghe, parallelism, poetic function, Yang Xiaobin, Yi Sha, Yin Lichuan, Xuanyuan Shike, Zhang Zao

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00429 “Language mechanisms of accommodation of cultural systems in various types of discourse of the 20th and 21st centuries”) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

For citation

Dreyzis Yu. A. Probing the Boundaries: Language Exploration in Contemporary Chinese Poetry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 104–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-104-113

Поверяя границы: исследование возможностей языка в современной китайской поэзии

Юлия Александровна Дрейзис

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

yulia.dreyzis@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>

Аннотация

Изучение возможностей языка составляет одну из главных задач, которые ставит перед собой современная поэзия. Статья посвящена описанию различных языковых механизмов, используемых для решения этой задачи в новейшей китайской поэзии представителями как «интеллектуалистского» (*чжэшишэфэньцзы*), так и «на-

© Дрейзис Ю. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 104–113

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 104–113

родного» (*миньцзянь*) лагерей. Цель исследования – показать условность критического разделения на «интеллектуалов» и «народников», опирающихся на сходные установки при решении проблемы соотношения языка обыденного и поэтического. Для этого в статье проводится анализ шести произведений разных авторов (И Ша, Инь Личуань, Сюаньюань Шикэ, Хань Бо, Чжан Цзао, Ян Сяобинь), направленный на выявление конкретных лингвистических техник, которые задействуются при конструировании стихотворного текста. И «интеллектуаль», и «народники» разделяют общее восприятие поэтического языка как «сублимации» языка обыденного, но в своей творческой практике они полагаются на идею девиантной природы поэтического высказывания, напрямую связанной с поэтической функцией языка по Якобсону. Общее стремление к металингвистической рефлексии подводит современных поэтов к совмещению языковых особенностей традиционного китайского стиха и лингвистических экспериментов западного модернизма. Они заимствуют традиционные методы, такие как параллелизм, эллиптические конструкции и нетривиальные семантические связи, создаваемые с помощью фонографики, для создания соотнесённости с классическими образами и традициями китайской «новой поэзии» XX века, эксплуатируя при этом методы западноевропейского авангарда. Одновременно можно заметить полное напряжения, который существует между реальной языковой практикой современной китайской поэзии и тем идеализированным образом языковой реальности стиха, ориентированной на точное воспроизведение в нём разговорной речи (в реальности, безусловно, насыщенной девиациями разного рода, в том числе имеющими диалектную природу), который проецируется в теоретических и критических работах самих авторов.

Ключевые слова

авангардная поэзия, китайский язык, И Ша, Инь Личуань, Оуян Цзянхэ, параллелизм, поэтическая функция, Сюаньюань Шикэ, Хань Бо, Хэй Дачунь, Чжан Цзао, экспериментальная поэзия, Ян Сяобинь

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.» в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Дрейзис Ю. А. Поверяя границы: исследование возможностей языка в современной китайской поэзии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 104–113. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-104-113

Introduction

The exploration of the capacities of language has become one of the focal points in the great literary experiment of contemporary Chinese verse. This stems partly from the gradual increase in the degree of poetic “philologism” around the world in the 20th century: exemplary philological poetry aspires to compress and consolidate its aesthetic and informational structures through multidimensional relationships with other texts¹. A new type of poetic text was created largely by 20th century avant-gardists and requires a different reading of the verse itself: the reader is made to partake in the poet’s creativity. “New poetics” culminates in the concept of the “open work” as explored by Umberto Eco [1989], emphasizing suggestiveness as a deliberate move to “open” the work and allow the addressee to respond.

This paper contributes to earlier studies by focusing on the Chinese poetic reinterpretation of avant-garde operating modes. In contemporary Chinese poetry, the avant-garde becomes intertwined with the traditional, which itself originally nurtured the Western avant-garde [Xie, 1999, p. 4–6]. This study offers a unique perspective on Chinese verse by looking at how different ways of thinking about language are deployed in poetic texts and paratexts², and thus putting purely linguistic observations in a broader cultural context. It also provides a multi-layered analysis of the phenomenon of language-oriented poetry, drawing on different poets’ perspectives and discourses. Their texts are the foundation of an ongoing debate about whether contemporary Chinese verse is

¹ Natalya Fateeva [2001] has explored this process in contemporary Russian poetry, however the same traits can be observed in poetry from the USA, United Kingdom, Ireland, New Zealand, Australia, Canada, the Caribbean, India and Kurdistan – it is an “acceleration in literary historicity”, to borrow an expression from Ronald Silliman [Williams, 2011, p. 3]. This has been accompanied by a greater appreciation of the linguistic density of the poem as strata of competing timeframes and languages [Ibid., p. 139].

² In this article, paratext refers to the essay-manifestos, theoretical and critical works, notes, prefaces, and, most importantly, interviews that accompany works.

becoming more consciously language-oriented and less content-driven [McGann, 2007, p. xi]. Writing about the momentum of 20th century philosophy and the impact of French deconstruction, Jerome McGann states that philosophy's linguistic turn "made the scene of writing itself the source and end and test of the art of critical thinking" [Ibid.]. In the field of contemporary Chinese poetry, this becomes consciously and unconsciously mingled with modes of thinking about poetics as a certain philosophy of poetic language.

What remains somewhat overlooked by Chinese poets theorizing on poetry³ is the fact that in relation to ordinary forms of speech, poetic discourse possesses quite deviant properties, since it takes on quite unusual conditions of communication (no addressee, autocommunication, cleft or ectopic reference, etc.). While according to neopositivist approaches to language any utterance requires verification (otherwise it doesn't make sense), poetic utterances *do* make sense despite being mostly unverifiable. This fact allows us to ignore deviations that become part of a new "poetic" norm. In contemporary linguistic-poetics, irregularities and deformations are considered typical patterns of poetic discourse [Levin, 2015, p. 225]. Much of what is perceived as an anomaly in relation to the "normal" world, "natural language," and narration "rules," acts as the norm for the conceptual, linguistic, and narrative organization of poetic discourse. Here, Chinese authors present a striking paradox: while making extensive use of thematic selection (foregrounding) as a deliberate distortion of language components [Leech, 2013, p. 31–33], they seem to ignore the complex nature of the relationship between standard language and poetic language in their paratext. What is set aside are the deviant properties of the poetic that originate from its pursuit for metalinguistic reflection and its irrelevance as a source for verifiable textual constructions that could serve as exemplary models.

As Jakobson noted, this discrepancy stems from accentuating the primacy of the poetic function [Jakobson, 1960]. Whereas practical language is a means of ordinary, quotidian communication, poetic language becomes significant as an aesthetic phenomenon. Language is no longer a means of describing or transmitting facts, thoughts, and emotions, but rather becomes the object and purpose of the poem. We see it in the works of the so-called "popular" (民间 *minjian*) poets and their opponents – the "intellectuals" (知识分子 *zhishifenzi*). Both perceive poetic language as a sublimation of the language of everyday communication.

An extensive description of the popular-intellectual polemic can be found both in *Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem and Money* [Van Crevel, 2008, p. 399–459] and in Li Dian's [Li, 2008] article on poetic debate in contemporary China, so it seems unnecessary to provide it here. Therefore, this study will dwell only on the issues that are bound with poetic language perception sticking to Li Dian's usage of the term *minjian* as one that lacks an equivalent English term and thus, strictly speaking, cannot be substituted with the "popular".

The quest for a new philosophy of the poetic word in contemporary Chinese poetry is twofold. It must accommodate Western notions of language and simultaneously reinterpret the classical tradition (it is quite revealing that Yang Li 杨黎 (b. 1962) describes Martin Heidegger, Ferdinand de Saussure, Ludwig Wittgenstein, and Gongsun Long 公孙龙, a representative of the ancient Chinese "School of Names", as part of the same lineage⁴). The confluence of these two traditions happens both among authors gravitating towards *minjian* poetry and among "intellectuals". Yang Lian 杨炼 (b. 1955) writes about this as "a *creative connection* between contemporary and classical poetic aesthetics" [Yang, 2010, p. 286].

³ As can be observed in a series of 50 interviews with contemporary Chinese poets conducted by the author in 2015–2019. The interviews were translated into Russian and later published on the Russian-language blog VerseVagrant, aka *Shi jianghu* (www.versevagrant.com) and are fully accessible on the website.

⁴ Yang Li. Vse sushchee est' stikh. Interv'yū s Yan Li (Everything is Poetry. An Interview with Yang Li). *stikho(t)vor'e* blog (VerseVagrant), 2015. URL: <https://versevagrant.com/2015/09/15/всё-сущее-есть-стих-интервью-с-ян-ли> (accessed 22.11.2018) (in Russ.).

Exploring Language in “Intellectual” Poetic Practice

The “intellectuals” – including Zang Di 臧棣 (b. 1964), Xi Chuan 西川 (b. 1963), Ouyang Jianghe 欧阳江河 (b. 1956), Xiao Kaiyu 萧开愚 (b. 1960), Chen Dongdong 陈东东 (b. 1961), Sun Wenbo 孙文波 (b. 1959), and others – embark on a medley of linguistic experiments in an effort to expose the independent nature of language. They emphasize contradictions between common usage and nonce expressions by using language units that are transformed, deformed, and scrutinized through the prism of metalinguistic reflection. Much effort is put into restoring the potential of language by using words that have fallen out of usage or have had their meanings change. The originality of author’s text is achieved, among other things, through an increase in the status of a particular element vis-à-vis colloquial speech. Thus, the author juxtaposes poetic and practical language.

We will illustrate it with several examples, most of them dating back to the late 1990s and early 2000s and representing ideas about the function of poetic language at the most recent stage of their evolution. A vivid example is the poetry of Yang Xiaobin 杨小滨 (b. 1963), who experiments with the grammar of gender. Normally, gender is not expressed in standard Chinese, even though there is a model of prefix derivation that allows specifying gender in animate nouns. Yang creates a whole cycle of poems that is interspersed with numerous “feminine” derivatives marking inanimate objects. “She-bank monogatari” (女银行物语 *Niuyinhang wuyu*, 2011) exemplifies this approach:

Paper money flirting, wrinkling their waists, demanding:
do roll us into an afterglow.
Stories rearranging their hymens, while the stock market
reveals its soles, kicking out a pure white gleam.
Inside the pure white gleam there is a vast expanse of whiteness,
but will there be a heartthrob falling from the clouds?
A she-ingot answers with a smile: let’s
use a pocketful of ding dong as my pin number.
The pin locks up the womb, with savings
growing into the youngest cub. There’s no credit card
to turn on the she-ATM.
She curls her lip: let me finish my money laundering before bed.
Dozing off on some decimal point, she-economy
matures into a bride, her wedding night
hidden beneath a red paper envelope. She mourns:
pile me up into a stack of impenetrable paper⁵.

纸币嗲兮兮，皱起腰说
把我卷成晚霞吧。
故事被翻红浪，股市
露出脚底，踢出白花花。
白花花里有白茫茫，
云端会掉下万人迷吗？
女元宝笑答：那就用
口袋的叮当声给我当密码吧。
密码把子宫锁住，储蓄
长成老胎儿。没有一张卡
可以打开女提款机。
她撇嘴：让我洗完钱睡吧。
睡在小数点边上，女经济
出落成新娘，在红包底下
藏好初夜。她发愁：
把我叠成捅不破的纸吧。

[Yang, 2011, p. 80]

⁵ All English translations are made by the author unless otherwise specified.

The poem references a she-ingot (女元宝 *nü yuanbao*), she-ATM (女提款机 *nü tikuanji*), and even a she-economy (女经济 *nü jingji*). These new lexemes are designed to generate new meanings that were previously unavailable. An erotic air emanates not only from the poem's anatomic detail, but also from its suggestive connotations, like the use of 白花花 *baihuahua* ("gleaming white"), which is often used as an epithet for silver coins. The poem's 花花 *huahua* is closely linked to the myriad temptations of the human world. Double meanings are interspersed throughout the text, adding a new dimension to many of its structural patterns. The she-ATM is there to be "turned on" by its presumably male user before going into "sleep" mode; she begs to be refashioned and become impregnable to any "penetration". The paradoxical logic of these linguistic neoplasms is further intensified by placing them in a colloquial phrase.

The use of nonce words and impossible lexical combinations can also be observed in a substantial portion of Ouyang Jianghe's "intellectual" writing, including early works exemplified by "Glass Factory" (玻璃工厂 *Boli gongchang*, 1987). The idea of subverting text that codifies a word in language is an extremely important aspect of Ouyang's verse and of experimental poetry more broadly. In his early poem "Handgun" (手枪 *Shouqiang*, 1988), Ouyang splits contemporary Chinese words into their constituent parts, pointing out the resemblance of his experiment to the traditional mantic practice of 拆字法 *chai zifa* (fortunetelling by analyzing the components of a Chinese character). This kind of wordplay emphasizes the difficulty of translating the poem's title: the rather banal word "pistol" takes shape in the text of the poem, becoming the binomen "hand + gun"⁶. Wordplay touches upon all layers of language; it not only manipulates linguistic fossils and set phrases, but also experiments with poetic graphics, as in "Wild Hare" (野兔 *Ye tu*, 2009) by Han Bo 韩博 (b. 1973):

Some gather grasses, some gather up heavens.
Both grasses and heavens are lent by a bank,
the young and vigorous make light of years lost, those past one's prime cherish
bygone brilliance.
A wild hare takes the place of countless others,
gnawing, lowering, and raising his head with another kind of banality,
all accounts are a mess, stiff stalks stifling like a chaotic cloudlessness,
speechlessness uniting all things in one.

一个人拾草，一个人拾取天空。
草或天空贷自银行，
少壮轻年月，迟暮惜光辉。
一只野兔，替代无数只，
咀嚼俯仰有别的陈腐，
账目不清，硬梗梗若浑沦一物的无云⁷。

The three characters opening the final line's last syntagm share graphic elements designed to indicate the reading of the character. However, it is worth noting that due to phonetic changes, the first character is read quite differently from the next two symbols, thus creating an imitation of the traditional tautophone. The main features of a typical tautophone are its polyphony and uncertainty of meaning. For example, the tautophone 愁愁 *chou-chou* "sorrowful-sorrowful" can transmit a wide range of human feelings by denoting different phenomena in the natural world. Han Bo aims to recreate this effect using a different technique.

In his famous poem "In the Mirror", Zhang Zao 张枣 (1962–2010) also exploits creative wordplay with homograms built on the similarity of characters' readings and graphics (*Jing Zhong* 镜中,

⁶ *Admussen N.* Disassembling the Handgun. Review of *Doubled Shadows*, by Ouyang Jianghe. *Boston Review*, December 15, 2004. URL: <http://bostonreview.net/blog/nick-admussen-disassembling-handgun-chinese-poetry-ouyang> (accessed 22.12.2019) (in Eng.).

⁷ Han Bo 韩博. Han Bo de shi [韩博的诗] Poems by Han Bo. *Shi lin*, 2010. URL: <http://www.xzbu.com/5/view-1784126.htm>. (accessed 24.06.2021) (in Chin.).

1984). The graphic form of the character 梅 *mei* (“meihua plum”) stresses its correlation with 悔 *hui* (“regret”), thus creating a kind of trope that reminds one of the 兴 *xing* (“evocation” or “stimulus”) associated with the *Classic of Poetry*. Commentators have interpreted *xing* as borrowing an exterior object to lead the reader or listener to the event that will be described in the next line; it is a prelude, a proem, a general poetic introduction [Wang, 1992, p. 81]. Using iterative constructions that allude to the *Classic of Poetry*, 词 *ci* literary songs, and 曲 *qu* arias, Zhang Zao bestows upon his oeuvre an unquestionable musical quality despite rejecting any rhythmometrical organization (rhyme, isosyllabic structure, regular stanzas, etc.). A similar effect is present in the works of Hei Dachun 黑大春 (b. 1960). Even though his texts are difficult to understand orally (because of the homophony of language and the complexity of his poetic phrases), as Qin Xiaoyu notes, they have a melody similar to that of traditional *ci* balladry [Qin, 2012, p. 69]. For example, Hei Dachun’s poem “Beans” (豆 *Dou*, 1995) clearly falls into two quatrains, as is customary in the 小令 *xiaoling* format, a type of *ci*. The even lines end in rhyme, and all the rhymes are in level tones (平声 *pingsheng*), which is preferable in traditional 律诗 *lüshi*. Furthermore, the first phonetic word of each quatrain also rhymes with the line endings. All this reinforces the atmosphere of nostalgia that runs throughout the poem.

Exploring Language in “Popular” Poetic Practice

Strategies employed by *minjian* authors lie on the other side of the spectrum, though they also demonstrate manipulations of the “neutrality” of language. Yin Lichuan’s 尹丽川 (b. 1973) poem “Mom” (妈妈 *Mama*, 2000), for example, deploys several deliberately ungrammatical sentences intended to violate the standard word order:

when I was 13 I used to ask
 what are *you* living for. looking at you go to college
 I also went to college, mom
 what *else* are you living for. your eyes are still wide open
 we haven’t talked quite a while. a woman
 how can she be another woman
 ‘s mom. with the same body
 I ought to do the things you haven’t done, mom

...
 十三岁时我问
 活着为什么你。看你上大学
 我上了大学，妈妈
 你活着为什么又。你的双眼还睁着
 我们很久没说过话。一个女人
 怎么会是另一个女人
 的妈妈。带着相似的身体
 我该做你没做的事么，妈妈
 ...⁸

The right focus dislocation that marks the ungrammatical Chinese constructions is quite acceptable in southern topolects, in particular Cantonese, and even in standard Putonghua [Cheung, 2009, p. 197–232]. It is used to formalize an afterthought when the sentence has already been completed. The enjambment in the sixth line is also noteworthy: it makes the seventh line begin with an attributive particle (的 *de*), which normally cannot act as the first component of a statement. It forces the reader to return to the previous line and rethink it (“how can she be another woman’s” instead of “how can she be another woman”). It stretches the intonational pause between the sixth and seventh

⁸ Yin Lichuan 尹丽川. Yin Lichuan shi xuan [尹丽川诗选] Yin Lichuan’s Selected Poems. *Zhonghua shi ku* [中华诗库] Chinese Poetry Database, 2000. URL: <http://www.shigeku.com/shiku/xs/yinlichuan.htm> (accessed 24.06.2021) (in Chin.)

lines, emphasizing the segmentation of the sentence. The author is, in short, trying to create the illusion of directly transcribing the colloquial.

We can also observe this technique in the work of Yi Sha 伊莎 (b. 1966), who tries to “tongue-tie” his poetic subject by actively using parcellation and lexical repetitions, and by completely abandoning punctuation. This all seems to be aimed at distorting a “normal” text:

let me too compose a lyric poem
 in a sissy manner
 let me write about that fearless winter plum
 imagination is underdeveloped
 so I've got to master observing things
 swaddled in an overcoat exploring the outdoors
 I discover: plum blossoms have unfolded on a tree
 an improbably ugly old tree
 that can't come into a poem so
 a poet's plum
 blooms in a vacuum
 with a doubt most deep
 in absorbed concentration I move on
 I'm really just faking it too
 coming to this sublime moment of my verse
 like all other shameless poets
 I stretch out my hand
 plum o plum
 spits in my face with its syphilitic poison

我也操着娘娘腔
 写一首抒情诗啊
 就写那冬天不要命的梅花吧
 想象力不发达
 就得学会观察
 裹紧大衣到户外
 我发现：梅花开在树上
 丑陋不堪的老树
 没法入诗 那么
 诗人的梅
 全开在空中
 怀着深深的疑虑
 闷头向前走
 其实我也是装模作样
 此诗已写到该升华的关头
 象所有不要脸的诗人那样
 我伸出了一只手
 梅花 梅花
 啐我一脸梅毒⁹

An unexpected pun appears in the final line of “Meihua: An Unsuccessful Lyric Poem” (梅花：一首失败的诗 *Meihua: yi shou shibai de shuqing shi*, 1993), which plays on the fact that the Chinese word for syphilis translates literally as “plum poison”¹⁰. Apart from this pun, however, Yi Sha’s poem is markedly devoid of any ornamentation. It aims to create a transparency of meaning where linguistic clumsiness seems intentional. The same technique can be observed in Yu Jian’s 于坚 “Flashcards” (便条集 *Biantiao ji*, 1996–1999), a series of short poetic sketches describing the

⁹ Yi Sha 伊莎. Yi Sha shi xuan [伊莎诗选] Yi Sha’s Selected Poems. *Zhonghua shi ku* [中华诗库] Chinese Poetry Database, 2000. URL: <http://www.shigeku.org/xlib/lingshidao/xinshi/yisha.htm> (accessed 24.06.2021) (in Chin.)

¹⁰ It became known as “plum poison” because the ulcerations that appear on the skin in the disease’s first stage were thought to resemble plum blossoms.

quotidian. A more refined version of “colloquial” stylization can be found in the work of Xuanyuan Shike 轩辕轼轲 (b. 1971), who gravitates towards a new understanding of a synthesis of the *minjian* and the intellectual. His long, winding phrases are often structured with an eye to tradition, reinterpreted to fit contemporary poetic practice. Xuanyuan Shike borrows classical text structuring schemes and makes extensive use of parallel constructions that resemble the 对仗 *duizhang* parallelism of the *lüshi*. They serve to create a semantic whole out of images that might otherwise seem isolated, by exploiting the syntax, lexicality, graphics, and allusive potential of the language. Xuanyuan and other poets tend to use parallelism as a tool to mark the most important part of their poetic utterances, thus mirroring the traditional form in which the central part of a stanza is marked by two parallel lines. As contemporary verse assimilates European organizing principles, parallel parts shift to the most climactic moments of narration and can even appear in the closing lines of a poem. Xuanyuan’s “Bai Juyi” (白居易, 2010) makes noticeable use of parallel structures, intertwining them with puns and graphic resonance — an unexpected choice for a Lower Body School author:

let us sail West, without a chance of finding the nephew who wormed his way into
a dugout¹¹
let us descend to hell, without a chance of encountering Dante, who has been
repaid a hundredfold
...
下西洋，找不到钻进地洞的侄子
下地狱，遇不到熬成婆的但丁
...¹²

The number of characters in these two lines is almost identical, and the number of words matches exactly. The two-syllable word 地洞 *didong*, meaning “a dugout,” corresponds to the monosyllabic word “mother-in-law” in the bottom line, which is a part of the idiomatic expression 多年的媳妇熬成婆 *duo nian de xifu aocheng po*, or “who waits for a long time will be repaid a hundredfold” (literally “the daughter-in-law who has suffered patiently for many years will become a mother-in-law”). The lines are connected by a complete parallelism of syntactic structure, though the actant semantics do not correspond. In the first line, the qualifier is a predicate accompanied by a locative component, while in the second line, even if we decompose the idiom into its constituent parts, we see an explicit causative construction. The equivalence of the syntactic positions does not prevent them from performing different grammatical functions on a syntagmatic level. This form is not uncommon in classical *duizhang*-type parallelism. Andrew Plaks suggests naming this kind of “sylleptic” nexus a “pseudo-parallelism” or “crypto-parallelism” [Plaks, 1988, p. 56]. For Plaks, “crypto-parallelism” is an integral feature of the *duizhang* since it contributes to the creation of non-trivial semantic links among textual components by subtly playing with our perception and interpretation of their similarities and differences.

Xuanyuan Shike’s poem uses this structure in an attempt to bridge the cultural traditions and allusive potential of China and the West. Dante’s descent into hell is likened to the legendary travels of Zheng He, the subject of countless classical plays and a popular novel, “The Journey of Sanbao the Eunuch to the Western Ocean” (三宝太监西洋记通俗演义 *Sanbao taijian Xiyang ji tongsu yanyi*, preface 1597). Parallelism serves not only to provide a formal coherence to the text, but also creates its semantic cohesion; without it the poem would break up into a series of independent im-

¹¹ This phrase alludes to the famous travels of Zheng He 郑和, who made a series of voyages to Southeast Asia and the Indian Ocean from 1405–1433. According to historians, one of the reasons for these expeditions was Emperor Zhu Di’s 朱棣 desire to affirm his usurpation of the throne from his nephew. There were rumors that his nephew was alive and hiding somewhere in China or outside its borders [Wang, 1998, p. 320].

¹² Xuanyuan Shike 轩辕轼轲. “*Suo lin nang*”: *xiaoshi jiu shou* [“锁麟囊”小诗九首] “Qilin Purse”: Nine Short Poems. *Xuanyuan Shike de boke* [轩辕轼轲的博克] Xuanyuan Shike’s Blog, April 23, 2010. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_63ead5230100htfn.html (accessed 24.06.2021) (in Chin.).

ages. The dethroned “nephew” descends into a hole in the ground, like the author of “Divine Comedy,” using a Chinese idiom to describe the uneasy relationships among relatives in a traditional family.

Finally, this contemporary *duizhang* plays gracefully with the form of the characters involved. In the word 侄子 *zhizi* (“nephew”) and in Dante’s name (但丁 *Danding*), the characters are juxtaposed by a parallelism containing the graphic element meaning “person, human.” Simultaneously, second components of these words – 子 *zi* and 丁 *ding* – can mean “son, child” and “adult man,” respectively. Thus, the parallelism allows the words to be compared and contrasted by pushing identity to a new level of abstraction.

Thus, parallelism helps us locate convergences between the *minjian* and highbrow authors. We see it frequently in the work of Ouyang Jianghe (“Strawberry” 草莓 *Caomei*, 1988, “Handgun,” “Phoenix” 凤凰 *Fenghuang*, 2012), but also in the work of Yu Jian (“Flashcards”), who professes quite a different poetic. Parallelism seems to be such a powerful and explicit mechanism of coherence in classical Chinese verse that its structure-forming functions cannot be ignored in contemporary poetic texts, too. Certainly, as Yury Lotman once noted, poetry in general presents a structure in which all elements are in a state of parallelism at distinct levels [Lotman, 1976, p. 88]. Chinese parallelism brings its own flavor to this structure.

According to Halliday and Hasan, grammatical parallelism is a *sine qua non* of internal cohesion, since it is a common feature not only in poetry, but also in many other types of discourse [Halliday, Hasan, 1976, p. 20]. Still, parallelism itself does not necessarily turn a sequence of sentences into a text. This becomes clear when we look at sequences of similarly structured sentences from language textbooks. Their function is to serve as an example of certain grammatical constructions, and they can be considered to be a coherent text perhaps only in the form of found poetry. In Chinese, with its lability of word units and relatively low morpheme per word ratio, parallelism sometimes becomes the basic means of transferring syntactic information and, consequently, cohesion. Contemporary Chinese, even taking into account an increase in the degree of agglutination, still adheres to textual mechanics of classical Chinese while making extensive use of its relics. In poetry, this feature is exposed because of poetry’s extreme sensitivity to language shifts and its intertextuality. This is the case not only in the Chinese tradition, but in contemporary verse in general. In Chinese poetic text, parallelism, supported by a plasticity of syntactic functions, saturates the semantic volume of each word, pushing the reader towards a complex interpretation of a multidimensional poetic utterance.

Conclusion

Just as his ancestor was convinced of the idealness of literature as a medium, the contemporary Chinese poet views poetic language as the ultimate form of language. While contemporary “intellectual” and *minjian* poets have a shared vision of poetic verse as a “sublimation” of the ordinary, in practice they are increasingly aware that poetic language is itself a kind of deviation. It is a parade of abnormalities, even as it aspires to let the ordinary rule. And therein lies the paradox of contemporary Chinese verse: Chinese authors see themselves both as continuators of Chinese aesthetical and philosophical traditions as well as heirs of Western philosophy and Western modernism’s linguistic experimentation. They borrow traditional techniques such as parallelism, elliptical constructions, and nontrivial semantic links created through language phonographics to create connections with classical images and the tradition of 20th century Chinese “new poetry”. Experiments of this sort expand the capabilities of language and construct a type of text that relies on unconventional usage supported by mechanisms for ensuring the semantic cohesion of the text; it explores language boundaries and opens up Chinese poetry to the world.

References

- Cheung L. Y. L.** Dislocation focus construction in Chinese. *East Asian Linguist*, 2009, vol. 18, no. 3, pp. 197–232.

- Eco U.** The Poetics of the Open Work. *The Open Work*. Cambridge, MA, Harvard Uni. Press, 1989, pp. 1–23.
- Fateeva N.** Osnovnye tendentsii razvitiya poeticheskogo yazyka v kontse XX veka [The main trends in the development of poetic language at the end of the XX century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000, vol. 50, pp. 417–420. (in Russ.)
- Halliday M. A. K., Hasan R.** Cohesion in English. New York, Routledge, 1976, 374 p.
- Jade Ladder: Contemporary Chinese Poetry. Eds. W. N. Herbert, Yang Lian. London, Bloodaxe books, 2012, 360 p.
- Jakobson R.** Closing Statements: Linguistics and Poetics. In: *Style in Language*. Ed. by T. A. Sebeok. Cambridge, MA, the M.I.T. Press, 1960, pp. 350–377.
- Leech G.** Language in Literature: Style and Foregrounding. New York, Routledge, 2013, 234 p.
- Levin S. R.** Internal and External Deviation in Poetry. *WORD*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 225–237.
- Li Dian.** Naming and Antinaming: Poetic Debate in Contemporary China. In: *New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry*. Ed. by C. Lupke. New York, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 185–201.
- Lotman Y.** Analysis of the Poetic Text. Tr. by D. B. Johnson. Ann Arbor, Ardis, 1976, 309 p.
- McGann J.** The Point is to Change It: Poetry and Criticism in the Continuing Present. Tuscaloosa, Uni. of Alabama Press, 2007, 288 p.
- Plaks A. H.** Where the Lines Meet: Parallelism in Chinese and Western Literatures. *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*, 1988, vol. 10, no. ½, pp. 43–60.
- Qin Xiaoyu.** Yu ti, dangdai zhongwen shi xulun [秦晓宇。玉梯、当代中文诗叙论] Jade Ladder, Essays on Contemporary Chinese Poetry. Taipei, Xinrui wenchuang, 2012, 386 p. (in Chin.)
- Van Crevel M.** Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem and Money. Leiden, Brill, 2008, 518 p.
- Wang Gungwu.** Ming Foreign Relations: Southeast Asia. In: *The Cambridge History of China, Volume 8: The Ming Dynasty, 1398–1644, Part 2*. Ed. D. Twitchett, F. W. Mote. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1998, pp. 301–333.
- Wang Nian En.** The Xing: a comparative approach to Chinese theories of the literary symbolic. PhD diss. Uni. of Warwick, 1992, 308 p.
- Williams N.** Contemporary Poetry. Edinburgh, Edinburgh Uni. Press, 2011.
- Xie Ming.** Ezra Pound and the Appropriation of Chinese Poetry: Cathay, Translation, and Imagism. New York, Taylor & Francis, 1999, 293 p.
- Yang Lian.** The Poetics of Space, and More: Aesthetic Pressures on Classical Chinese Poetry and a Contemporary Solution. In: *Chinese Writers on Writing*. Ed. by A. Sze. San Antonio, Trinity Uni. Press, 2010, pp. 278–288.
- Yang Xiaobin.** Nü shijie [杨小滨。女世界] She-world. Taipei, Niang chuban, 2011, 98 p. (in Chin.)

Information about the Author

Yulia A. Dreyzis, Candidate of Science (Philology), Associate Professor

Информация об авторе

Юлия Александровна Дрейзис, кандидат филологических наук, доцент

*The article was submitted on 25.06.2021;
approved after review on 16.11.2021; accepted for publication on 31.01.2022
Статья поступила в редакцию 25.06.2021;
одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 31.01.2022*

Научная статья

УДК 81-24 + 811.581.19

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-114-127

Функция аргументного дистинктивного контекста у 被 бэй (на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн»)

Анастасия Дмитриевна Дурыманова

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

durymanova.a.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1634-4233>

Аннотация

Анализируются некоторые особенности китайского языка позднеклассического периода на материале текста «Луньхэн» I в. н. э., в частности рассматриваются особенности процесса грамматикализации 被 bèi, а также как данный процесс повлиял на аргументный дистинктивный контекст 被 bèi. В современном китайском 被 bèi выполняет функцию показателя пассива в предложениях типа О 被 bèi SV, происходит инверсия базового порядка слов SVO, вынесение объекта вперед. Поставлены вопросы: (1) когда начался процесс грамматикализации; (2) глагольная ли лексема 被 bèi в I в. н. э. и может ли она выступать в качестве дистинктивного контекста именных лексем. Анализируется не только глагольная лексема 被 bèi, но также и именная 被 bèi в более ранних текстах. Исследование показывает, что пассиво-подобный 被 bèi начинает встречаться в текстах еще до нашей эры, однако функции полноценной глагольной лексемы остаются доминирующими. Можно предположить, что в «Луньхэн» 被 bèi не обладает качествами показателя пассива и по-прежнему должна анализироваться с точки зрения лексическо-грамматических категорий.

Ключевые слова

грамматикализация, показатель пассива, лексические категории, глагольная лексема, глагол, Луньхэн, дистинктивный контекст

Для цитирования

Дурыманова А. Д. Функция аргументного дистинктивного контекста у 被 бэй (на материале китайского позднеклассического текста «Луньхэн») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 114–127. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-114-127

© Дурыманова А. Д., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 114–127

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 114–127

Argument Distinctive Context Functioning of 被 *bei* (Based on the Material of the Late Classical Chinese Text – “Lunheng”)

Anastasia D. Durymanova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

durymanova.a.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1634-4233>

Abstract

The paper deals with some features of Late Classical Chinese based on material from «Lunheng» (1st century AD), specifically, the process of 被 bēi grammaticalization and its possibility to be a distinctive context for noun lexemes. In modern Chinese, 被 bēi is a passive marker in sentences such as O 被 bēi SV. There is also a short form like O 被 bēi V, which is the initial stage in the formation of a passive construction, while the full form appears in late medieval texts. However, it is necessary to understand when exactly the process of grammaticalization of 被 bēi began, and whether this process affected the language of Late Classical Chinese. The main questions this paper addresses are: (1) when did the process of 被 bēi grammaticalization begin; (2) is 被 bēi still a verb in the Late Classical Chinese language and can we syntactically distinguish an argument of a clause in the context of 被 bēi. Not only are verb functions of 被 bēi (which can be found in 5th century BC texts) analyzed, but also supposedly its original nominal functions in earlier texts. The study shows that the passive-like 被 bēi begins to appear even in BC texts, but the verbal lexeme functions remain a major. It can be assumed that in Late Classical Chinese, particularly in the language of the «Lunheng» text, the lexeme 被 bēi doesn't have passive marker qualities and 被 bēi can and should be analyzed from the point of view of lexical categories, as a transitive verb specifically. Such conclusions make it possible to analyze 被 bēi in an argument distinctive context, that is, the position of 被 bēi in a sentence next to any lexeme can help to identify the syntactic function of this lexeme within the specified context. This means it is possible to determine the position of the argument of any clause, which can later be used for PoS parsing of Late Classical Chinese texts.

Keywords

grammaticalization, passive marker, lexical categories, verb lexeme, verb, Lunheng, distinction context

For citation

Durymanova A. D. Argument Distinctive Context Functioning of 被 *bei* (Based on the Material of the Late Classical Chinese Text – “Lunheng”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 114–127. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-114-127

Язык памятника «Луньхэн» I в. н. э., представителя конца позднеклассического этапа, видится ценным объектом для изучения, так как интересующий нас в контексте данного исследования частеречный вопрос, и как следствие анализ грамматикализации лексемы 被 bēi, позиционируемой как глагольная, на срезе текстов I в. н. э. изучен не столь тщательно: наиболее изученными периодами (по данному вопросу) [Sun, 1996, p. 3–10] можно считать современный китайский и ранний классический китайский (V–III вв. до н. э.) [Крюков, Хуан Шу-ин, 1978, с. 7]. Также «Луньхэн» можно считать одним из немногих текстов, более-менее отражающих реальную языковую картину того времени [Karlgrén, 1996, с. 51–80], невзирая на то, что как раз на рубеже эр в эпоху Хань началось постепенное становление литературного языка.

Ввиду отсутствия словоизменительной и словообразовательной морфологии выделение частей речи посредством морфологического анализа представляется невозможным. Едва ли не единственным способом определения как минимум функции лексемы становится синтаксический анализ. Большинство исследований, посвященных вопросу лексических категорий китайского языка, сходятся в том, что однозначно можно выделить два класса: имена и глаголы [Яхонтов, 1965, с. 40–46; Никитина, 1982, с. 3–28; Benedict, 1972, p. 1–45; Zádrapa, 2011; Sun, 2020].

Можно ли именно на этапе позднеклассического китайского I в. н. э. анализировать лексему 被 bèi с позиции лексико-грамматических категорий, подверглось ли 被 bèi процессам грамматикализации и приобрело функции показателя пассива?

В современном китайском структура предложения с пассивом в полном виде выглядит так: Объект + 被 bèi Субъект + Глагол. Происходит инверсия базового порядка слов SVO, вынесение объекта вперед O 被 bèi SV:

1a.

公司	开除	了	他	
gōngsī	kāi chú	le	tā	
Фирма	увольнять	MOD	1.SG	

‘Фирма уволила его’

1b.

他	被	公司	开除	了
tā	bèi	gōngsī	kāi chú	le
3.SG	PASS	фирма	увольнять	MOD

‘Он был уволен фирмой’

Наряду с данной конструкцией также существует и форма краткого пассива: Объект + 被 bèi + Глагол, т. е. опущение субъекта O 被 bèi V:

1c.

他	被	开除	了
tā	bèi	kāi chú	le
3.SG	PASS	увольнять	MOD

‘Он был уволен’

Краткий пассив является первоначальной стадией становления пассивной конструкции [Wang, 1990], полная форма появляется уже в поздних средневековых текстах. Надо понимать, что данная структура не всегда существовала в языке именно в виде O 被 bèi SV, но также прошла ряд изменений, а 被 bèi в свою очередь подвергся грамматикализации, из глагола став показателем пассива.

Так, М. Хаспельмат утверждает, что пассивная конструкция с 被 bèi в китайском языке должна рассматриваться как отдельное явление среди пассивных конструкций [Haspelmath, 1990]. Он так же, как и М. Хасимото [Hashimoto, 1988], делает акцент на том, что 被 bèi – своего рода вспомогательный глагол с функциями дополнения, отказываясь при этом от теории М. Драйера, что 被 bèi это предлог, маркирующий агенс [Dryer, 1982, p. 56]. М. Хаспельмат утверждает, что образование пассивов может происходить от рефлексивов, каузативов, субъектных конструкций, а грамматикализация 被 bèi происходит путем развития от вспомогательного глагола типа ‘подвергать’ → ‘подвергаться’.

Фактически данное исследование ставит целью ответить на вопросы: (1) когда начался процесс грамматикализации 被 bèi; (2) является ли по-прежнему глагольной лексема 被 bèi на этапе позднеклассического китайского и может ли она выступать в качестве *дистинктивного контекста*¹ именных лексем, т. е. аргументный *дистинктивный контекст* (в слу-

¹ Дистинктивные контексты – место в предложении рядом с определенной лексемой, которое позволяет определять синтаксическую функцию лексемы (аргумент или предикат), находящейся в пределах контекста. Фактически дистинктивный контекст помогает идентифицировать позицию, занимаемую лексемой справа или слева от него, как аргументную или предикативную. Один и тот же дистинктивный контекст не может идентифицировать позицию и аргумента, и предиката одновременно (на базе исследуемого материала). В процессе выбора лексем, которые способны задавать дистинктивный контекст, следует учитывать исторические процессы грамматикализации, замещения и вытеснения одного знака другим, омонимию и др. [Дурыманова, 2021, с. 4, 15–25].

чае если 被 bèi является переходным глаголом в тексте «Луньхэн», это означает, что позиция после переходного глагола – аргумент), что потенциально влияет на определение принадлежности к той или иной (в данном случае к именно) лексической категории лексемы, следующей за 被 bèi.

1. От именной лексемы к глагольной

Согласно Ч. Суню [Sun, 1996, p. 28], первоначальным значением 被 bèi было именное значение ‘покрывало’, от которого позднее (точные временные границы не уточняются) произошло глагольное ‘покрывать’. Однако, если посмотреть ранние тексты, в которых употребляется 被 bèi, можно увидеть, что ‘покрывало’ было вовсе не единственным именным значением, скорее ‘покрывало’ стоит переосмыслить в контексте ‘нательного одеяния’ (2a), от которого действительно приблизительно в V в. до н. э. произошло глагольное ‘надевать’ и ‘покрывать’ (пункты 1.2 и 1.3).

Ниже в этом разделе рассмотрим процесс развития 被 bèi от именной лексемы к глагольной.

1.1. 被 bèi ‘одежда’

Если обратиться к толковому словарю «Шовэнь Цзецзы» I в. н. э. авторства Сюй Шэня² («Объяснение простых и анализ составных иероглифов»), видим следующее пояснение 被 bèi: «Ночная рубашка»³. Толковый словарь «Ши Мин» II в. н. э. дает уже производное толкование: «被 bèi одежда, покрывать»⁴. Таким образом, если верить лексикографическим данным, первоначальное значение 被 bèi было именным. Иными словами, 被 bèi – именная лексема, выполняющая в предложении те же функции, что и все другие именные лексемы:

2a.

所	喜好	謠俗	被	服	飲
suǒ	xǐhào	yáo sú	bèi	fú	yǐn
Все то, что	любить	обычай	одежда	наряд	напитки
食	奉	生	送	死	之
shí	fèng	shēng	sòng	sǐ	zhī
еда	принимать	жизнь	проводить	смерть	ATR
具	也				
jù	yě				
утварь	PTCL				

‘все те вещи, согласно обычаям [людей], являются необходимым материалом для человека с рождения и до его смерти – одежда, еда и питье’

Ши цзи / 史記 прил. II–I вв. до н. э.

1.2. 被 bèi ‘носить, надевать’

Если верить исключительно лексикографическим данным, то 被 bèi как глагольная лексема начинает употребляться в текстах только II в. н. э.

Фактически глагольное употребление 被 bèi можно найти в текстах еще V в. до н. э., где 被 bèi ‘носить [что-либо в качестве одежды]’. Можно с уверенностью сказать, что к этому

² Здесь и далее все примеры даны по оцифрованным письменным памятникам, доступным на сайте корпуса древнекитайских текстов ctext.org [Chinese Text Project: сайт. Oxford, 2006–2021. URL: <https://ctext.org> (дата обращения: 04.06.2021)].

³ 被: 𦑑衣

⁴ 被服也, 覆也

периоду 被 bèi более не является именной лексемой ‘одежда’, но становится деноминативным глаголом, т. е. происходит семантический переход от инструмента действия к непосредственно действию [Sun, 2020, p. 106]. Переход имя → глагол, конечно, нельзя назвать исключительным, такое явление все же редко [Branner, 2005, p. 92], но возможно [Дурыманова, 2019, с. 99], что и происходит с именной лексемой 被 bèi ‘одежда’:

3a.

傳說	被	褐	帶	索
Fù Yuè	bèi	hè	dài	suǒ
Фу Юэ	носить	грубая ткань	подпоясываться	жгут

‘Фу Юэ носил простую одежду и подпоясывался жгутом’
Моцзы / 墨子 *прибл. конец V в. до н. э.*

1.3. 被 bèi ‘покрывать’

Приблизительно в тот же период, когда появляется 被 bèi ‘носить’, в текстах IV в. до н. э. обнаруживается второе значение 被 bèi – ‘покрывать’. Многие примеры употребления ‘покрывать’ также связаны с одеждой и способом ношения одеяния:

3b.

短	毋	見	膚	,	長	毋	被	土
duǎn	wú	jiàn	fū		cháng	wú	bèi	tǔ
короткий	NEG	видеть	кожа		длинный	NEG	покрывать	земля

‘[Одеяние] не настолько короткое, чтобы можно было увидеть кожу [щиколоток], не настолько длинное, чтобы касаться земли (т. е. длинная одежда не покрывает [подолом] [участок] земли)’
Ли цзи / 禮記 *прибл. IV в. до н. э.*

Однако в чуть более поздних текстах у 被 bèi ‘покрывать’ обнаруживается не только прямое, но и переносное значение – ‘распространяться’:

3c.

功	被	天	下
gōng	bèi	tiān	xià
мастерство	покрывать	Небо	LOC

‘Умелые действия распространяются по всей Поднебесной’
Сюнь-цзы / 荀子 *прибл. III в. до н. э.*

Однако у глагольной лексики 被 bèi ‘носить [что-либо в качестве одежды]’ и ‘покрывать’ можно обнаружить некоторые особенности в управлении глагола, за 被 bèi может следовать именная группа и другой глагол. Иными словами, 被 bèi ‘носить [что-либо в качестве одежды]’ и ‘покрывать’ стоит в препозиции к именной лексеме, не выступающей в роли субъекта. Это может говорить о том, что 被 bèi на данном этапе все еще был глаголом, функции которого необязательно были сопряжены с сущностью пассива, соответственно, наличие субъекта в постпозиции не являлось обязательным условием [Sun, 1996, p. 30]. Ч. Сунь также выдвигает теорию о том, что процесс грамматикализации 被 bèi мог протекать двумя параллельными путями: (1) в качестве вспомогательного глагола, обязательно маркирующего агенс (пункт 1.4), (2) в качестве предложного глагола (пункты 1.2, 1.3).

При этом, как и любые другие предикаты, 被 bèi в позиции предиката обладает всеми характерными свойствами глагола, как, например, способность присоединять препозитивное отрицание (4a), способность возглавлять клаузу в сочиненной глагольной конструкции, присоединяя при этом препозитивные глагольные союзы (4b, 4c), способность присоединять постпозитивный зависимый объект, выраженный характерным местоимением третьего лица

之 zhī (4d), способность следовать за модальными глаголами типа ‘мочь’ или ‘быть в состоянии [что-то сделать]’ (4e).

4a.

入	軍	不	被	甲	兵
rù	jūn	bù	bèi	jiǎ	bīng
входить	гарнизон	NEG	носить	доспехи	оружие

‘Когда входит в гарнизон, то не одет в доспехи и не имеет при себе оружия’
Дао дэ цзин / 道德經 прил. V в. до н. э.

4b.

或	射	之	則	被	鎧	甲
huò	shè	zhī	zé	bèi	kǎi	jiǎ
Некоторые	стрелять из лука	3. SG	CONJ	носить	латы	доспехи

‘Когда кто-то стреляет в него из лука, то [он] надевает доспехи’
Хуайнань-цзы / 淮南子 прил. II в. до н. э.

4c.

上	田	則	被	其	处
shàng	tián	zé	bèi	qí	chù
быть лучшим	поле	CONJ	покрывать	3. GEN	место

‘Если поле хорошее [для земледелия], то это место покрывают [осваивают]’
Люй ши Чунь цю / 呂氏春秋 прил. III в. до н. э.

4d.

水兕	革	棺	被	之
shuǐsì	gé	guān	bèi	zhī
Водяной буйвол	кожа	гроб	покрывать	3.SG

‘Шкуры водяных буйволов на гробе [Императора], покрывают его’
Ли цзи / 禮記 прил. IV в. до н. э.

4e.

能	被	而	服	之
néng	bèi	ér	fú	zhī
MOD.V	носить	CONJ	одеваться	3.SG

‘Можно носить и надевать это’
Лин шу цзин / 靈樞經 прил. IV в. до н. э.

1.4. 被 bèi ‘подвергаться’

Согласно Ван Ли [Wang, 1990, p. 397], 被 bèi помимо ‘покрывать’ также имеет производное ‘подвергаться’.

Структура предложений с 被 bèi ‘подвергаться’ такая же, как и с 被 bèi ‘носить’ и 被 bèi ‘покрывать’ (пункт 1.3). Соответствует базовому порядку составляющих SVO, где 被 bèi выступает в качестве предиката (глагольная лексема), за которым следует объект (именная лексема). 被 bèi ‘подвергаться’, также как и любая другая глагольная лексема в позиции предиката, обладает вышеописанными признаками (пункт 1.3) – предшествующее отрицание 不 bù (5a), глагольный союз 則 zé в препозиции (5b), объект, выраженный местоимением 之 zhī в постпозиции (5c), или модальный глагол 能 néng в препозиции (5d) и пр.:

5a.

民	不	被	其	澤
mín	bù	bèi	qí	zé
народ	NEG	подвергаться	GEN	благодеение

‘Народ не получает выгоды от него’
Мэньцзы / 孟子 пригл. III в. до н. э.

5b.

不	則	被	災	害
bù	zé	bèi	zāi	hài
NEG	CONJ	подвергаться	беда	вред

‘И тогда не будет [подвергаться] бедствиям’
Луньхэн / 論衡 пригл. I в. н. э.

5c.

世	之	有	饑	荒	<...>
shì	zhī	yǒu	jī	huāng	
поколение	ATR	иметь	голод	неурожай	
禹	湯	被	之	矣	
Yǔ	Tāng	bèi	zhī	yǐ	
Юй	Тан	подвергаться	3.SG	PTCL	

‘Бывают времена неурожая и голода, Юй и Тан испытывали это’
Синь шу / 新書 пригл. I в. до н. э.

5d.

不	能	被	德	承	澤
bù	néng	bèi	dé	chéng	zé
NEG	MOD.V	подвергаться	добродетель	удостаиваться	благодеение

‘Не может получать выгоду и удаиваться милости’
Хуайнань-цзы / 淮南子 пригл. II в. до н. э.

Можно отметить, что функции 被 bèi ‘подвергаться’ идентичны 被 bèi ‘носить’ и 被 bèi ‘покрывать’ (3a-c), однако 被 bèi ‘подвергаться’, в отличие от ‘носить’ и ‘покрывать’, не обладает функциями предложного глагола и абсолютно всегда маркирует субъект.

Однако конструкция 被 bèi + Object по-прежнему не является пассивной, так как за объектом не следует ожидаемый глагол, образуя конструкцию краткого пассива типа O 被 bèi V.

С семантической точки зрения, ‘подвергаться’ обладает негативной коннотацией, и чаще используется в предложениях с негативным оттенком (5b, 5c, 5e) [Wang, 1990, p. 398–399]:

5e.

行	直	而	被	刑
xíng	zhí	ér	bèi	xíng
заниматься	прямой	CONJ	подвергаться	наказание

‘Дела [его] праведны, но [он все равно] подвергся наказанию’
Хуайнань-цзы / 淮南子 пригл. II в. до н. э.

2. От глагольной лексики к показателю пассива

Рассмотрим процесс образования показателя пассива 被 bèi от глагольной лексики 被 bèi ‘подвергаться’, а также проанализируем функции 被 bèi на этапе позднеклассического ки-

тайского на примере текста «Луньхэн»: является ли исследуемая лексема по-прежнему глагольной или уже подверглась процессам грамматикализации и приобрела черты показателя пассива.

2.1. 被 bèi как показатель пассива

Важно понимать, от какого именно из трех 被 bèi ‘подвергаться’, ‘носить’ или ‘покрывать’ началось развитие пассивной функции. Фактически процесс грамматикализации 被 bèi берет начало еще в IV в. до н. э., в конце эпохи Чжаньго (475–221 гг. до н. э.). В данный период пассивная конструкция существовала не в полном виде, а исключительно в формате краткого пассива O 被 bèi V, но наряду с появившимся и низкочастотным кратким пассивом широко употребляется глагольный 被 bèi ‘подвергаться’, функционально отвечающий критериям показателя пассива:

6а.

秦	王	復	擊	軻	，	被	八	創
Qín	wáng	fù	jī	kē		bèi	bā	chuāng
Цинь	Ван	повторно	ударять	Кэ		подвергаться	NUM.8	ранить

‘Циньский Ван снова ударил [мечом] [Цзин] Кэ, [но в ответ] получил восемь ударов [мечом]’
Чжаньго цэ / 戰國策 прил. V в. до н. э.

Ван Ли [Wang, 1990, p. 397] и Л. Сунь [Sun, 2020, p. 106] утверждают, что пассив развился именно из 被 bèi ‘подвергаться’.

2.2. 被 bèi в «Луньхэн»: имя, глагол или показатель пассива

Имея данные о стадиях и вариантах развития и грамматикализации 被 bèi, можно обратиться непосредственно к анализируемому тексту «Луньхэн». На момент написания памятника 被 bèi в качестве глагольной лексемы появлялся в текстах приблизительно в течение пяти веков, а 被 bèi как показатель пассива – четыре века. Видится вполне вероятной возможность обнаружить отмирающую оппозицию глагола и показателя пассива, где 被 bèi показатель пассива был бы в преобладающем числе употреблений.

Всего знак 被 bèi встречается в тексте 74 раза, из которых три – в качестве знака имени 伍 被 Wǔ Pí (одно из чтений знака 被 bèi) и четыре – в качестве разнописи знака 披 pī ‘разворачивать, распускать’ в устойчивом сочетании 被髮 pīfà ‘распускать волосы’. Данные примеры нас не интересуют в контексте исследования. Также как минимум несколько предложений с 被 bèi являются цитатами из более ранних произведений (7а, 7б):

7а.

同	日	被	霜
tóng	rì	bèi	shuāng
одинаковый	день	покрывать	иней

‘В тот же день покрылся инеем’

Луньхэн / 論衡 прил. I в. н. э., цит. из Хуайнань-цзы / 淮南子 прил. II в. до н. э.

7б.

高祖	被	酒
Gāozǔ	bèi	jiǔ
Гао-цзу	подвергаться	алкоголь

‘Гао-цзу опьянел’

Луньхэн / 論衡 прил. I в. н. э., цит. из Ши цзи / 史記 прил. II–I вв. до н. э.

Оставшиеся употребления 被 bèi и составляют базу исследования.

Учитывая время написания «Луньхэн», а также сравнительно продолжительный процесс грамматикализации 被 bèi, мы рассчитываем увидеть высокочастотный пассивный показатель 被 bèi, отсутствие глагольной лексики «носить [что-либо в качестве одежды]», а также, вероятно, крайне малое количество глагольных «покрывать» и «подвергаться».

Однако в тексте по-прежнему встречается 被 bèi «носить [что-либо в качестве одежды]». По нашему мнению, данный факт довольно примечателен, так как «носить [что-либо в качестве одежды]» является непосредственно производным значением от именной лексики 被 bèi «одежда». Учитывая вышенаписанное (см. пункт 1), данная лексема к I в. н. э. должна быть вытеснена 被 bèi «покрывать» и 被 bèi «подвергаться». Всего таких случаев обнаружено пять (8a)⁵.

8a.

今	被	朝		服
jīn	bèi	cháo		fú
сейчас	носить	Двор (императорский)		одежда

‘Ныне одет в парадные одежды’

Можно предположить, что наличие 被 bèi «носить [что-либо в качестве одежды]» может указывать на все еще существующую оппозицию 被 bèi «носить [что-либо в качестве одежды]» с 被 bèi «подвергаться», так как второе по функциям в предложении приближено к показателю пассива, т. е. глагольной лексеме, утрачивающей свое лексическое значение.

Что касается 被 bèi «покрывать», который мы расцениваем как один из первых этапов пути грамматикализации данной лексики, то таких случаев обнаружено семь (8b).

8b.

西	被	于	流	沙
xī	bèi	yú	liú	shā
запад	покрывать	LOC	течь	песок

‘На западе покрывается (соприкасается с) зыбучими песками’

Случаев употребления 被 bèi в значении «подвергаться» значительно больше, составляют большую часть всех вхождений (всего тридцать семь случаев употребления) (8c–8g):

8c.

不	被	濤	沙	之	謫
bù	bèi	tāo	shā	zhī	zhé
NEG	подвергаться	волна	песок	ATR	наказание

‘Не наказывается закапыванием в песках’

8d.

身	被	三	累
shēn	bèi	sān	lèi
человек	подвергаться	NUM.3	ошибка

‘Человек подвержен трем ошибкам’

8e.

被	不	幸	偶
bèi	bù	xìng	ǒu
подвергаться	NEG	удача	случайность

‘[Если] не [испытывают] счастливые случайности’

⁵ Далее все примеры 8a–10b даны из Луньхэн / 論衡 прил. I в. н. э.

8f.

被	厲	之	病
bèi	lì	zhī	bìng
Подвергаться	свирепый	ATR	болезнь

‘Серьезно заболел’

8g.

不	被	其	罪
bù	bèi	qí	zuì
NEG	подвергаться	3.GEN	страдание

‘Не заставляя его страдать [зависящим от охраны императорской колесницы]’

На данных примерах четко видно, что позицию после 被 bèi занимают именные лексемы. В примере 8e видим отрицание на дополнении, что при сформировавшемся пассиве невозможно, так как в таком случае отрицание было бы на самом показателе пассива, т. е. предшествовало бы ему. В примере 8g отрицание хотя и предшествует 被 bèi, однако после него стоит притяжательное местоимение, которое в свою очередь, как правило, примыкает к следующей за ним именной лексеме. Само же оно кореферентно подлежащему главного предложения.

Структурой примеров 5c–5g фактически является [S]VO, что не отвечает требованиям структуры краткого пассива O 被 bèi V.

Конечно, нельзя отрицать, что 被 ‘подвергаться’ уже во многом подходит под критерии определения показателя пассива, оказывая влияние и на лексемы, следующие непосредственно за ним.

Примечателен тот факт, что функции 被 bèi более приближенные именно к функции пассива, нежели к ‘подвергаться’, также присутствуют в тексте, хоть и в сравнительно малом количестве (всего двенадцать случаев употребления) (9a, 9b):

9a.

伯奇	被	逐	而	歌
Bó Qí	bèi	zhú	ér	gē
Бо Ци	PASS	изгонять	CONJ	петь

‘Бо Ци [хоть и] был изгнан, но пел’

9b.

被	箠	,	身	無	完	肉
bèi	chuí	,	shēn	wú	wán	ròu
PASS	бить	,	тело	NEG	целый	мясо

‘Был избит, на теле не было живого места’

Если проверить, с какими лексемами в постпозиции чаще всего встречается 被 bèi в «Луньхэн», то увидим, что наиболее активно 被 bèi будет сочетаться с лексемами с абстрактными значениями, как 刑 xíng ‘наказание’ (десять раз), 罪 zuì ‘вина, наказание’ (три раза), 災 zāi ‘беда, напасть’ (два раза), 禍 huò ‘бедствие, ущерб’ (два раза), 害 hài ‘вред, гибель’ (два раза) (7a, 7b), с другими лексемами не сочетаясь вообще или в количестве менее двух. Согласно «Современному большому словарю китайского языка» [Сяньдай, 2016] данные лексемы изначально являются именными, однако иногда они могут занимать предикативные позиции в предложении, стоит отметить, что данный факт заслуживает отдельного исследования (именные лексемы в предикативной позиции). Но это также может говорить о том, что 被 bèi чаще примыкает к глагольным лексемам.

10a.

今	已	被	刑
jīn	yǐ	bèi	xíng
Сейчас	PTCL.PFV	PASS alike	наказание

‘[он] ныне уже наказан’

10b.

不	被	罪	不	入	獄
bù	bèi	zuì	bù	rù	yù
NEG	PASS alike	вина	NEG	входить	тюрьма

‘Не обвиненные не попадают в тюрьму’

В то же время, наравне с, например, 罪 zuì ‘вина, наказание’ 被 bèi в прямой постпозиции принимает и именную лексему 服 fú ‘одежда’, остальные именные лексемы в прямой постпозиции не принимает вообще. Данный факт еще раз говорит в пользу все еще существующей оппозиции ‘носить (в качестве одежды)’ и ‘подвергаться’, т. е. число употреблений паритетно.

3. 被 bèi в «Луньхэн» – глагольная лексема, но не показатель пассива

Основываясь на проведенном выше анализе, можно предположить, что постепенный процесс грамматикализации 被 bèi начался приблизительно в IV–III вв. до н. э., к моменту написания текста «Луньхэн» в I в. н. э. процесс не закончен. Данный факт является важным параметром для отнесения 被 bèi к *аргументу дистинктивному контексту*. Примечательно, что на данном этапе больше не существует именной лексемы 被 bèi ‘одежда’, но в небольшом количестве сохраняется глагольная лексема 被 bèi ‘носить что-то в качестве одежды’, появившейся приблизительно в V в. до н. э. Оппозиция ‘носить в качестве одежды’ (а также производное от нее ‘покрывать’) и ‘подвергаться’ по-прежнему сохраняется, т. е. количество примеров и с тем и другим 被 bèi является паритетным. Появляются немногочисленные пассиво-подобные конструкции, построенные по принципу краткого пассива O 被 bèi V. Также появляется 被 bèi ‘подвергаться’, частично соответствующий условиям определения показателя пассива, маркируя при этом всегда следующий за ним субъект. Это подтверждает теорию о том, что 被 bèi ‘подвергаться’ с субъектом в постпозиции скорее вспомогательный глагол, обладающим некоторыми функциями показателя пассива, нежели предложный глагол 被 bèi ‘носить [что-либо в качестве одежды]’ и ‘покрывать’.

Процесс грамматикализации 被 bèi от глагольной лексемы к показателю пассива можно назвать типичным для пассивов образованным от вспомогательного глагола типа ‘подвергаться’ → ‘подвергать’ [Haspelmath, 1990]. Однако нерешенным остается вопрос, поднятый Ч. Сунем [Sun, 1996, p. 30] (пункт 1.3): происходило ли развитие 被 bèi в качестве (a) вспомогательного глагола, обязательно маркирующим субъект, и (b) предложного глагола, маркирующего объект, параллельно или последовательно. Соответственно, если развитие произошло последовательно, то какая функция была первоначальной, если же параллельно – то пассив образовался от (a) или (b).

В подавляющем большинстве случаев употребления в «Луньхэн» 被 bèi все же является переходным предложным глаголом. Иначе говоря, 被 bèi ‘носить [что-либо в качестве одежды]’ и ‘покрывать’ стоит в препозиции к именной лексеме, которая не стоит в позиции субъекта. Полученные результаты могут говорить о том, что 被 bèi в «Луньхэн» все еще был глаголом, функции которого не обязательно соответствовали функциям показателя пассива, соответственно, наличие глагольной лексемы в позиции предиката в постпозиции не явля-

лось обязательным условием, как и наличие именной в качестве объекта в препозиции, что дало бы структуру краткого пассива О 被 bèi V.

Мы можем предположить также, что подобная ситуация будет сохраняться и в текстах, написанных в тот же временной период, что и «Луньхэн», однако данное предположение требует дополнительного анализа.

Вышеописанные факты показывают, что 被 bèi в «Луньхэн» по-прежнему обладает набором характеристик глагольной лексемы, присоединяет именны лексемы в постпозиции, не сочетается (за редким исключением) с глагольными лексемами в постпозиции.

Полученные данные могут говорить о том, что в позднеклассическом тексте «Луньхэн» I в. н. э. 被 bèi можно расценивать как *аргументный дистинктивный контекст*, т. е. положение 被 bèi в предложении рядом с определенной лексемой позволяет определить синтаксическую функцию указанной лексемы в пределах данного *контекста*, а именно определить позицию аргумента. Потенциально полученные данные можно использовать для дальнейшего изучения лексических категорий древнекитайского, для выявления различий в синтаксических функциях имен и глаголов. Также при наличии расширенного списка дистинктивных контекстов можно создать автоматизированный алгоритм [Durymanova, 2021, p. 22; Дурыманова, 2021], четко определяющий синтаксическую функцию лексемы, если та находится в пределах заданного дистинктивного контекста.

Список условных обозначений

NEG – отрицание; LOC – локатив; CONJ – союз; NUM – числительное; PASS alike – пассиво-подобный; ATR – атрибутив; GEN – генетив; PTCL – частица; PFV – перфектив; 3. – третье лицо; SG – единственное число; MOD – модальная частица 了; MOD.V – модальный глагол.

Список литературы

- Дурыманова А. Д. Предикативные функции существительных с предметным значением в языке памятников древнекитайского периода // Проблемы языка: Сб. науч. ст. по материалам седьмой конф.-школы. М.: Ин-т языкозн. РАН, Канцлер, 2019. С. 90–103.
- Дурыманова А. Д. Противопоставление имен и глаголов в древнекитайском памятнике «Луньхэн» I в. н. э.: науч. докл. к дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2021. 63 с.
- Крюков М. В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М.: ГРВЛ, 1978. 497 с.
- Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. Л.: ЛГУ, 1982. 148 с.
- Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965. 105 с.
- Benedict P. K. A Sino-Tibetan. A conspectus. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1972, 230 p.
- Branner D. On Early Chinese Morphology and its Intellectual History. *Journal of the Royal Asiatic Society for 2003, 2005*, vol. 22, pp. 1–45.
- Dryer M. In Defense of a Universal Passive. *Linguistic Analysis*, 1982, vol. 10, pp. 53–60.
- Durymanova A. D. Nouns and verbs' syntactic shift: some evidences against Old Chinese parts-of-speech system's flexibility (analysis of Lunheng I AD). In: 34th Paris Meeting on East Asian Linguistics. CRLAO. 2021, p. 22.
- Gianninoto M. Western grammars of the Chinese language in the 18th and 19th centuries. ICHOLS XII. St. Petersburg, 2011, pp. 53–61.
- Hashimoto M. The structure and typology of the Chinese passive construction. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1988, 329 p.
- Haspelmath M. The Grammaticalization of Passive Morphology. *Studies in Language*, 1990, vol. 14 (1), pp. 25–74.
- Karlgren B. New excursions in Chinese Grammar. BMFEA, 1952, no. 24, pp. 51–80.

- Sun Ch.** Word-order Change and Grammaticalization in the History of Chinese. Stanford, Stanford Uni. Press, 1996, 224 p.
- Sun L.** Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin, De Gruyter Mouton, 2020, 334 p.
- Zádrapa L.** Word-Class Flexibility in Classical Chinese. Leiden, Brill Academic Publishers, 2011, 256 p.
- Ван Ли.** Ван Ли вэньцзи [王力。王力文集]. Собр. тр. Ван Ли. Т. 11. Jinan, Шаньдун чубаньшэ, 1990, 848 с. (на кит. яз.)
- Сяньдай ханьюй да цыдянь [现代汉语大词典]. Современный большой словарь китайского языка. Пекин: Шаньфу иньшу гуань, 2016. 1800 с. (на кит. яз.)

References

- Benedict P.K.** A Sino-Tibetan. A conspectus. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1972, 230 p.
- Branner D.** On Early Chinese Morphology and its Intellectual History. *Journal of the Royal Asiatic Society for 2003*, 2005, vol. 22, pp. 1–45.
- Dryer M.** In Defense of a Universal Passive. *Linguistic Analysis*, 1982, vol. 10, pp. 53–60.
- Durymanova A. D.** Nouns and verbs' syntactic shift: some evidences against Old Chinese parts-of-speech system's flexibility (analysis of Lunheng I AD). In: 34th Paris Meeting on East Asian Linguistics. CRLAO, 2021, p. 22.
- Durymanova A. D.** Predikativnye funkcii sushchestvitel'nyh s predmetnym znacheniem v yazyke pamyatnikov drevnekitajskogo perioda [Predicative function of nominal lexemes in Ancient Chinese]. In: Problemy yazyka. Conference proceedings. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Kancler, 2019, pp. 90–103. (in Russ.)
- Durymanova A. D.** Protivopostavlenie imeni i glagolov v drevnekitajskom pamjatnike Lunheng I v. n. e. [Nouns and Verbs' opposition in Lunheng I AD]. Thesis synopsis. ... PhD. Russian State Uni. for the Humanities, 2021, 63 p. (in Russ.)
- Gianninoto M.** Western grammars of the Chinese language in the 18th and 19th centuries. In: ICHOLS XII. St. Petersburg, 2011, pp. 53–61.
- Hashimoto M.** The structure and typology of the Chinese passive construction. Amsterdam, John Benjamins publishing company, 1988, 329 p.
- Haspelmeth M.** The Grammaticization of Passive Morphology. *Studies in Language*, 1990, vol. 14 (1), pp. 25–74.
- Karlgren B.** New excursions in Chinese Grammar. *BMFEA*, 1952, no. 24, pp. 51–80.
- Kryukov M. V., Huan Shuin.** Drevnekitajskij yazyk [Ancient Chinese]. Moscow, Main editorial office for oriental literature, 1978, 497 p. (in Russ.)
- Nikitina T. N.** Grammatika drevnekitajskih tekstov [Grammar of Ancient Chinese texts]. Leningrad, Leningrad university, 1982, 148 p. (in Russ.)
- Sun Ch.** Word-order Change and Grammaticalization in the History of Chinese. Stanford, Stanford Uni. Press, 1996, 224 p.
- Sun L.** Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin, De Gruyter Mouton, 2020, 334 p.
- Wang Li.** Wang Li wenji [王力。王力文集]. Collected works of Wang Li. Vol. 11. Jinan, Shandong chubanshe, 1990, 848 p. (in Chin.)
- Xiandai hanyu da cidian [现代汉语大词典]. Modern Chinese dictionary. Beijing, Shangwu yinshu guan, 2016, 1800 p.
- Yahontov S. E.** Drevnekitajskij yazyk [Ancient Chinese]. Moscow, Nauka, 1965, 105 p. (in Russ.)
- Zádrapa L.** Word-Class Flexibility in Classical Chinese. Leiden, Brill Academic Publishers, 2011, 256 p.

Информация об авторе

Анастасия Дмитриевна Дурыманова, исследователь, преподаватель

Information about the Author

Anastasia D. Durymanova, Researcher, Lecturer

*Статья поступила в редакцию 19.11.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 19.11.2021;
approved after review on 24.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-128-140

Из истории изучения категории 代词 *дайцы* в китайском языкознании

Любовь Владимировна Кирюхина

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

lyubabukhtulova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8445-4701>

Аннотация

Излагаются варианты описания лексических единиц категории 代词 *дайцы*, именуемой в данном исследовании «местословия». На примере указанной категории рассматривается эволюция формирования грамматического терминологического аппарата. Проведенный анализ показал, что в традиционный период развития китайского языкознания (т. е. до 1898 г.) 代词 *дайцы* описывались среди прочих служебных слов, для них не существовало даже специального термина, и лишь на современном этапе они были выделены в отдельный класс. При этом изначально делается акцент на заместительной функции единиц данной категории (используется знак 代 *дай* ‘замещать’). Современный период также отличает системность: местословия рассматриваются как некая подсистема в общей системе классов слов. Положение 代词 *дайцы* в такой общей системе может различаться в зависимости от подхода конкретного автора. Подчеркивается важность функциональных возможностей лексических единиц при осуществлении частеречной классификации, что обусловлено типологическими особенностями китайского языка.

Ключевые слова

китайское языкознание, история, части речи, местословия, слова-заместители, терминология

Для цитирования

Кирюхина Л. В. Из истории изучения категории 代词 *дайцы* в китайском языкознании // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 128–140. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-128-140

The History of Studying 代词 *daici* in Chinese Linguistics

Lyubov V. Kiryukhina

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

lyubabukhtulova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8445-4701>

Abstract

The article provides an overview of different terms for describing lexical units of such a category as the 代词 *daici* ‘pronoun’. The evolution of grammar terminology’s formation is considered based on the example of this category. It is shown that prior to 1898, Chinese scholars used no special terms to classify 代词 *daici*, as these lexical units were described in function words’ dictionaries (written by Lu Yiwei 卢以纬, Yuan Renlin 袁仁林 etc.). At that time, the course of linguistic research was determined by exegetics, and the main emphasis was placed on the description of

© Кирюхина Л. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 128–140

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 128–140

semantics and usage of characters. After 1898, the situation changed. Modern linguists characterize 代词 *daici* as an element of the general system of word classes. The nature of 代词 *daici* causes difficulties in classification: should lexical units of this category be considered function words or content words, or perhaps even words of a special category that duplicate content words. The position of 代词 *daici* in the general system of word classes may differ depending on the author's approach for selecting parts of speech. Approaches of Ma Jianzhong 马建忠, Li Jinxi 黎锦熙, Lü Shuxiang 吕叔湘, Wang Li 王力, Zhu Dexi 朱德熙, Xing Fuyi 邢福义, Guo Rui 郭锐, Yuan Yulin 袁毓林, Zhang Bin 张斌 are presented in the article. Chinese is an isolating language, therefore syntactic properties of lexical units play a significant role in expressing relationships between the words. This fact is reflected in the considered classifications of Chinese linguists based on the functional characteristics of lexical units. As for grammar terminology, modern linguists emphasize the substitutive function of 代词 *daici* (the sign 代 *dai* means 'to replace') and show that 代词 *daici* may replace not only 名词 *mingci* 'noun' (do not use the term 代名词 *daimingci*, for example), but also other parts of speech.

Keywords

Chinese linguistics, history, parts of speech, pronoun, terminology

For citation

Kiryukhina L. V. The History of Studying 代词 *daici* in Chinese Linguistics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 128–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-128-140

Введение

Традиционно в основе описания языка лежит деление слов на классы. Набор таких классов в языках может существенно различаться. Так или иначе, принадлежность слов к определенным частям речи является проявлением их грамматических свойств, части речи присутствуют в любом языке [Солнцев, 1995, с. 20, 219], в том числе в изолирующих (см. [Солнцева, 1985, с. 187]). Части речи могут разрабатываться на основании различных критериев (см., например, попытку построить «синтаксические» и «морфологические» части речи на материале японского языка в работе [Алпатов, 1990а]; применение строго морфологического критерия – [Мельчук, 2000]); может меняться понимание «категории», так, в ряде исследований части речи интерпретируются в свете теории прототипов (классификация по семантическим признакам представлена в [Вежбицкая, 1999], по синтаксическим – в [Croft, 2001]), освещается возможность применения «гибкого» подхода к построению системы частей речи [Flexible Word Classes..., 2013]. В той или иной степени универсальный характер частей речи позволяет рассматривать их в лингвистической типологии.

Являясь категориями «историческими» [Драгунов, 1952, с. 10], части речи претерпевают определенные изменения в ходе развития языка. В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачи рассмотреть то, какими лексическими единицами была наполнена категория 代词 дайцы в разное время, каковы были особенности их функционирования и др., исследуя же грамматический терминологический аппарат, нам видится необходимым представить эволюцию средств грамматического описания указанной категории. Как отмечает Н. Ю. Бокадорова, в различные эпохи языкознание выдвигает на первый план различные стороны языка как объекта изучения, а также по-разному структурирует свой объект. Грамматика представляет собой «генетическое ядро» лингвистики, а понимание развития основных понятий и категорий грамматики играет исключительную роль для осмысления проблем современного состояния этой отрасли знания [Бокадорова, 1987, с. 8, 11–12]. Теория описания языка тесным образом связана с типологией, характером письменности, спецификой развития письменной традиции [Ольховиков, 2007, с. 23], моделью познания мира [Цзинь, 2020] и другими факторами. Развитие подходов к грамматическому описанию китайского языка должно быть обусловлено его типологическими особенностями как языка изолирующего¹, комментаторской направленностью языковедческих работ, «словарным» способом [Алпатов, 1990б, с. 23] опи-

¹ Или формоизолирующего [Солнцев, 1995].

сания грамматических явлений в классический период развития китайской лингвистической традиции².

Представленное диахроническое исследование грамматического описания китайского языка (на примере категории 代词 *дайцы*) показывает эволюцию формирования грамматического «словаря»³ [Бокадорова, 1987, с. 15], а также иллюстрирует специфику структурирования знаний о языке. Используется комплексная методика анализа, включающая сопоставление, парадигматический анализ, интерпретацию, а также контекстуальный анализ.

Значение термина 代词 *дайцы*

Ю. С. Маслов отмечает, что в общем среди знаменательных слов можно выделить указательно-заместительные слова, которые «дублируют» систему назывных частей речи, это «слова-указатели», «слова – заместители названий». Такие слова могут замещать существительные, прилагательные, числительные, наречия, глаголы [Маслов, 1987, с. 92–95, 166–167].

Согласно классификации А. А. Драгунова, выполненной на материале современного китайского языка, слова-заместители (代词 *дайцы*) являются отдельной частью речи («части речи» в терминологии А. А. Драгунова – это 实词 *шицы* ‘полные слова’, в отличие от «частей речи» – 虚词 *сюйцы* ‘пустых слов’), перекрещивающейся с категориями имени и предикатива [Драгунов, 1952, с. 13]. То есть, слова-заместители могут замещать как имена (это местоимения), так и предикативы (это местопредикативы). Местоимения бывают личные (我 *во* ‘я’, 你 *ни* ‘ты’, 您 *нинь* ‘Вы’, 他 *та* ‘он’), вопросительные (谁 *шуй* ‘кто’, 什么 *шэньмэ* ‘что’), детерминативы / детерминативные слова (这 *чжэ* ‘этот’, 那 *на* ‘тот’, 哪 *на* ‘который, какой’, 每 *мэй* ‘каждый, всякий’, 各 *гэ* ‘каждый’, 自 *цзы* ‘сам, лично’, 别 *бе* ‘другой’, 下个 *сягэ* ‘следующий, ближайший’, 那儿 *нар* ‘там’, 这儿 *чжэр* ‘здесь’, 哪儿 *нар* ‘где’). К местопредикативам относятся: 那样 *наян* ‘таким образом’, 这么样 *чжэмэян* ‘так’, 怎么样 *цзэньмэян* ‘каким образом’, 那么 *намэ* ‘так’, 这么 *чжэмэ* ‘так’, 怎么 *цзэньмэ* ‘как’. Слово-заместитель может замещать даже целое предложение, тогда его можно назвать местопредложением [Драгунов, 1952, с. 215–228]. С. Е. Яхонтов в классификации слов древнекитайского языка местоимения относит к «пустым словам», выделяя вопросительные и невопросительные местоимения, либо личные, указательные и определительные; отдельно отмечает слово 然 *жань* ‘так’, которое соотносится с предикативом, а не с именем, в отличие от других местоимений [Яхонтов, 1965, с. 38, 65–74]. В настоящем исследовании мы не будем развернуто представлять подходы к описанию категории 代词 *дайцы* в отечественной синологии, поскольку нас главным образом интересует предлагаемый терминологический аппарат, который существенных изменений в последующих работах не претерпел. Терминологически новый вариант был предложен О. М. Готлибом: 代词 *дайцы* он называет ‘местословиями’. Выделяются местословия личные, вопросительные, указательные (указательные местословия могут замещать существительные, прилагательные, наречия степени) [Готлиб, 2008, с. 83–84].

Таким образом, 代词 *дайцы*⁴ – это такой класс слов, который может замещать слова других классов, а также единицы более высокого порядка, чем слово. Слова данного класса ничего не называют (точнее, у них отсутствует постоянный класс денотации [Селиверстова, 1988, с. 51]), их значение определяется контекстом. В рамках данной работы для наименования этой категории на русском языке мы будем пользоваться вариантом «местословия», хотя

² В. М. Алпатов вообще китайский язык относит к «словарным» языкам, противопоставляя их «грамматическим» (см., например, [Алпатов, 2017, с. 233–235]).

³ Т. е. набора понятий и терминов определенной эпохи.

⁴ Досл. ‘замещающие слова’: 代 *дай* ‘заменять, замещать’ + 词 *цы* ‘слово’.

варианты «слова-заместители», «указательно-заместительные слова» и т. п. нам видятся также вполне оправданными и отражающими специфику категории 代词 дайцы.

Для обозначения рассматриваемого класса слов в китайском языке термин 代词 дайцы стал употребляться не сразу. Можно изучить эволюцию грамматического описания данной категории в соответствии с устоявшимся хронологическим делением на традиционное и современное китайское языкознание, рубежом между которыми является 1898 г.⁵ – выход в свет первой грамматики китайского автора – 《马氏文通》 «Ма ши вэнь тун» Ма Цзяньчжуна 马建忠.

Традиционный период развития китайского языкознания

В этот период грамматические (или даже «дограмматические») исследования носят довольно разрозненный характер, что связано с отсутствием системного описания грамматических явлений, начавшегося лишь после 1898 г. Однако на материале словарей служебных слов можно рассмотреть средства грамматического представления интересующей нас категории⁶.

В 《说文解字》 «Шо вэнь цзе цзы» (121) Сюй Шэня 许慎, например, слово 者 чжэ ‘тот, кто’ трактуется как 别事词 бе ши цы ‘служебное слово, отграничивающее событие’⁷. В словаре Лу Ивэя 卢以纬 1324 г. мы не находим специальных терминов для указания на место-словия, дается только толкование значения. Например: “其”字是指那事、物而言 其 ци ‘то’ [употребляется, когда] говорится про определенное событие или предмет; 有不指名其人、指名其事, 但以“或”字代之者 [если нужно], не называя человека, сказать что-то о нем, можно его заменить знаком 或 хо ‘некто’ и т. д. [Лю Яньвэнь, 1986, с. 4, 24]. Само включение 其 ци ‘то’ в данную монографию свидетельствует о том, что Лу Ивэй относит его к 语助 юйчжю ‘служебным словам’. В 《虚字说》 «Сюйцзы шо» (1710) Юань Жэньлиня 袁仁林 поясняется, например, что знак 其 ци ‘то’ – это 指物之辞 чжи у чжи цы ‘слово, указывающее на вещь’ [Юань Жэньлинь, 1989, с. 42]. Ван Иньчжи 王引之 в своей работе 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» (1798) отмечает среди прочих следующие виды 词 цы ‘служебных слов’: 状事之词 чжуан ши чжи цы ‘слова, описывающие предметы’, 指物之词 чжи у чжи цы ‘слова, указывающие на вещи’, 指事之词 чжи ши чжи цы ‘слова, указывающие на предметы’⁸.

До 1898 г. китайские лингвисты уделяли внимание изучению лексических единиц категории 代词 дайцы, однако в силу того, что в целом исследования данного периода носили комментаторский характер и были представлены в лексикографической форме, описания 代词 дайцы не были системными, т. е. не рассматривались в качестве составляющего элемента определенной (грамматической) системы. В целом 代词 дайцы относились к служебным словам (词 цы, 辞 цы, 语助 юйчжю и т. п.).

⁵ Конечно, это очень общее деление. Описание некоторых более детальных вариантов периодизации истории китайского языкознания см., например, [Чэнь Чанлай, 2018, с. 117].

⁶ Хотя лексические единицы категории 代词 дайцы уже можно найти, например, в таком фундаментальном для китайской филологии труде, как 《尔雅》 «Эрья» (см. [Шишмарева, 2016, с. 142].

⁷ Сюй Шэнь. Шо вэнь цзе цзы [许慎. 说文解字]. Объяснение простых и толкование сложных знаков. Режим доступа: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения 01.07.2021).

⁸ Кирюхина Л. В. Служебные слова в словаре «Цзин чжуань ши цы» (к вопросу о грамматической терминологии) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 105–113. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4003/ (дата обращения 01.07.2021).

Современный период развития китайского языкознания

С XX в. изучение 代词 *дайцы* (впрочем, как и грамматических явлений в целом) ведется довольно активно. Китайские исследователи Цао Вэй 曹炜 и Ли Лу 李璐 отмечают, что в XX в. можно выделить три этапа исследований 代词 *дайцы*: 1) с конца XIX в. до конца 70-х гг. XX в. – начало изучения местословий; 2) 80-е гг. XX в. – стремительный подъем исследований; 3) 90-е гг. XX в. – продолжение подъема и переход к зрелости исследований [Цао Вэй, Ли Лу, 2018, с. 103]. Рассмотрим интерпретации категории 代词 *дайцы*, предложенные отдельными авторами современного периода китайского языкознания.

В уже упоминавшейся первой китайской грамматике «Ма ши вэнь тун» местословия названы автором 代字 *дайцзы* и отнесены к 实字 *шицзы* ‘знаменательным словам’⁹. Ма Цзяньчжун пишет, что 代字 *дайцзы* 指名 *чжи мин* ‘указывают на существительные (имена)’ и выделяет следующие четыре вида местословий: 1) 指名代字 *чжи мин дайцзы* ‘местословия, указывающие на существительные’: 指所语者 *чжи со юй чжэ* ‘указывающие на говорящего’ (发语者 *фа юй чжэ* ‘местословия первого лица’¹⁰ 吾 *у*, 我 *во*, 余 *юй*, 予 *юй*; 与语者 *юй юй чжэ* ‘местословия второго лица’¹¹ 尔 *эр*, 汝 *жу*, 而 *эр*, 若 *жо*; 所为语者 *со вэй юй чжэ* ‘местословия третьего лица’¹² 彼 *би*, 夫 *фу*, 之 *чжи*) и 指前文者 *чжи цян вэнь чжэ* ‘указывающие на предыдущий текст’ (之 *чжи*, 其 *ци*, 此 *цы*, 是 *ши* со значением ‘этот’); 2) 接读代字 *цзе доу дайцзы* ‘местословия, соединяющие фразы’ (其 *ци* ‘кто; что; который’, 所 *со* ‘тот, кого; то, что’, 者 *чжэ* ‘тот, кто; то, что’¹³); 3) 询问代字 *сюньвэнь дайцзы* ‘вопросительные местословия’ (谁 *шуй* ‘кто’, 孰 *шу* ‘который’, 何 *хэ* ‘какой’; 奚 *си* ‘почему’, 胡 *ху* ‘какой’, 曷 *хэ* ‘как же’, 恶 *у* ‘откуда’, 安 *ань* ‘где уж’, 焉 *янь* ‘куда’); 4) 指示代字 *чжиши дайцзы* ‘указательные местословия’ (逐指者 *чжу чжи чжэ* ‘последовательно указывающие’: 每 *мэй* ‘каждый’, 各 *гэ* ‘всякий’; 特指者 *тэ чжи чжэ* ‘только указывающие’: 夫 *фу* ‘тот, этот’, 是 *ши* ‘этот’, 若 *жо* ‘этот’, 彼 *би* ‘тот’, 此 *цы* ‘этот’; 约指者 *юэ чжи чжэ* ‘неопределенно указывающие’: 皆 *цзе* ‘все’, 悉 *си* ‘полностью’, показывающее завершение перечисления 等 *дэн*, 诸 *чжу* ‘все’; 互指者 *ху чжи чжэ* ‘указывающие на обоюдность’: 自 *цзы* ‘сам, отдельно’, 与 *юй* ‘совместно’, 相 *сян* ‘взаимно’, 交 *цяо* ‘вместе’) [Ма Цзяньчжун, 2010, с. 36–85]. Ма Цзяньчжун детально рассматривает, как могут употребляться 代字 *дайцзы*, какие 次 *цы* ‘позиции’ могут занимать (в качестве каких ‘падежей’ они могут функционировать)¹⁴.

Ли Цзиньси 黎锦熙 в своей «Грамматике...»¹⁵ 1924 г., являющейся первым опытом описания современного китайского языка, категории 名词 *минцы* ‘существительные’ и 代名词

⁹ Использование знака 字 *цзы* связано с тем, что «Грамматика...» Ма Цзяньчжуна была выполнена на материале письменного языка, где слова главным образом односложные. В настоящее же время используется знак 词 *цы*, поскольку изучаются слова, которые могут состоять из нескольких иероглифов.

¹⁰ Досл. ‘произносящий речь’.

¹¹ Досл. ‘к кому обращена речь’.

¹² Досл. ‘о чем/о ком идет речь’.

¹³ Примечательно, что на начальном этапе исследований к классу местословий относили слова типа 者 *чжэ* и 所 *со*. В отечественной синологии также отношение к указанным лексическим единицам неоднозначное. Так, И. С. Гуревич и И. Т. Зограф [Гуревич, Зограф, 1969. С. 124], как и Т. Н. Никитина [Никитина, 1982. С. 57–62], считают их местоимениями, в работе же С. Е. Яхонтова [Яхонтов, 1965. С. 88–93], а также в словаре под редакцией М. И. Ошанина [Большой китайско-русский словарь..., 1983. С. 591, 733] они названы служебными словами.

¹⁴ Под 次 *цы* Ма Цзяньчжун понимает положение, которое существительные или местословия могут занимать по отношению к другим словам.

¹⁵ 《新著国语文法》《Синьчжу гоуй вэньфа》.

дайминцы ‘местоимения’ относит к 实体词 实体词 ‘предметным словам’¹⁶. Отмечено, что местоимения замещают существительные. Было выделено четыре вида 代名词 代名词: 1) 称谓代名词 称谓代名词 ‘называющие’¹⁷ (местоимения первого лица 自称 自称 ‘себя называющие’, второго лица 对称 对称 ‘[находящегося] напротив называющие’, третьего лица 他称 他称 ‘его называющие’); 2) 指示代名词 指示代名词 ‘указательные’ (近称 近称 ‘называющие близко [находящееся]’: 这 这 ‘этот’, 这样 这样 ‘так’, 这里 这里 ‘здесь’; 远称 远称 ‘называющие далеко [находящееся]’: 那 那 ‘тот’, 那样 那样 ‘так’, 那里 那里 ‘там’); 3) 疑问代名词 疑问代名词 ‘вопросительные’ (谁 谁 ‘кто’, 什么 什么 ‘что’); 4) 连接代名词 连接代名词 ‘соединительные’ (的 的, 所 所). Ли Цзиньси отмечает, что вместо личных местоимений могут использоваться специальные обращения, например, 小弟 小弟 ‘Ваш младший брат’ для первого лица, 先生 先生 ‘господин’, 列位 列位 ‘господа’ для второго, 令兄 令兄 ‘Ваш старший брат’ для третьего лица [Ли Цзиньси, 2007, с. 18, 21, 99–107].

Люй Шусян 吕叔湘 в двухтомном «Очерке грамматики китайского языка»¹⁸ для обозначения рассматриваемой категории пользуется термином 指称词 指称词 ‘личными’¹⁹. 指称词 指称词 могут быть 有定 有定 ‘определенные’ и 无定 无定 ‘неопределенные’. К определенным относятся 三身指称词 三身指称词 ‘личные’²⁰, которые могут быть 第一身的 第一身的 ‘первого лица’, 第二身的 第二身的 ‘второго лица’, 第三身的 第三身的 ‘третьего лица’, кроме того, косвенно роль личных местословий могли выполнять 相 相 ‘взаимно’ и показатель пассива 见 见, а также в роли местословий могут употребляться 尊称 尊称 ‘почтительные именованья’ и 谦称 谦称 ‘самоуничижительные именованья’ (например, 君 君 ‘Милостивый государь’, 臣 臣 ‘Ваш покорный слуга’); 确定指称词 确定指称词 ‘определяющие’ (这 这, 此 此, 是 是 ‘этот’, 那 那, 彼 彼, 其 其 ‘тот’); также определенные местословия могут указывать на признак или степень: 这么 (样) 这么 (样) ‘этак, настолько’, 那么 (样) 那么 (样) ‘так, настолько’. Неопределенные местословия можно разбить на вопросительные²¹ и количественные²². 疑问指称词 疑问指称词 ‘вопросительные местословия’: 谁 谁 ‘кто’, 孰 孰 ‘который’, 什么 什么 ‘что’, 何 何 ‘какой’, 哪 哪 ‘который’, 怎么 怎么 ‘как’, 做什么 做什么 ‘зачем’ и т. д. Что касается 数量代称 数量代称 ‘замещения при помощи числительных’, то здесь главные образом речь идет о замещении существительного сочетанием числительного со счетным словом либо о субстантивации при помощи слова 的 的 [Люй Шу-сян, 1965, с. 45–118]. Слова 者 者 и 所 所 Люй Шусян не относит к местословиям, он отмечает, что 者 者 завершает оформление атрибутивного словосочетания, если опущено определяемое слово, а 所 所 указывает на определяемое слово и придает словосочетанию законченное оформление. Кроме того, отдельно рассматриваются слова типа 这儿 这儿 ‘здесь’, 那儿 那儿 ‘там’, они названы 称代性的方所词 称代性的方所词 ‘местословия-локативы’²³. Позднее

¹⁶ Ли Цзиньси разграничивает 字 字 и 词 词, отмечая, что 字 字 – это отдельный иероглиф, а 词 词 выражает какое-то понятие. 字 字 может быть 词 词, но 词 词 может состоять из двух и более 字 字 [Ли Цзиньси, 2007, с. 16].

¹⁷ Т. е. ‘личные’.

¹⁸ 《中国语法要略》《Чжунго вэньфа яолюэ», 1942 г., 1944 г.

¹⁹ Досл. ‘указывающие [и] называющие слова’. В русском переводе 1961 г., 1965 г. дается вариант перевода ‘указательные слова (местоимения)’.

²⁰ Досл. ‘слова, указывающие на [одно из] трех лиц’.

²¹ 与疑问有关的 与疑问有关的 ‘имеющие отношение к [категории] вопроса’.

²² 与数量有关的 与数量有关的 ‘имеющие отношение к [категории] количества’ (‘местословия-числительные’).

²³ Досл. ‘носящие характер местословий слова со значением места’.

Люй Шусян несколько пересмотрел свою классификацию, так, в словаре «800 слов современного китайского языка»²⁴, изданном под его редакцией, находим: 指代词 *чжидайцы* ‘указательно-замещающие слова’ включают 指别词 *чжибецы* ‘указывающие слова’ и 称代词 *чэндайцы* ‘замещающие слова’, причем многие слова могут относиться и к тому, и к другому классу. 指代词 *чжидайцы* ‘указывающие слова’ бывают четырех видов: 人称代词 *жэньчэн дайцы* ‘личные’, 定指指代词 *динчжи чжидайцы* ‘определенные’, 不定指指代词 *бу динчжи чжидайцы* ‘неопределенные’, 其他指别词 *цита чжибецы* ‘другие’ [Сяньдай ханьюй, 1999, с. 15].

В работе «Основы китайской грамматики»²⁵ Ван Ли 王力 пишет, что, не обозначая что-то конкретное, 代词 *дайцы*²⁶ замещают знаменательные части речи, тем самым занимают «пограничное положение», поэтому Ван Ли называет их 半虚词 *баньсюйцы* ‘полуслужебными’, относит к 语法成分 *юйфа чэнфэнь* ‘грамматическим элементам’. 代词 *дайцы* разделены на семь групп: 1) 人称代词 *жэньчэн дайцы* ‘личные’²⁷; 2) 无定代词 *удин дайцы* ‘неопределенные’ (人家 *жэньчэя* ‘другой’, 别人 *бежэнь* ‘другой’); 3) 复指代词 *фучжи дайцы* ‘возвратное’ (自己 *цзыцзи* ‘сам’); 4) 相互代词 *сянху дайцы* ‘взаимное’ (相 *сян* ‘друг друга’); 5) 被饰代词 *бэйши дайцы* ‘определяемое’ (者 *чжэ* ‘тот, кто’); 6) 指示代词 *чжиши дайцы* ‘указательные’ (这 *чжэ* ‘этот’, 那 *на* ‘тот’); 7) 疑问代词 *ивэнь дайцы* ‘вопросительные’ (谁 *шуй* ‘кто’, 怎 *цзэнь* ‘как’) [Ван Ляо-и, 1954, с. 46, 56–75]. Так как 代词 *дайцы* в основном замещают существительные, отмечает Ван Ли, это дало основание некоторым авторам называть их 代名词 *дайминцы* ‘местоимениями’, однако они могут замещать и прилагательные, и глаголы, в связи с чем Ван Ли считает правильным термин 代词 *дайцы*.

Чжу Дэси 朱德熙 в «Лекциях по грамматике»²⁸ 代词 *дайцы* ‘местословия’ относит к 实词 *шицы* ‘знаменательным словам’. 实词 *шицы* ‘знаменательные слова’ он разделяет на 体词 *тицы* ‘предметные слова’ и 谓词 *вэйцы* ‘предикативные слова’, соответственно, на основе выполняемой грамматической функции местословия можно разделить на 体词性 *тицысин* ‘предметные’ и 谓词性 *вэйцысин* ‘предикативные’. Автор выделяет три вида местословий: 人称代词 *жэньчэн дайцы* ‘личные’, 指示代词 *чжиши дайцы* ‘указательные’, 疑问代词 *ивэнь дайцы* ‘вопросительные’. Местословия, как отмечает Чжу Дэси, могут заменять и синтагмы²⁹ [Чжу Дэси, 1982, с. 80].

Современные лингвисты предлагают различные подходы к описанию грамматического строя китайского языка, что находит отражение и в частеречных классификациях. В «Грамматике...»³⁰ Син Фуи 邢福义, первое издание которой вышло в 1996 г., автор говорит о том, что грамматические признаки слова проявляются только при включении в 小句 *сяоцзюй* ‘клаузу’³¹ [Син Фуи, 2019, с. 19], именно клауза является центральным узлом в его грамматической теории. Син Фуи считает целесообразным классифицировать слова на 成分词 *чэнфэньцы* ‘слова, способные выступать членами предложения’ и 非成分词 *фэйчэнфэньцы* ‘слова, неспособные быть членом предложения’. Отдельно стоят 特殊成分词 *тэшу чэнфэньцы* ‘особые слова, способные выступать членами предложения’, к которым относятся 代词 *дай-*

²⁴ 《现代汉语八百词》《Сяньдай ханьюй бабай цы», 1980 г.

²⁵ 《中国语法纲要》《Чжунго юйфа ганьяо», 1946 г.

²⁶ В русском переводе 1954 г. дается вариант ‘слова-заместители’.

²⁷ Досл. ‘людей называющие местословия’.

²⁸ 《语法讲义》《Юйфа цзяньи», 1982 г.

²⁹ 主谓结构 *чжувэй цзегоу* ‘субъектно-предикативные конструкции’.

³⁰ 《汉语语法学》《Ханьюй юйфасюэ».

³¹ Под «клаузой» автор понимает простое предложение или часть сложносочиненного предложения, которая по структуре в целом соответствует простому предложению.

цы ‘местословия’³². Слова данного класса могут выступать в качестве любого члена предложения, их синтаксические функции – совокупность синтаксических функций существительного, глагола, прилагательного, наречия, числительного и др. Система местословий состоит из: 人称代词 *жэньчэн дайцы* ‘личных’, 指示代词 *чжиши дайцы* ‘указательных’, 疑问代词 *ивэнь дайцы* ‘вопросительных’. Кроме того, есть и другие, которые могут указывать на участников ситуации (自己 *цыци* ‘сам’, 大家 *дацзя* ‘все’), особые указательные местословия (每 *мэй* ‘каждый’, 某 *моу* ‘некий’, 互相 *хусян* ‘взаимный’) [Син Фуи, 2019, с. 282–292].

Комплексную теорию синтаксических классов слов предлагает Го Жуй 郭锐. В его «Исследовании...»³³ 2002 г. на основе синтаксических возможностей лексических единиц выделено 20 классов слов, среди которых отдельно стоит класс 代词 *дайцы* ‘местословий’. Кроме того, одним из классов являются 指示词 *чжишици* ‘указательные слова’ (т. е., в отличие от представленных выше работ, указательные слова не включены в состав местословий). 指示词 *чжишици* в уровневой классификации Го Жуя на первом уровне – это 组合词 *цзухэци* ‘слова, [которые могут] сочетаться [с другими словами]’, на втором – 实词 *шици* ‘знаменательные слова’, далее – 饰词 *шици* ‘слова, [которые могут выступать в качестве] определения’ и наконец – 限定词 *сяньдинци* ‘уточняющие слова’ [Го Жуй, 2002, с. 29]. 指示词 *чжишици* могут быть: 定指 *динчжи* ‘определенные’ (此 *ци* ‘этот’, 那 *на* ‘тот’, 本 *бэнь* ‘данный’), 不定指 *будинчжи* ‘неопределенные’ (某 *моу* ‘некто’), 任指 *жэньчжи* ‘произвольные’ (每 *мэй* ‘каждый’), 另指 *линчжи* ‘обвиативные’ (另 *лин* ‘другой’, 另外 *линвай* ‘иной’, 其他 *цита* ‘прочий’) [Го Жуй, 2002, с. 225–226]. 代词 *дайцы* ‘местословия’ включают: 人称代词 *жэньчэн дайцы* ‘личных’, 疑问代词 *ивэнь дайцы* ‘вопросительные’, 指示代词 *чжиши дайцы* ‘указательные’ (这里 *чжэли* ‘здесь’, 那 *на* ‘тот’, 此 *ци* ‘этот’, 这样 *чжэян* ‘так’). С точки зрения выполняемых грамматических функций (т. е. в зависимости от того, какой класс замещают), местословия могут быть разделены на: 动词性代词 *дунцысин дайцы* ‘глагольные’ (这样 *чжэян* ‘так’, 怎样 *чжэян* ‘как’), 名词性代词 *минцысин дайцы* ‘именные’ (сюда относятся личные местословия, вопросительные, указательные 这 *чжэ* ‘этот’ и 那 *на* ‘тот’), 处所词性代词 *чусоцысин дайцы* ‘локативные’ (这里 *чжэли* ‘здесь’, 哪儿 *нар* ‘где’), 时间词性代词 *шицзяньцысин дайцы* ‘темпоративные’ (那时 *наши* ‘тогда’, 这会儿 *чжэхуэйр* ‘сейчас’), 数词性代词 *шуцысин дайцы* ‘числовые’ (几 *ци* ‘сколько’, 多少 *дошао* ‘сколько’), 数量词性代词 *шуяньцысин дайцы* ‘количественные’ (多少 *дошао* ‘сколько’), 副词性代词 *фуцысин дайцы* ‘наречные’ (这么 *чжэмэ* ‘так’, 多么 *домэ* ‘насколько’) [Го Жуй, 2002, с. 238–240]. В данной классификации, основывающейся на грамматических функциях, некоторые слова могут относиться не к одному классу.

В русле когнитивного направления выполнена, например, классификация Юань Юйлина 袁毓林. Части речи представляются как прототипические категории, предлагается шкала для оценки степени принадлежности слова к тому или иному классу. 代词 *дайцы* ‘местословия’ могут быть: 体词性的 *тицысиндэ* (или 体代词 *тидайцы*) ‘предметные’ (我 *во* ‘я’, 自己 *цыци* ‘сам’, 别人 *бежэнь* ‘другой’, 这 *чжэ* ‘этот’, 哪儿 *нар* ‘где’) и 谓词性的 *вэйцысиндэ* (или 谓代词 *вэйдэйцы*) ‘предикативные’ (这样 *чжэян* ‘так’, 那么 *намэ* ‘так’, 怎么样 *чжэньмэян* ‘как’). Критерии для оценки степени принадлежности слова к категории местословий: 1) может выступать в роли классического³⁴ подлежащего и/или дополнения; 2) не может быть оформлено сочетанием числительного со счетным словом, прилагательным или структурой 的 *дэ*, также обычно не может выступать как определяемое слово номинативного элемента³⁵; 3) не

³² В русском переводе 2019 г. дается вариант ‘местоимения’.

³³ 《现代汉语词类研究》《Сяньдай ханьюй цылэй яньцзю》.

³⁴ Типичный *дяньсиндэ*.

³⁵ 名词性成分的 *минцысин чэнфэньдэ*.

может быть оформлено при помощи 很 *хэнь* ‘очень’ и других наречий степени, а также не оформляется словами состояния; 4) не принимает после себя дополнение и комплемент, а также не может быть ядром глагольно-объектных и глагольно-результативных словосочетаний; 5) либо может быть оформлено 不 *бу* ‘не’, 也 *е* ‘также’ и другими наречиями, либо не может постпозитивно оформляться структурой местонахождения с односложными директивами, затем выступать в качестве дополнения 在 *цзай* ‘в’, 到 *дао* ‘до’, 从 *цун* ‘от’ и других предлогов [Юань Юйлинь, 2010, с. 171–176]. При осуществлении данной классификации автор опирается на синтаксические возможности лексических единиц, а также на сочетаемость со словами других классов³⁶.

Местословия как отдельная, дублирующая 实词 *шици* ‘знаменательные слова’ категория выделена в «Описательной грамматике...»³⁷ под редакцией Чжан Биня 张斌. 实词 *шици* ‘знаменательные слова’ включают 体词 *тици* ‘предметные слова’, 谓词 *вэйци* ‘предикативные слова’ и 加词 *цзяси* ‘атрибутивные слова’ (классификация основывается на функциях, которые слова могут выполнять в предложении), соответственно, местословия могут быть трех видов: 代体词 *дайтици* ‘замещающие предметные слова’, 代谓词 *дайвэйци* ‘замещающие предикативные слова’, 代加词 *дайцзяси* ‘замещающие атрибутивные слова’. Авторы также указывают, что слова данного класса могут замещать словосочетания, предложения и даже еще более крупные единицы. Также приводится общепринятое деление на личные, указательные и вопросительные [Сяньдай ханьюй, 2010, с. 78, 184–192].

После 1898 г. грамматические исследования в Китае ведутся очень активно, отличаются от традиционного периода системностью. Для начального этапа характерно терминологическое разнообразие как для обозначения самой категории местословий, так и для обозначения их видов. С 80-х гг. XX в. терминологический аппарат и подсистема местословий в целом устоялись: используется термин 代词 *дайци*, выделяются личные, указательные и вопросительные местословия. С 90-х гг. XX в. китайские исследователи разрабатывают свои подходы в русле современных лингвистических теорий, поэтому место 代词 *дайци* в общей классификации частей речи, а также внутренняя организация данного класса разнятся в соответствии с используемым подходом.

Заключение

Проведенный анализ работ китайских ученых демонстрирует этапность развития лингвистической науки в Китае. До 1898 г. местословия рассматривались среди прочих служебных слов в специальных словарях. Тогда ход языковедческих исследований определяло комментаторство, главный акцент делался на описание семантики и употребления языковых единиц, терминологического единства в работах не наблюдалось. При переходе же к современному этапу на первый план выходит грамматическое описание, когда язык представляется как некая система. Работы Ма Цзяньчжуна, Ли Цзиньси, Люй Шусяна, Ван Ли демонстрируют терминологический поиск грамматистов, а также формирование внутренней системы местословий, окончательный вариант которой в целом представлен, например, в «Лекциях...» Чжу Дэси. Исследования конца XX – начала XXI в. таких авторов, как Син Фуи, Го Жуй, Юань Юйлинь, Чжан Бинь отражают тенденцию китайского языкознания применять общелингвистические теории к китайскому языку и предпринимать попытки создавать такие грамматические описания, в которых максимально адекватно могут быть представлены факты китайского языка. Синтаксические свойства языковых единиц играют значительную роль при разработке системы грамматического описания, что обусловлено типологическими особенностями китайского языка как представителя языков изолирующего строя. Данный факт

³⁶ Что в целом напоминает критерии А. А. Драгунова [Драгунов, 1952].

³⁷ 《现代汉语描写语法》《Сяньдай ханьюй мяосе юйфа》, 2010 г.

находит отражение в рассмотренных классификациях³⁸, опирающихся на функциональные характеристики лексических единиц.

Список литературы

- Алпатов В. М.** Знаменательные части речи в японском языке // Части речи. Теория и типология. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990а. С. 167–179.
- Алпатов В. М.** О сопоставительном изучении лингвистических традиций (К постановке проблемы) // Вопр. языкозн. М.: Наука, 1990б. № 2. С. 13–25.
- Алпатов В. М.** Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языкознания. М.: Изд. дом ЯСК: Языки слав. культуры, 2017. 520 с.
- Бокадорова Н. Ю.** Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке. М.: Наука, 1987. 152 с.
- Большой китайско-русский словарь по русской графической системе / Под ред. И. М. Ошанина: В 4 т. М.: ГРВЛ, 1983. Т. 2. 1097 с.
- Ван Ляо-и.** Основы китайской грамматики. М.: Иностр. лит., 1954. 263 с.
- Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русс. культуры, 1999. 780 с.
- Готлиб О. М.** Практическая грамматика современного китайского языка. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. 287 с.
- Гуревич И. С., Зограф И. Т.** О некоторых изменениях в грамматическом строе китайского языка III–XIV вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткое содержание докладов V Годиной научной сессии ЛО ИВ АН. Май 1969 года. Л., 1969. С. 123–126.
- Драгунов А. А.** Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 232 с.
- Люй Шу-сян.** Очерк грамматики китайского языка. М.: Наука, 1965. Т. 2, ч. 1: Категории. 349 с.
- Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1987. 272 с.
- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. М.; Вена: Языки рус. культуры: Венский славист. альманах, 2000. Т. 3. 368 с.
- Никитина Т. Н.** Грамматика древнекитайских текстов. Синтаксические структуры. Л.: ЛГУ, 1982. 132 с.
- Ольховиков Б. А.** Общая теория языка. Античность – XX век. М.: Академия, 2007. 304 с.
- Селиверстова О. Н.** Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
- Син Фуи.** Грамматика китайского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 764 с.
- Солнцев В. М.** Введение в теорию изолирующих языков. М.: Вост. лит., 1995. 352 с.
- Солнцева Н. В.** Проблемы типологии изолирующих языков. М.: ГРВЛ, 1985. 256 с.
- Цзинь Т.** Европейская и китайская лингвистические традиции как вариации мировидения // Язык и культура. 2020. № 49. С. 120–137. DOI 10.17223/19996195/49/7
- Шишмарева Т. Е.** Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 289 с.
- Яхонтов С. Е.** Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965. 115 с.
- Croft W.** Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001. 448 p.
- Flexible Word Classes: Typological studies of underspecified parts of speech. Ed. by Jan Rijkhoff and Eva van Lier. Oxford, Oxford Uni. Press, 2013. 352 p.

³⁸ Причем это относится и к наиболее ранним работам современного этапа развития китайского языкознания.

- Го Жуй.** Сяньдай ханьюй цылэй яньцзю [郭锐. 现代汉语词类研究]. Исследование частей речи современного китайского языка. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 2002. 320 с. (на кит. яз.)
- Ли Цзиньси.** Синьчжу гоуй вэньфа [黎锦熙. 新著国语文法]. Новая грамматика государственного языка. Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ, 2007. 347 с. (на кит. яз.)
- Лю Яньвэнь.** Юйчжу цзяочжу [刘燕文. 语助校注] «Юйчжу» с комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (на кит. яз.)
- Ма Цзяньчжун.** Ма ши вэнь тун [马建忠. 马氏文通]. Грамматика Ма Цзяньчжуна. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 2010. 473 с. (на кит. яз.)
- Сяньдай ханьюй бабай цы [现代汉语八百词]. 800 слов современного китайского языка / под ред. Люй Шусяна. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1999. 760 с. (на кит. яз.)
- Сяньдай ханьюй мяосе юйфа [现代汉语描写语法]. Описательная грамматика современного китайского языка / Под ред. Чжан Биня. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 2010. 1306 с. (на кит. яз.)
- Цао Вэй, Ли Лу.** Эрши шицзи баши няндай ицяньдэ ханьюй дайцы яньцзю – ханьюй дайцы яньцзюши чжи фажэнь чэнчанци [曹炜、李璐. 20 世纪 80 年代以前的汉语代词研究——汉语代词研究史之发轫成长期]. Исследования китайских местословий до 80х годов XX века – Период зарождения и становления истории изучения китайских местословий // Цзяннань дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань) [江南大学学报(人文社会科学版)] Вестн. Цзяннаньского ун-та (Сер. Соц.-гуманит. науки). 2018. № 4. С. 103–108. (на кит. яз.)
- Чжу Дэси.** Юйфа цзяньи [朱德熙. 语法讲义]. Лекции по грамматике. Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1982. 231 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Чанлай.** Чжунго юйяньсюэши яньцзюдэ сяньчжуан хэ сыкао [陈昌来. 中国语言学史研究的现状和思考]. Современное состояние исследований истории китайского языкознания и некоторые размышления // Шанхай шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [上海师范大学学报(哲学社会科学版)] Вестн. Шанхайского пед. ун-та (Сер. Философия и обществ. науки). 2018. № 47 (3). С. 117–124. DOI 10.13852/J.CNKI.JSHNU.2018.03.014 (на кит. яз.)
- Юань Жэньлин.** Сюйцзы шо [袁仁林. 虚字说]. О пустых словах. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1989. 146 с. (на кит. яз.)
- Юань Юйлин.** Ханьюй цылэйдэ жэньши яньцзю хэ моху хуафэнь [袁毓林. 汉语词类的认识研究和模糊划分]. Когнитивное исследование и размытая классификация частей речи в китайском языке. Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2010. 443 с. (на кит. яз.)

References

- Alpatov V. M.** O sopostavitel'nom izuchenii lingvisticheskikh traditsii (K postanovke problemy) [Towards the comparative study of linguistic traditions (stating the problem)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. Moscow, Nauka Publ., 1990, no. 2, pp. 13–25. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniiya [Japanese Studies. Language theory. Sociolinguistics. History of linguistics]. Moscow, LRC Publishing House: Languages of Slavic Cultures, 2017, 520 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Znamenatel'nye chasti rechi v yaponskom yazyke [Content words in Japanese]. *Chasti rechi. Teoriya i tipologiya* [Parts of speech. Theory and typology]. Moscow, Nauka, 1990b, pp. 167–179. (in Russ.)

- Bokadorova N. Yu.** Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka. Struktura znaniya o yazyke [French linguistic tradition of the 18th – early 19th centuries. Structure of knowledge of the language]. Moscow, Nauka, 1987, 152 p. (in Russ.)
- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' po russkoi graficheskoi sisteme [Big Chinese-Russian dictionary: Arranged by Russian Graphical System]. In 4 vols. Ed. by I. M. Oshanina. Moscow, Nauka, 1983, vol. 2, 1097 p. (in Russ.)
- Cao Wei, Li Lu.** Ershi shiji bashi niandai yiqiande hanyu daici yanjiu – hanyu daici yanjiushi zhi faren chengzhangqi [曹炜、李璐。20 世纪 80 年代以前的汉语代词研究——汉语代词研究史之发轫成长期]. Studies of Chinese pronouns before the 80s of the XX century – The period of origin and formation of the history of the study of Chinese pronouns. *Jiangnan daxue xuebao (Renwen shehui kexue ban)* [Journal of Jiangnan University (Social Science Edition)], 2018, vol. 4, pp. 103–108. (in Chin.)
- Chen Changlai.** Zhongguo yuyanxueshi yanjiude xianzhuang he sikao [陈昌来。中国语言学史研究的现状和思考]. Current situation and reflections on the research of history of Chinese linguistics. *Shanghai shifan daxue xuebao (Zhexue shehui kexue ban)* [Journal of Shanghai Normal University (Philosophy & Social Sciences Edition)], 2018, vol. 47 (3), pp. 117–124. (in Chin.)
- Croft W.** Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001, 448 p.
- Dragunov A. A.** Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitaiskogo yazyka. Chasti rechi [Studies on modern Chinese grammar. Parts of speech]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, 232 p. (in Russ.)
- Flexible Word Classes: Typological studies of underspecified parts of speech. Ed. by Jan Rijkhoff and Eva van Lier. Oxford, Oxford Uni. Press, 2013, 352 p.
- Gotlib O. M.** Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka [Practical grammar of modern Chinese]. Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2008, 287 p. (in Russ.)
- Guo Rui.** Xiandai hanyu cilei yanjiu [郭锐。现代汉语词类研究]. Study on parts of speech in modern Chinese. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2002, 320 p. (in Chin.)
- Gurevich I. S., Zograf I. T.** O nekotorykh izmeneniyakh v grammaticheskom stroe kitaiskogo yazyka III – XIV vekov [Some changes in the grammatical structure of the Chinese language of the 3rd – 14th centuries]. In: Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Kratkoe soderzhanie dokladov V godichnoi nauchnoi sessii LO IV AN [Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. A summary of the reports of the V annual scientific session of the Leningrad Branch of the Academy of Sciences. May, 1969]. Leningrad, 1969, pp. 123–126. (in Russ.)
- Li Jinxi.** Xinzhu guoyu wenfa [黎锦熙。新著国语文法]. New grammar of national language. Changsha, Hunan jiaoyu chubanshe, 2007, 347 p. (in Chin.)
- Liu Yanwen.** Yuzhu jiaozhu [刘燕文。语助校注]. Notes on “Yuzhu”. Zhengzhou, Zhengzhou guji chubanshe, 1986, 85 p. (in Chin.)
- Lü Shuxiang.** Ocherk grammatiki kitaiskogo yazyka [Essay of Chinese grammar]. Moscow, Nauka, 1965, vol. 2, pt. 1: Kategorii [Categories], 349 p. (in Russ.)
- Ma Jianzhong.** Ma shi wen tong [马建忠。马氏文通]. Grammar of Ma Jianzhong. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2010, 473 p. (in Chin.)
- Maslov Yu. S.** Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 272 p. (in Russ.)
- Mel'chuk I. A.** Kurs obshchei morfologii [Course of general morphology]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Wiener Slawistischer Almanach Publ., 2000, vol. 3, 368 p. (in Russ.)
- Nikitina T. N.** Grammatika drevnekitaiskikh tekstov. Sintaksicheskie struktury [Grammar of ancient Chinese texts. Syntactic Structures]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1982, 132 p. (in Russ.)

- Olkhovikov B. A.** Obschchaya teoriya yazyka. Antichnost' – XX vek [General theory of language. Antiquity – 20th century]. Moscow, Akademia Publ., 2007, 304 p. (in Russ.)
- Seliverstova O. N.** Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]. Moscow, Nauka, 1988, 151 p. (in Russ.)
- Shishmareva T. E.** Kitaiskii slovar' "Er"ya" v ideograficheskom i etnokul'turnom aspektakh [Chinese dictionary "Erya" in ideographic and ethnocultural aspects]. Irkutsk, Irkutsk State Uni. Press, 2016, 289 p. (in Russ.)
- Soltsev V. M.** Vvedenie v teoriyu izoliruyushchikh yazykov [Introduction to the theory of isolating languages]. Moscow, "Vostochnaya Literatura" Publ., 1995, 352 p. (in Russ.)
- Soltseva N. V.** Problemy tipologii izoliruyushchikh yazykov [Problems of the typology of isolating languages]. Moscow, Nauka, 1985, 256 p. (in Russ.)
- Tszin T.** Evropeiskaya i kitaiskaya lingvisticheskie traditsii kak variatsii mirovideniya [European and Chinese linguistic traditions as variations of world vision]. *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*, 2020, vol. 49, pp. 120–137. (in Russ.) DOI 10.17223/19996195/49/7
- Wan Liaoyi.** Osnovy kitaiskoi grammatiki [Basics of Chinese grammar]. Moscow, Foreign Languages Publ., 1954, 263 p. (in Russ.)
- Wierzbicka A.** Semanticheskie universalii i opisanie yazykov [Semantic Universals and Language Description]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1999, 780 p. (in Russ.)
- Xiandai hanyu babai ci [现代汉语八百词]. 800 words of modern Chinese. ed. by Lü Shuxiang. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1999, 760 p. (in Chin.)
- Xiandai hanyu miaoxie yufa [现代汉语描写语法]. Descriptive grammar of modern Chinese. ed. by Zhang Bin. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2010, 1306 p. (in Chin.)
- Xing Fuyi.** Grammatika kitaiskogo yazyka [Chinese grammar]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2019, 764 p. (in Russ.)
- Yakhontov S. E.** Drevnekitaiskii yazyk [Ancient Chinese]. Moscow, Nauka, 1965, 115 p. (in Russ.)
- Yuan Renlin.** Xuzi shuo [袁仁林. 虚字说]. On function words. Beijing, Zhonghua shuju, 1989, 146 p. (in Chin.)
- Yuan Yulin.** Hanyu cileide renshi yanjiu he mohu huafen [袁毓林. 汉语词类的认识研究和模糊划分]. Cognitive research and fuzzy classification of parts of speech in Chinese. Shanghai, Shanghai jiaoyu chubanshe, 2010, 443 p. (in Chin.)
- Zhu Dexi.** Yufa jiangyi [朱德熙. 语法讲义]. Lectures on grammar. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1982, 231 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Любовь Владимировна Кирюхина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Lyubov V. Kiryukhina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 01.01.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 01.01.2022;
approved after review on 22.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 025.171; 23/28; 266.2; 281.93

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152

Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений

Дмитрий Иванович Маяцкий¹

Екатерина Александровна Завидовская²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

² Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Москва, Россия

² Брянский государственный университет
Брянск, Россия

¹ d.mayatsky@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4855-4585>

² katushaza@yahoo.com, <http://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Аннотация

Проводится систематизация трудов китаеведа и православного миссионера архимандрита Даниила (Д. П. Сивиллова, 1789–1871). Новизна заключается в обобщении известных данных о его научной и переводческой деятельности, выявлении пробелов в изучении переводов отца Даниила, в том числе православной литературы на китайский язык. Впервые обнаружены данные о трех ранее неизвестных манускриптах отца Даниила из коллекции китайских редких книг библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета – с текстами «Зерцала Православного исповедания» святого Димитрия Ростовского, «Слослова святого Геннадия», богослужений и молитв. Приводятся описания рукописей, исследуется и сравнивается их содержание. Устанавливается, что книги предлагают три варианта предисловия переводчика и краткий катехизис, предназначенные для разъяснения забывшим русский язык и веру потомкам албазинцев базовых постулатов христианства, а также – для практического обучения их необходимым в повседневной жизни христианским молитвам.

Ключевые слова

китайские рукописи, христианство в Китае, православие в Китае, православный катехизис, российское китаеведение, Даниил Сивиллов, Десятая русская православная миссия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация»

Для цитирования

Маяцкий Д. И., Завидовская Е. А. Синологические исследования архимандрита Даниила (Сивиллова) и его переводы на китайский язык православных сочинений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 141–152. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152

Studies in Sinology and Translations of the Russian Orthodox Works into Chinese by Archimandrite Daniil (Sivillov)

Dmitrii I. Maiatskii ¹

Ekaterina A. Zavidovskaya ²

¹ St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

² Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

² Bryansk State University
Bryansk, Russian Federation

¹ d.mayatsky@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4855-4585>

² katushaza@yahoo.com, <http://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Abstract

The paper aims to systematically review the works of the outstanding Russian sinologist, a missionary of the 10th Russian Ecclesiastical Mission in Beijing – Archimandrite Daniil (Dmitry P. Sivillov, 1789–1871). The novelty of the study is in the systematic analysis of already known facts about Sivillov's scholarly endeavors and translations replenished with new facts discovered by the authors, shedding light on Sivillov's translations of the works of the fathers of the Russian Orthodox church into Chinese. Three previously unknown hand-written translations of religious works made by Arch. Daniil are introduced for the first time. They are stored at the library of St. Petersburg State University and include: 'The Mirror of the Orthodox Confession' by St. Dimitry Rostovsky, 'The Hundred Words by St. Gennady', liturgical texts and prayers. The paper provides detailed accounts of these manuscripts and draws comparisons between them, concluding that the books contain three versions of the translator's preface and a short catechism translated into Chinese in order to introduce basic principles of the Christian religion to the descendants of the Albazinians (originally Russian nationals captured by the Qing) who had forgotten their fathers' language and religion. The purpose of these translations has also been in teaching this audience prayers required by the Russian Orthodox church for daily use.

Keywords

Chinese manuscripts, Christianity in China, Russian Orthodox Church in China, Orthodox catechism, Russian sinology, Daniil Sivillov, the tenth Russian ecclesiastical mission

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR and CASS, project number 21-59-93001 "Collections of Chinese Manuscripts and Early Printed Books in Scientific Institutions of St. Petersburg: Attribution, Research and Systematization"

For citation

Maiatskii D. I., Zavidovskaia A. E. Studies in Sinology and Translations of the Russian Orthodox Works into Chinese by Archimandrite Daniil (Sivillov). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 141–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-141-152

Введение

Архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1789–1871) был членом Десятой православной миссии в Пекине (1821–1830). Находясь в Китае (тогда еще в сане иеромонаха), он выполнял функции казначея миссии, совместно с другими миссионерами трудился над составлением китайско-русского словаря, переводил на китайский язык книги христианского содержания и на русский язык – древнекитайские канонические сочинения по истории, философии и религии. По возвращении из Китая был организатором преподавания китайского языка на Восточном факультете Казанского университета, где в 1837–1844 гг. занимал должность ординарного профессора на кафедре китайского языка. Отец Даниил по праву считается одним из основателей университетского китаеведения в России.

Научная, переводческая и преподавательская деятельность архимандрита до конца еще не изучена. Значительный вклад в дело ее освещения внесли работы П. Е. Скачкова [1977,

с. 123–124, 192–195, 417–419], А. Н. Хохлова, Л. В. Стеженской, А. И. Кобзева и В. Г. Дацишена. Немало данных о жизненном пути и деятельности архимандрита Даниила (Сивиллова), его изданных и неизданных трудах содержат статьи А. Н. Хохлова [2014; 1996; 1992].

Из публикаций П. Е. Скачкова [1977, с. 417–419] и А. Н. Хохлова известно, что печатных работ у отца Даниила выходило немного. В 1834 г. он в журнале «Отечественные записки» напечатал, видимо, свой первый труд с некоторыми сведениями о китайской грамматике, которые впоследствии были учтены академиком В. П. Васильевым (1818–1900) и А. О. Ивановским (1863–1903) при подготовке китайско-русского терминологического словаря, сохранившегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 775, оп. 1, д. 78, л. 207) [Хохлов, 2014, с. 497]. Небольшая часть трудов была опубликована в годы работы Д. П. Сивиллова в Казанском университете. В «Ученых записках, издаваемых Императорским Казанским университетом» выходил его «Перевод с китайского языка из книги под заглавием: Драгоценное зеркало для просвещения ума». В него вошли: «Предуведомление» и «Глава Первая. О снискании добродетели» (в кн. II, 1837 г.), «Глава Вторая. О промысле Неба» и «Глава Третья. О повиновении судьбе» (в кн. III, 1837 г.). Это перевод памятника XIV в. «Минсинь баоцзянь» (明心寶鑒), представляющего собой выдержки из древних классических трактатов. В тех же «Ученых записках» вышли две части «Всеобщей истории Китая. Перевод с китайского. В двух частях», с частью первой в книге IV (1837 г.) и частью второй в книге II (1838 г.). На рукописи этого труда из Архива Института восточных рукописей (ф. 42, оп. 2, № 12) стоит подпись Сивиллова с датой: «Сентября 19 дня 1855 года. Перевод “Всеобщей Истории”, написанной Джан-гэ-лао при династии Мин. Мотивы выбора для перевода: красноречивый слог, наилучший образец изложения. До Восточной Хань включительно». Подразумевается «Императорское зеркало» с иллюстрациями и толкованиями (帝鑑圖說 *Дицзянь тушо*, Чжан Гэлао 張閣老, 1475–1539).

Обширное рукописное наследие архимандрита Даниила не было опубликовано. В этой связи заслуживают внимания две рукописные статьи китаеведа, излагающие его видение духовно-ценностных основ китайской культуры: 1) «Краткое обозрение трех существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского и фоевского» (Автограф. 1831 г. 66 л., Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 608, № 50); 2) «Руководство к добродетели, почерпнутое из самых начал естественного разума, или нравственная философия Лао-цзы» (две тетради, 123+97 л., Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 273, № 2894). Наиболее весомый вклад в мировое китаеведение представляют его труды, исследующие канонические тексты – «Четырехкнижие», «Пятиканоние» и «Канон о дао и дэ». Так, А. Н. Хохлов особо отмечает, что многие годы жизни архимандрит Даниил посвятил переводу китайских классических книг. Ученым было найдено письмо архимандрита попечителю Казанского учебного округа (1827–1845 гг.) М. Н. Мусину-Пушкину от 1844 г., в котором сообщается:

«Переведены же мною следующие книги:

1) Четырехкнижие (Сы-шу), или философия Конфуция в 2-х частях.

2) Древняя летопись (Шу-цзин) в 2-х частях.

3) Собрание древних стихотворений в 2-х частях (Ши-цзин).

4) Философия Лао-цзы (Даодэ-цзин) в одной части.

5) Книжка под заглавием: “Драгоценное зеркало, в котором все кому можно видеть своё сердце” [*Мин-синбао-цзянь*. – А. Х.]» [Хохлов, 2014, с. 501].

А. Н. Хохлов сообщает, что архимандрит Даниил также рецензировал труды членов последующих миссий, в частности перевод Нового Завета, выполненный иеромонахом Гурием (Г. П. Карповым, 1814–1882) [Хохлов, 1996, с. 162].

Лишь малая часть трудов Д. П. Сивиллова была обнародована и изучена.

Ряд недавних статей Л. В. Стеженской посвящен переводу «Книги истории» (*Шуцзин* 書經), выполненному Сивилловым в начале 1840-х гг. (рукопись хранится в Архиве внешней политики Российской империи, ф. 152, оп. № 505, д. № 89) [Стеженская, 2017, 2021]. Этот

перевод был выполнен им в Казани и остался неопубликованным. Перевод «Шуцзина» требовался для обучения студентов. В качестве учебного пособия он использовался, по видимому, во всех читавшихся Д. П. Сивилловым курсах – китайского языка, истории Китая и китайских древностей. «Русский перевод архимандрита Даниила интересен тем, что он располагается примерно в середине хронологической последовательности европейских переводов «Шуцзина», что позволяет сравнивать его с другими переводами как в перспективе, так и в ретроспективе» [Стеженская, 2021б, с. 198]. Сравнив переводы памятника на ряд европейских языков и на русский, Л. В. Стеженская пришла к выводу, «что архимандрит Даниил в ряду своих разновременных и разноплеменных коллег-переводчиков раньше и лучше других уловил современную ему неоконфуцианскую тенденцию в толковании древнекитайского памятника» [Стеженская, 2021б, с. 201]. Исследование его перевода привело Л. В. Стеженскую к выводу о формировании «русской православной версии перевода «Шуцзина» в сопоставлении с французской иезуитской и английской протестантской версиями» [Стеженская, 2021а, с. 774].

В работе А. И. Кобзева, посвященной истории переводов и исследований канонического текста «Великое учение» (大學 *Дасюэ*), приведены сведения о переводе Д. П. Сивилловым и этого важного конфуцианского памятника (имеются три его рукописные версии от 1828, 1840, 1841–1842 гг.), указано, что в XIX в. появлялись переводы, сделанные разными профессиональными китаеведами с языка оригинала, при этом они оставались неизданными в отличие от более ранних переводов с французского, вызывавших большой интерес в обществе екатерининской эпохи [Кобзев, 2013, с. 159]. А. И. Кобзев опубликовал рукопись Сивиллова от 1828 г. с переводом этого памятника под названием «Любомудрие Конфуция, славного Китайского философа, преподанное им ученикам своим, а сими изложенное и на четыре части разделенное. Великое учение», хранящуюся в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (Отдел рукописей и редких книг, № 488, рукопись, 1828 г., 13 л.). Опубликован перевод девяти глав «Дасюэ» и приложение с еще одним незавершенным переводом вступления к этому памятнику [Кобзев, 2014, с. 232–239].

Остальные сивилловские переводы классических памятников («Шицзин», «Минсинь баоцзянь», а также входящие в «Четверокнижие» – «Чжунъюн», «Луньюй», «Мэн-цзы») еще нуждаются в изучении.

В статьях А. Н. Хохлова сообщаются некоторые сведения о собиравшихся миссионером в Китае книгах [Хохлов, 2014; 1996; 1992]. По его словам, «значительное число переписанных и переведенных разных священных книг было пожертвовано архимандритом в Пекинскую казенную библиотеку (при Духовной миссии. – прим. авт.)» [Хохлов, 2014, с. 485]. Также А. Н. Хохлов упоминает факт передачи отцом Даниилом Казанскому университету вызвавшего у нас научный интерес книжного собрания, привезенного им из Китая в Россию, на которое им была составлена опись, к сожалению, пока не найденная. В одном из обнаруженных А. Н. Хохловым архивных документов владелец книг выражал надежду продать ее библиотеке Казанского университета за 5 000 рублей [Хохлов, 2014, с. 496]. По данным В. Г. Дацышена, «с разрешения министра народного просвещения Казанский университет приобрел у архимандрита Даниила (Сивиллова) собрание редких китайских книг и рукописей за 5 тыс. руб.» [Дацышен, 2010, с. 167].

Факт поступления китайских книг от отца Даниила подтверждается в «Отчете Императорского Казанского университета» профессора К. К. Фойгта, возглавлявшего в 1840-х гг. университетскую библиотеку: «В 1837 году библиотека обогатилась покупкою... собрания, состоящего из 216 Китайских сочинений, от ординарного профессора Китайской словесности, архимандрита Даниила» [Фойгт, 1844, с. 108]. Важно то, что эта книжная коллекция впоследствии вместе с другими восточными книгами и рукописями была перемещена в Петербургский университет в связи с открытием там в 1855 г. переехавшего из Казани Восточного факультета. В наше время она хранится в Восточном отделе Научной библиотеки

им. М. Горького СПбГУ. Но книги архимандрита растворились в фонде отдела, и восстановление их списка пока не представляется возможным. Тем не менее, ориентируясь на владельческие подписи архимандрита, мы смогли выявить небольшое количество связанных с ним неизвестных прежде материалов (во всяком случае, не отраженных и не изученных в известных нам публикациях). Им и будет посвящена данная статья.

Переводы православной литературы архимандрита Даниила (Сивиллова)

В одной из своих работ А. Н. Хохлов, ссылаясь на архивные материалы, сообщает: «В донесении от 14 марта 1832 г. в Азиатский департамент МИД Петр Каменский (глава миссии отца Даниила – прим. авт.), касаясь оценки научных работ, выполненных членами миссии за истекшее 10-летие, так характеризовал иеромонаха Даниила (Сивиллова): “Перевёл с русского на китайский: 1) Утренние и вечерние молитвы, 2) Зерцало православия Св. Дмитрия Ростовского, 3) Молитвы, [вслед] за божественной литургией мирянами читаемые, 4) Стоглавник Св. Геннадия”» [Хохлов, 2014, с. 485]. Как нам удалось установить, рукописи отца Даниила с этими переводами хранятся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ, где они имеют такие шифры: 1) Хул. 6, 正教鑒 (Чжэньцзяоцзянь. Зерцало Православного исповедания); 2) Хул. 129, 正教鑒 (Чжэньцзяоцзянь. Зерцало Православного исповедания); 3) Хул. 303, 正教全鑑 (Чжэньцзяо цюаньцзянь. Полное Зерцало Православного исповедания). Эти книги содержат тексты «Зерцала Православного исповедания» (Хул. 6, 129 и 303), «Стоглавник святого Геннадия» (Хул. 6 и 129), а также тексты служб и молитв (Хул. 6 и 129) на китайском языке. Эти материалы нам ни в чьих работах не встречались и не становились объектом специального изучения. Поэтому рассмотрим их в данной статье особо, чтобы привести первичную о них информацию, с кодикологическим описанием, обзором содержания и разбором отдельных текстов. Наша задача – ввести эти материалы в научный оборот, сопоставить их, определить их особенности, сходства и различия, раскрыть предназначение переводов отца Даниила.

Рассмотрим книги по порядку.

1. Книга Хул. 6 состоит из двух обтянутых красным шелком китайских тетрадей (*бэнь*), сложенных в синюю китайскую папку (*тао*). На обложке тетради № 1 отцом Даниилом чернилами написано: «Зерцало Православного исповедания из сочинений Святого Дмитрия Митрополита Ростовского Чудотворца и Стоглав Святого Геннадия Архиепископа Константинопольского, 3 декабря 1830 года». На обложке тетради № 2 им также написано: «Вечерняя и утренняя молитвы и молитвы при Божественной литургии христианами читаемые и некоторые другие в конце сей книжицы переводы приложенные». В конце каждой тетради приписано: «Перевел китайской миссии иеромонах Даниил Сивиллов в бытность свою в Пекине. 1830-го года декабря 3-го дня».

Технические характеристики тетрадей такие. Обе они имеют размер 31,4 × 19,9 см. Обе составлены из листов (55 + 32 л.) плотной китайской бумаги рамкой 20,2 × 14,5 см. Сгиб листов белый, с двойным черным рыбьим хвостом. Линии рамки двойные, с разделительными линиями. На каждой странице в среднем 10 строк по 20 иероглифов.

Содержание книги следующее.

Тетрадь 1. «Предисловие к “Зерцалу”» (正教鑒序 Чжэньцзяоцзяньсюй), «Собственное Предисловие к “Зерцалу”» (正教鑒自序 Чжэньцзяоцзянь цзысюй), «Оглавление к “Зерцалу”» (正教鑒目錄 Чжэньцзяоцзянь мулу), «Введение» (弁言 Бяньянь), три цюаня «Зерцала», «Стоглав» святого Геннадия (聖更納底百言 Шэн Гэннади байянь).

В первый цюань «Зерцала» вошла часть «О Вере» (論信德 Лунь синьдэ) из 13 статей с подразделами «Рассуждения о добродетели Вера. [Начало] в первой статье» (論信德見一張 Лунь синьдэ. Цзянь и чжан), «Символ Веры. [Начало] в той же статье» (信經同張 Синьцзин. Тун чжан), «Семь Даров Духа Святого. [Начало] в десятой статье» (聖神七恩見十張 Шэн-

шэнь цзэнь. Цзянь ши чжан), «Девять Плодов Духа Святого. [Начало] в одиннадцатой статье» (聖神九效見十一張 *Шэньшэнь цзюсяо. Цзянь шиши чжан*), «Девять Заповедей Святой Соборной Церкви. [Начало] в той же статье» (聖會誡命九條同張 *Шэнхуй цземин цзю тiao. Тун чжан*), «Семь Святых Тайн. [Начало] в тринадцатой статье» (七件聖事見十三張 *Цицзянь шэнши. Цзянь шисань чжан*).

Во второй *цзюань* «Зерцала» вошла часть «О Надежде» (論望德 *Лунь вандэ*) с подразделами «Рассуждения о добродетели Надежда. [Начало] в первой статье» (論望德見一張 *Лунь вандэ. Цзянь и чжан*), «Смысл молитвы. [Начало] в той же статье» (祈禱之義同張 *Цидао чжи и. Тун чжан*), «Молитва Господня. [Начало] во второй статье» (天主經見二張 *Тяньчжун цзин. Цзянь эр чжан*), «Девять Блаженств. [Начало] в пятой статье» (真福九端見五張 *Чжэньфу цзюдуань. Цзянь у чжан*).

В третий *цзюань* вошла часть «О Любви» (論愛德 *Лунь айдэ*) с подразделами «Рассуждения о добродетели Любовь. [Начало] в первой статье» (論愛德見一張 *Лунь айдэ. Цзянь и чжан*), «Все добродетели. [Начало] в той же статье» (善德諸端同張 *Шаньдэ чжудуань. Тунчжан*), «Все грехи. [Начало] во второй статье» (罪惡諸端見二張 *Цзуйэ чжудуань. Цзянь эр чжан*), «Три пункта о произвольных грехах. [Начало] в той же статье» (本罪三條同張 *Бэньцзуй саньтiao. Тун чжан*), «Десять Заповедей Божьих. [Начало] в пятой статье» (天主十誡見五張 *Тяньчжун ши цзе. Цзянь у чжан*).

В конце первой тетради приводится информация о лицах, участвовавших в подготовке книги: «Проверили и исправили католический священник Петр Цзя Мэнци и отец Вэй Жомин (Веньямин Морачевич. – прим. авт.); ученик иеромонах Си[виллов] Даниил перевел» (駕猛奇伯多祿司鐸、魏若明神父全校閱；後學錫達尼耳耶類譯).

Тетрадь 2. «Утреннее молитвенное правило» (早課經 *Цзао кэцзин*), «Вечернее молитвенное правило» (晚課經 *Вань кэцзин*), «Порядок литургии» (與利督爾際亞祭禮規程 *Юй лидуэрцзияли гуйчэн*), «Молитва о благодарении за милость» (謝恩祝文 *Сеэнь чжувэнь*), «Молитва перед выходом из храма» (下堂祝文 *Сятан чжувэнь*), «Псалом 1. Святому Царю Давиду» (聖王達味第一詞 *Шэнван Давэй дши гэцы*), «Молитва перед вкушением пищи» (飯前祝文 *Фаньцянь чжувэнь*) и «Молитва после вкушения пищи» (飯後祝文 *Фаньхоу чжувэнь*).

2. Книга Хул. 129 также имеет вид синей папки-*тао* с двумя тетрадями-*бэнями* (53 + 32 л.), но в пурпурной обложке. На внутренней стороне папки рукой отца Даниила написано: «Зерцало Православного исповедания с присовокуплением Стоглавника Патриарха Геннадия и молитв и проч». Технические характеристики тетрадей такие. Размеры обеих – 30,5 × 19 см. Обе составлены из листов плотной китайской бумаги с рамкой 21 × 15,9 см. Сгиб листов белый, с двойным черным рыбьим хвостом. Линии рамки двойные, с разделительными линиями. На каждой странице в среднем 10 строк по 20 иероглифов.

Эта рукопись имеет чуть отличные от Хул. 6 размеры, не содержит в первой тетради предисловия переводчика. Кроме того, «Введение» (弁言 *Бяньянь*) расположено в этой рукописи перед «Оглавлением», а в Хул. 6 – после него. В остальном содержание обоих списков совпадает. Хул. 6 выглядит беловым вариантом рукописи, Хул. 129 – черновым, так как в нем встречаются редкие помарки и исправления иероглифов.

3. Книга Хул. 303 неполная, состоит из 8 китайских листов (11 страниц с текстом, 5 страниц – пустые), склеенных между собой по левому краю, без обложки. Размеры книги: 32,1 × 20,5 см. На листах отпечатана рамка 20,3 × 14,5 см, с двойными линиями, двойным же черным рыбьим хвостом, белым сгибом и разделительными полосами для иероглифов, коих на странице 10 строк по 20 знаков. На первом листе на верхнем поле отцом Даниилом написано: «Предисловие, составленное иеромонахом Даниилом в Пекине 1830 года к переведенной им книге с Русскаго Зерцало Православного исповедания Св. Димитрия Ростовского».

Книга содержит лишь текст Малого предисловия «Зерцала» (正教鑑小引 *Чжэньцзяоцзянь сяоинь*). Текст уникален тем, что он не вошел ни в Хул. 6, ни в Хул. 129.

Таким образом, становится понятно, что манускрипты отца Даниила имеют вид двух сборников православных текстов и отдельного предисловия. В них представлены старейшие переводы православных произведений на китайском языке.

Упомянутый в описаниях «Стоглав» – небольшой труд патриарха Геннадия I Константинопольского (400–471 гг.). Он имеет разные варианты названия: «Слословец Св. Геннадия», «Стоглавник Св. Геннадия», «Слословец Геннадия Константинопольского», «Геннадия, патриарха Константинопольского Слословец», «Св. Геннадия, архиепископа Константина-града, сто глав о святой вере», «Геннадия, архиепископа Константина-града Слословец» и т. д. Первый вариант наиболее распространен. Это сочинение представляет собой подборку из сотни высказываний патриарха с трактовками основных постулатов православного вероучения и морали. Считается, что на русском языке впервые он был зафиксирован в знаменитом «Изборнике 1076 г.», изданном в 1965 г. с приложением обстоятельного на русском языке о нем исследования [Изборник, 1965, с. 206–273].

Авторство «Зерцала» в православной традиции приписывается Димитрию митрополиту Ростовскому и Ярославскому (в миру Данило Саввич Туптало, 1651–1709) – выдающемуся церковному деятелю, реформатору, проповеднику и автору богословских трудов. О жизни и трудах св. Димитрия Ростовского, прославленного в 1757 г. в лике святых, написано много. Особо стоит упомянуть основательную дореволюционную монографию И. А. Шляпкина (1858–1918) [Шляпкин, 1891]. Из недавних публикаций назовем коллективную монографию, вышедшую в 2008 г. [Святитель Дмитрий, 2008]. Как писатель митрополит имел огромное влияние на современное ему церковное и светское общество. Ему принадлежит большое количество художественных (драмы, стихи, проза) и религиозных сочинений. В число последних в основном входят историографические, догматические и агиографические работы, а также Молитвословия. Первое многотомное собрание сочинений митрополита вышло еще в 1786 г. [Собрание, 1786]. В XIX в. оно регулярно переиздавалось.

«Зерцало» является догматическим сочинением. Оно редко становилось объектом специального изучения. В 2015 г. М. А. Корзо из Института философии РАН опубликовала статью, в которой отнесла «Зерцало» к кратким катехизисам и назвала «сокращенной версией “Православного исповедания веры” Киевского митрополита Петра Могилы (Москва, 1696)» [Корзо, 2015, с. 228]. Впервые «Зерцало» было опубликовано в собрании митрополита Димитрия Ростовского 1803 г. [Остальные сочинения, 1803, с. 1–32]. Впоследствии издавалось в пятом томе его «Сочинений» либо в виде отдельных брошюр, нередко – с прибавлением текстов других его сочинений.

Мы сравнили переводы отца Даниила с текстами из «Остальных сочинений» [Остальные сочинения, 1803, с. 1–32], четвертого издания «Сочинений» митрополита Димитрия Ростовского [Сочинения, 1835, с. 1–25], а также с текстами «Стоглавца» из «Изборника 1076 г.» [Изборник, 1965, с. 206–273] и увидели, что структура русских текстов передана в них полностью. Также заметили, что для переводов были составлены три предисловия переводчика. Остановимся на них подробнее.

Текст первого «Предисловия к “Зерцалу”» (正教鑑序 *Чжэньцзяоцзянь сюй*) занимает страницу и выглядит так:

且夫教也者。所以正人心而鑑是非也。是故人心之所真知謂之信。信也者。正教之根本也。人心之所端向謂之望。望也者。正教之究竟也。人心之所實慕謂之愛。愛也者。正教之指歸也。以正教信望愛三德原其始。以聖人更納底百言要其終。誠能以此為鑑。人人身體而力行之。將見正教者。惟精惟一。默受心傳。愛主愛人。承行而旨。自今而後。人心既正。是非可鑒。有不共登夫光明正大之域也哉。

«Что есть (Православное) Учение? Это – то, что делает правильным человеческий ум, и с опорой на что отличают правду от кривды. Посему знание, воспринимаемое в людском сознании как истинное, называют “Верой”. Вера – основа Православного Учения. Правильные чаяния людских сердец называют “Надеждой”. “Надежда” – наивысший объект стремления в Православном Учении. Неподдельное влечение людских сердец к чему-то называют “Любовью”. Любовь – это руководящий принцип Православного

Учения. Поместим в начало [книги] три Православные добродетели – Веру, Надежду и Любовь. Приведем в конце “Стоглавник Св. Геннадия”. Кто сможет всем своим существом руководствоваться ими, усердно следовать в делах своих, тот узрит Православное Учение, совершенное и единственное. Молча примет знание. Возлюбит Владыку и людей. Продолжит [Дело], следуя [Ему]. Впредь, когда сердца людей исправятся, правда и ложь станут видны им. И тогда не возрастут ли высоко пределы их благородного величия?»

В этом предисловии переводчик раскрывает логику структуры книги, выделяет для китайского читателя три важные православные добродетели, о которых идет речь в «Зерцале», и в лаконичной форме поясняет, как правильно надлежит их понимать.

Текст второго предисловия («Собственное Предисловие к “Зерцалу”») (正教鑑自序 *Чжэнцзяоцзянь цзысюй*) более объемно и представлен на трех страницах:

或問於余。是書奚為而作。曰祇述要道。示我同人。欲其識認正教。以恪奉真主也。原夫昔年兩國分定交界之初。維時。臨境有俄羅斯駐防軍兵數戶。分屬內地。蒙國家曠典。恩賜斯眾入京。隸在旗下。世為滿洲。及今沾沐深久矣。斯輩固俱係遵奉天主正教之人。皇上聖明。仍許其遵教事主如故。且賜以焚修禱經之所。聽其守素學而循舊教。當是時。斯眾中尚有司教神父（華言喇嘛）一人。乃董理此輩。修省懺悔諸內務。及誦經祝禱等神工者。厥後此神父既歿。斯眾若失怙恃。不勝哀鳴籲懇。復蒙聖祖仁皇帝矜恤。飭令行文於俄羅斯國。奉提遣神父及學藝生徒共十人來京之事。由是輪班往返。十載一易。每班定有司教神父源源而來。職此故也。其詳條載則例異域錄等書。茲不多敘。惟是數十年前。若輩猶皆記憶舊地語言文字。為司教神父者。教誨提撕之際。但依原處土語。即便辭明意達。逮今歷年已久。於舊日語言。一切遺忘。衰時經卷。概莫知曉。開導誘掖。殊為艱難。因是余居神父之位至此。竭蹶漢文。粗譯此種經書。俾便通明義意。以資講解誦讀。庶幾有以充我司教之專責。並期不負。朝廷諭令神父來京。及廩食餼養之聖意仁恩雲爾。問者唯唯。於是援筆以自序。

«Кто-то спросил меня: “Для чего создана сия книга?” Ответу: “Только для изложения главного в Учении. Показать близким нам людям. Дабы уразумели они Православное Учение и с уважением приняли истинного Владыку. Когда-то вначале, оба [наших] государства устанавливали границу. В ту пору на рубежах проживали несколько семей военных чинов из российских пограничных войск. Их перевели во внутренние земли [Китая]. Удостоили их великодушного государственного приема. Милостиво ввели сей народ в столицу. Записали в знаменные войска, на века уподобили маньчжурам. До настоящего времени пользуются милостями уже долго. Их семьи стойко чтит Православное Учение Господа. Мудрый император дозволил им исповедовать свою веру и впредь. Также жаловал им дом для возжигания свечей и чтения молитв. Говорят, они придерживались строгой веры и следовали старым обрядам. В ту пору среди тех людей был еще отец (по-китайски лама. – прим. о. Даниила). Окормлял их. Исповедовал, причащал, молился и выполнял прочие священные службы. Впоследствии сего отца не стало. Народ словно лишился духовной опоры. Крайне скорбел и обратился с просьбой. Гуманный император Шэн-цзу (Канси. – прим. авт.) отнесся к ним с сочувствием. Направил в Россию послание, попросил присылать в Пекин священников да сведущих в искусствах учеников, всего в количестве десяти человек. По сей причине миссии стали по очереди прибывать, сменяясь раз в десять лет. При каждой из них всегда находились священники. И было для чего. Подробные записи об этом вошли в “Записки о чужих краях” (книга, вышедшая в Китае в 1723 г. – прим. авт.) и прочие сочинения. Но не будем много писать об этом. Только вот несколько десятилетий назад поколения [албазинцев] как будто еще помнили язык и письменность [своей] старой земли. Отцы-священники, когда наставляли и [духовно их] поддерживали, опирались на их старый язык, и тогда слова были ясны, а суть – понятна. Теперь же прошло много лет. Старый язык полностью забыт. Во время разъяснений священных текстов, совершенно ничего не понимают. Наставлять и пестовать стало особенно трудно. Когда я прибыл сюда священником, по мере сил постиг китайскую письменность. Кое-как перевел эти несколько священных текстов, старясь сделать понятным их смысл. Дабы по ним читать и объяснять. Только так смог выполнить свой пастырский долг. Своевременно и не обманув ожиданий. Прибыв по высочайшему повелению в столицу, только так могу быть достоин монарших милостей и казенного содержания”. Спросивший [меня о назначении этой книги] тогда согласился, а я взялся за кисть и написал свое предисловие».

Как мы видим, здесь отец Даниил дополнительно рассказывает краткие факты об истории православной миссии и возникших со временем у ее членов трудностях пастырского служения среди китаизировавшейся албазинской диаспоры. Именно языковым барьером между священниками и потомками албазинцев, духовными нуждами паствы он оправдывает необходимость создания богослужебной литературы на китайском языке, и подчеркивает, что такая его деятельность легитимна, ибо вполне соответствует долгу службы в миссии по воле

китайского монарха. Последнее обстоятельство было особенно важно в свете проводившихся тогда гонений на католиков.

Оба предисловия позволяют понять назначение книги. Ее содержание подтверждает следование заявленному. Ведь первая тетрадь носит теоретический характер и сообщает читателю базовые идеи православия, учит азам догматики (отсюда и обращение к форме краткого катехизиса). Вторая тетрадь, видимо, задумывалась как практическое руководство, выступает приложением к первой и предлагает набор обязательных для христиан молитвенных практик на каждый день (молитвы для утра и вечера, литургий, случаев принятия пищи и благодарения Бога).

Что касается отдельного малого предисловия отца Даниила (Хул. 303), то оно в содержательном плане гораздо более объемно и информативно, чем другие два (11 страниц, против 1 и 3 страниц). Поскольку оно велико и почти в четыре раза превышает второе предисловие, мы не имеем возможности привести весь его текст. Отметим только то, что в нем в развернутой форме излагаются основы христианской богословской мысли с апеллированием к взятым из традиционной китайской идеологии понятиям «имя-мин» 名, «вещь-у» 物, «тень-и» 影, «форма-син» 形 и т. д. По непонятной причине переводчик отказался включать его в полную версию книги. Мы можем предположить, что это предисловие могло рассматриваться в качестве одного из черновых вариантов и в конечном счете не устроило переводчика, скорее всего, объемом и способным сбить читателя с толку терминологическим и философским креном в сторону традиционной китайской идеологии.

Рукопись Хул. 129 тоже явно была черновым вариантом задуманной отцом Даниилом книги. Книга Хул. 6 скорее всего предлагает итоговую версию.

Заключение

Подводя итоги, можем констатировать, что переводческие труды архимандрита Даниила (Сивиллова) изучены еще недостаточно широко. Из переводов китайской классики пока исследованы «Шуцзин» и «Дасюэ», не изучены переводы «Шицзина», «Минсиньбаоцзяня», «Чжунъюна», «Лунъюя» и «Мэн-цзы».

Тексты переводов православной литературы прежде тоже не исследовались. Первая попытка осуществить такое исследование предпринята в данной статье. Нами рассмотрены три рукописи из СПбГУ с текстами «Зеркала Православного исповедания» св. Димитрия Ростовского, «Слослова» св. Геннадия, молитв для регулярных богослужений и повседневной жизни. Мы увидели, что эти манускрипты предлагают два одинаковых по содержанию кратких катехизиса с приложением одинаковых сборников наиболее необходимых в каждодневной ритуальной практике молитв, а также – трех вариантов предисловия. Установлено, что манускрипты задумывались архимандритом Даниилом как своеобразные удобные теоретико-практические пособия и руководства для священников (или самой паствы), которые окормляли забывших русский язык потомков албазинцев. Высказано предположение, что предисловие Хул. 303 не вошло в тексты катехизисов Хул. 6 и 129 по причине возможной перегруженности его объема конфуцианской лексикой.

Список литературы

- Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
Изборник 1076 г. / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М.: Наука, 1965. 1092 с.

- Кобзев А. И.** Судьба «Да-сюэ» в России и на Западе // Архив российской китаистики. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 150–211.
- Кобзев А. И.** «Да-сюэ»: «Великое учение» святомудрых для школяров, ученых и владык, или Судьба конфуцианского канона в Китае, на Западе и в России. Сер. Китайский классический канон в русских переводах. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. 320 с.
- Корзо М. А.** К вопросу о приписываемых Димитрию Ростовскому катехизисах и их связи с предшествующей традицией // Вестн. Русс. христ. гуманит. акад., 2015. Т. 16, вып. 2. С. 228–241.
- Остальные сочинения Св. Димитрия, митрополита Ростовского чудотворца, доселе свету еще неизвестны. М.: Синод. тип., 1803. 209 с.
- Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы / Под ред. Игумена Серафима (Симонова). Ростов: Спасо-Яковл. Димитриев монастырь, 2008. 447 с.
- Скачков П. Е.** Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.
- Собрание разных поучительных слов и других сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского: В 6 т. М.: Синод. тип., 1786.
- Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 т. М.: Синод. тип., 1835. Т. 5. 147 с.
- Стеженская Л. В.** Архимандрит Даниил о «Шу цзине» // Общество и государство в Китае. (ИВ РАН). Т. 47 (№ 1). 2017. С. 224–231.
- Стеженская Л. В.** Неизвестные страницы древнекитайской историографии. Перевод «Шу цзина» архимандрита Даниила (1789–1871) // Вестн. древ. истории. 2021а. № 81 (3). С. 774–790.
- Стеженская Л. В.** О несостоявшейся первой публикации русского перевода «Шу цзина» // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2021б. Т. 25, № 2. С. 320–327.
- Фойгт К. К.** Отчет Императорского Казанского университета и Учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-е января 1844 года, под управлением Тайного Советника Мусина-Пушкина. Казань: Тип. ун-та, 1844. 531 с.
- Хохлов А. Н. Д. П.** Сивиллов – руководитель первой в России кафедры китайского языка // Китайское языкознание. VI Междунар. конф. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. С. 155–158.
- Хохлов А. Н.** Китаист Д. П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 484–512.
- Хохлов А. Н.** Российская православная миссия в Пекине и переводы христианских книг // Китайское языкознание. VIII Междунар. конф. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 160–164.
- Шляпкин И. А.** Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншела, 1891. 584 с.

References

- Datsyshen V. G.** Istorija Rossijskoj Duhkovnoi Missii v Kitae [History of the Russian ecclesiastical mission in China]. Hong Kong, 2010, 448 p. (in Russ.)
- Foigt K. K.** Otchet Imperatorskogo Kazanskogo universiteta i Uchebnogo okruga za 17 let, s 1827 po 1 genvaria, 1844, pod upravleniem Tainogo Sovetnika Musina-Pushkina [The Report of the Kazan Imperial University and Educational district for the period of 17 years, from 1827 until January 1, 1844, under supervision of the privy councilor Musin-Pushkin]. Kazan, 1844. 531 p. (in Russ.)

- Izbornik 1076 goda [Collection of articles of the year 1076]. Eds. Golyshenko V. S., Dubrovina V. F., Demianov V. G., Nefedov G. F. Moscow, 1965, 1092 p. (in Russ.)
- Khohklov A. N.** D. P. Sivillov – rukovoditel pervoi v Rossii kafedry kitaiskogo yazyka [D. P. Sivillov as a leader of the first chair of the Chinese language in Russia]. In: Kitaiskoe yazykoznanie. VI Mezhdunarodnaia konferentsia [Chinese Linguistics. VI International Conference]. Moscow, 1992, pp. 155–158. (in Russ.)
- Khohklov A. N.** Kitaist D. P. Sivillov i ego russkie perevody drevnekitaiskoi klassiki [Sinologist D. P. Sivillov and his translations of the ancient Chinese classics]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2012, no. 1, pp. 484–512. (in Russ.)
- Khohklov A. N.** Rossijskaia pravoslavnaia missia v Pekine i repovedy khristianskih knig [Russian Orthodox ecclesiastical mission in Beijing and translations of the Christian books]. In: Kitaiskoe yazykoznanie. VII Mezhdunarodnaia konferentsia [Chinese Linguistics. VI International Conference]. Moscow, 1996, pp. 160–164. (in Russ.)
- Kobzev A. I.** Sudba ‘Da xue’ v Rossii i na Zapade [Fate of ‘The Great Learning’ in Russia and in the West]. *Archiv rossijskoi kitaistiki* [Archives of the Russian sinology]. Moscow, 2013, pp. 150–211. (in Russ.)
- Kobzev A. I.** Tom. Kniga I. ‘Da xue’: ‘Velikoe uchenie’ sviatomudrykh dlia shkolarov, uchenykh i vlyadyk, ili subba konfutsianskogo kanona v Kitae, na Zapade i v Rossii [Volume. Book I. ‘Da xue’: ‘The Great Learning’ of the learned sages for schoolboys, academics and rulers, or the fate of the Confucian canon in China, in the West and Russia]. Moscow, 2014, 320 p. (in Russ.)
- Korzo M. A.** K voprosy o pripisyvaemuxh Dimitriju Rostovskomy katekhizisah i ih sviazi s predshestviuschei traditsiei [The Question of the catechisms attributed to Dimitry of Rostov and their connection to the earlier tradition]. *Vestnik khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Herald of the Christian academy of humanities], 2015, vol. 16, no. 2, pp. 228–241. (in Russ.)
- Ostalnyia sochinenia Sv. Dimitria, mitropoilita Rostovskogo chudotvortsia, dosele svety esche neizvestnyia [Other works by St. Dimitry of Rostov, the miracle maker, previously unknown to the world]. Moscow, 1803, 209 p. (in Russ.)
- Shliapkin I. A.** Sv. Dimitrij Rostovskij i ego vremena (1651–1709) [St. Dimitry of Rostov and his times (1651–1709)]. St. Petersburg, 1891, 584 p. (in Russ.)
- Skachkov P. E.** Ocherki istorii russkogo kitaavedenia [Essays on the history of the Russian sinology]. Moscow, 1977, 505 p. (in Russ.)
- Sobranie raznykh pouchitelnykh slov i drugikh sochinenij sviatitelia Dimitria, metropolita Rostovskogo [Collection of various preaching words and other works of the saint Dimitry, metropolitan of Rostov]. Moscow, 1786, vols. 1–6. (in Russ.)
- Sochinenia sviatogo Dimitria, mitropolita Rostovskogo [Works of the Saint Dimitry, metropolitan of Rostov]. In 5 vols. Moscow, 1835, vol. 5, 147 p. (in Russ.)
- Stezhenskaia L. V.** Arkhimandrit Daniil o ‘Shu tzine’ [Archimandrite Daniil about ‘Shu jing’]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2017, vol. 47, no. 1, pp. 224–231. (in Russ.)
- Stezhenskaia L. V.** Neizvestnye stranisty drevnekitaiskoi istoriografii. Perevod ‘Shu tzina’ arkhimandrita Daniila (1789–1871) [Unknown pages of the historiography of the ancient China. Archimandrite Sivillov’s (1789–1871) translation of ‘Shu jing’]. *Vestnik drevnei istorii* [Herald of the Ancient History], 2021(a), vol. 81, no. 3, pp. 774–790. (in Russ.)
- Stezhenskaia L. V.** O nesostijasveisia publikatzii russkogo perevoda ‘Shu tzina’ [About the failed publication of the Russian translation of ‘Shu jing’]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Dryzhby Narodov* [Herald of the Russian University of the Peoples’ Friendship. Series: Philosophy], 2021(b), vol. 25, no. 2, pp. 320–327. (in Russ.)
- Sviatitel Dimitry, mitropolit Rostovskiy. Issledovania i materialy [St. Dimitry of Rostov, Research and materials]. Rostov Velikiy, 2008, 447 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Иванович Маяцкий, кандидат филологических наук

Екатерина Александровна Завидовская, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Dmitrii I. Maiatskii, Candidate of Sciences (Philology)

Ekaterina A. Zavidovskaia, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 15.12.2021;
approved after review on 11.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 23/28; 281.93; 282

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-153-163

«Песнь святого сновидения» и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского)

Анна Михайловна Харитоновна¹
Лю Жомэй²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

² Пекинский университет иностранных языков
Пекин, КНР

¹ a.kharitonova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

² ruomeiliu@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-4464-592X>

Аннотация

Исследуется ранее неизвестная рукопись «Песнь святого сновидения» из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, некогда принадлежавшая начальнику Десятой духовной миссии в Пекине (1821–1830) архимандриту Петру (в миру П. И. Каменский, 1765–1845) и содержащая параллельный китайский и русский тексты католического сочинения «Видение святого Бернарда» Бернарда Клервоского (1090–1153). Устанавливается, что автором китайского перевода «Видения» был католический миссионер в Китае Джулио Алени (1582–1649), а русского – ученик православных миссионеров в Пекине китаец Петр Чжоу Буржуа. Разъясняются значение «Песни» в европейской католической литературе и место этого сочинения в миссионерской деятельности иезуитов в Китае. Высказывается предположение, что «Песнь» могла служить образцом дидактической иезуитской литературы, целью которого было донести до китайских жителей нравственные столпы христианства. Вводятся в научный оборот прежде неизвестные сведения о Петре Буржуа и его русском переводе. Анализируется текст перевода и выявляются его особенности. Выясняется, что целью его осуществления были упражнения Петра Чжоу Буржуа в русском языке.

Ключевые слова

китайские рукописи СПбГУ, «Видение святого Бернарда», Бернад Клервоский, Джулио Алени, Петр Буржуа, Петр (Каменский)

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001: «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация»

Для цитирования

Харитоновна А. М., Лю Жомэй. «Песнь святого сновидения» и ее двуязычный рукописный список из книжной коллекции архимандрита Петра (Каменского) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 153–163. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-153-163

“The Song of the Holy Dream” and its Bilingual Manuscript from the Book Collection of Archimandrite Peter (Kamensky)

Anna M. Kharitonova¹, Liu Ruomei²

¹ Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

² Beijing Foreign Studies University
Beijing, PRC

¹ a.kharitonova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

² ruomeiliu@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-4464-592X>

Abstract

The article examines a previously unknown manuscript “The Song of the Holy Dream” from the collection of the Academic Library of St. Petersburg State University. It belonged to the head of the Tenth Orthodox Mission in Beijing (1821–1830), Archimandrite Peter (P. I. Kamensky, 1765–1845). The manuscript contains parallel Chinese and Russian texts of the Catholic work “The Vision of St. Bernard” by Bernard of Clairvaux (1090–1153). It was revealed that the author of the Chinese translation of the ‘Song’ was a Catholic missionary in China, Giulio Aleni (1582–1649). The author of the Russian translation was the Chinese man Peter Zhou Bourgeois, who was a student of Orthodox missionaries in Beijing. The meaning of the ‘Song’ in European Catholic literature and the place of this composition in the missionary activity of the Jesuits in China are explained. It is suggested that the ‘Song’ could serve as a model of didactic Jesuit literature, the purpose of which was to convey to the Chinese inhabitants the moral pillars of Christianity. Previously unknown information about Peter Bourgeois and his Russian translation is introduced. The text of the translation is analyzed and its features are identified. In a comparative analysis of the Chinese original text, the translation by Peter Bourgeois and the translation made by the author of the article, it was concluded that Peter Bourgeois made a word-by-word translation. This translation is mostly accurate, but there are often stylistic and spelling errors, unusual word combinations and specific phrases, which together reveal the translator to be a foreigner who does not speak Russian with sufficient confidence. It turns out that the purpose of the translation was merely exercises for the purpose of Russian language study by Peter Zhou Bourgeois.

Keywords

Chinese manuscripts from St. Petersburg State University, “The Vision of St. Bernard”, Bernard of Clairvaux, Giulio Aleni, Peter Bourgeois, Peter (Kamensky)

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR and CASS, project number 21-59-93001: “Collections of Chinese Manuscripts and Early Printed Books in Scientific Institutions of St. Petersburg: Attribution, Research and Systematization”

For citation

Kharitonova A. M., Liu Ruomei. “The Song of the Holy Dream” and Its Bilingual Manuscript from the Book Collection of Archimandrite Peter (Kamensky). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 153–163. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-153-163

Введение

В Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (НБ СПбГУ) среди рукописных и старопечатных материалов, некогда принадлежавших членам Десятой духовной миссии в Пекине (1821–1830), под шифром Хул. 2557 хранится уникальная рукопись, озаглавленная по-русски как «Песнь святого сновидения», а по-китайски как «Шэн мэн гэ» (聖夢歌, далее сокращенно «Песнь»). Этот рукописный памятник привлек внимание тем, что не только о нем, но и о представленном в нем сочинении в отечественных трудах не встречается никакой информации, и тем, что само сочинение не упоминается в каталогах старинных китайских книг и рукописей Института восточных рукописей РАН и Российской национальной библиотеки [Вахтин и др., 1973; Китайские рукописи, 1993]. А это свидетельствует также о его редкости. Кроме того, книга еще не была описана в СПбГУ – ее нет в каталоге Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого, охвативших пока около 8 % китайских книг университетского собрания [Завидовская, Маяцкий, 2012].

Между тем, как удалось установить при первичном ознакомлении с манускриптом по имеющимся на нем маргиналиям, он был связан с начальником Десятой пекинской миссии архимандритом Петром (в миру П. И. Каменским, 1765–1845) и неким его китайским учеником по имени «Петр Джоу Буржуа», о котором тоже почти ничего не известно.

Таким образом, было принято решение посвятить этой рукописи отдельную статью, чтобы ввести ее в научный оборот, а также поднять и по мере возможности изучить комплекс относящихся к ней и к автору ее русского перевода проблем: найти и обнародовать сведения о Петре Буржуа, определить обстоятельства выполнения им русского перевода, проанализировать русский перевод и выявить его особенности.

«Видение святого Бернарда» Бернарда Клервоского

Удалось узнать, что китайский памятник «Шэн мэн гэ», русский перевод которого предположил в рукописи Хул. 2557 «Петр Буржуа», изучался тайваньским исследователем У Цзяньлинем (吴建林), защитившим в 2016 г. докторскую диссертацию на эту тему [У Цзяньлинь, 2016]. Согласно У Цзяньлиню, «Шэн мэн гэ» – выполненный католическим миссионером в Китае Джулио Алени (*итал.* Giulio Alenio, *лат.* Julius Alenius, 艾儒略, Ай Жулюэ, 1582–1649) китайский перевод написанного в XII веке на латыни сочинения “Visio Sancti Bernardi” («Видение святого Бернарда»), традиционно приписываемого французскому богослову и влиятельному деятелю римско-католической церкви Бернардусу Клервоскому (*лат.* Bernardus Claraevallensis, 1091–1153). Это сочинение имеет еще такие названия: “Visio Fulberti” («Видение Фульберта»), “Noctis sub silentio tempore brumali” («Ночь в тишине зимней порой») и, возможно, другие. Оно написано в форме пространной поэмы, в которой в 352 поэтических строках представлен диалог души и недавно умершего тела о жизни после смерти и смысле человеческого существования. Русский перевод этой поэмы нам не встречался. Поэтому можно утверждать, что перевод Петра Чжоу Буржуа – первая известная нам попытка перевести ее на русский язык. Посвящавшиеся поэме отечественные исследования пока не выявлены. В то же время можно найти отечественные и зарубежные исследования биографии, письменного и идейного наследия самого Бернарда Клервоского [Архимандрит Августин, 2010, с. 34–75; Bredero, 2004].

Джулио Алени и его просветительская деятельность

Автор китайского перевода «Шэн мэн гэ» Джулио Алени – иезуит итальянского происхождения, почти полвека проведший в Китае. Он занимался миссионерской деятельностью, переводил на китайский язык европейские научные трактаты и религиозно-философскую литературу. Он также составлял на китайском языке свои произведения, в которых были отражены достижения европейской науки того времени. Например, в 1623 г. под редакцией и с исправлениями Дж. Алени был опубликован энциклопедический труд «Хроники зарубежных стран» (職方外紀 *Чжифан вайцзи*) наподобие тех, которые создавались картографами Герардом Меркатором (*лат.* Gerardus Mercator, 1512–1594) и Авраамом Ортелием (*лат.* Abraham Ortelius, *нидерл.* Abraham Ortels или Abraham Hortels; 1527–1598). В написании «Хроник зарубежных стран» принимали активное участие испанский иезуит Диего де Пантоха (*порт.* Diego de Pantoja, 龐迪我, Пан Диво, 1571–1618), итальянские миссионеры Сабатино де Урсис (*итал.* Sabatino de Ursis, 熊三拔 Сюн Саньба, 1575–1620), Маттео Риччи (利瑪竇 Ли Мадоу, 1552–1610) и др. «Хроники» представляли собой подробный атлас, который сопровождался отдельными картами с описаниями. В нем мир был разделен на пять континентов. Атлас содержал все новейшие географические сведения, которыми владели европейцы. Дж. Алени и Ян Тинъюнь (楊廷筠, 1557–1628), обращенный в христианство китаец, при публикации атласа разместили Китай в центре карты мира, что сделало «Хроники зарубежных стран» более популярным изданием в Китае, чем знаменитая «Карта множества

стран мира» (坤輿萬國全圖 *Куньюй ваньго цюаньту*) Маттео Риччи, где Китай находился в правой части карты мира.

Другим транслятором достижений европейской науки был подготовленный Джулио Алени трактат «Компендиум западной науки» (西學凡 *Сисюэ фань*). Это произведение было опубликовано в 1623 г. в Ханчжоу, вскоре о нем узнали в Японии. Его целью было описание европейских книг, которые были привезены в Китай. Данный трактат содержит сведения о европейской системе образования, а также обзор европейских знаний в таких сферах, как философия, риторика, медицина, право и богословие.

Помимо образцов достижений европейской науки, Дж. Алени составлял биографии выдающихся личностей того времени: биография Ян Тинъюня, одного из «трех жемчужин католицизма в Китае» («Деяния господина Ян Цююаня», 楊淇園先生事跡 *Ян Цююань сяньшэн шицзи*, датируется 1627 г.); биография миссионера Маттео Риччи, положившего начало иезуитской миссии в Пекине («Биография Маттео Риччи», 大西西泰利先生行蹟 *Даси ситайли сяньшэн синцзи*, датируется 1630 г.); биография китайского юноши Чжан Ши («Деяния Михаила Чжана», 張彌格爾遺蹟 *Чжан Мигээр ицзи*), сына главы католической общины в Фуцзяни, принявшего христианство. Перед своей смертью в 18 лет юноша видел во сне религиозное откровение, в котором апостол Матвей и Маттео Риччи просили за него перед Богом [Lu Huizhong. (Prima parte), 2020, p. 65].

Философские и религиозные переводы на китайский язык, а также произведения, составленные на китайском языке, занимают отдельное место в профессиональной деятельности Джулио Алени. Подобные тексты создавались тогда, когда китайская аудитория уже в некоторой степени была знакома с европейской культурой. Такой методике придерживался также Маттео Риччи, считавший, что сначала надлежит знакомить китайцев с европейским научным знанием, основанным на рациональных принципах, и только после этого вести с ними беседы на философско-религиозные темы [Lu Huizhong. (Parte seconda), 2020, p. 38]. С 1625 г. Дж. Алени находился в Фуцзяни, где имел возможность общаться с влиятельным чиновником и бывшим членом Императорского секретариата Е Сянгао (葉向高) вплоть до его смерти в 1627 г. В 1627–1629 гг. Дж. Алени издал «Записи ученых бесед в Саньшани» (三山論學紀 *Саньшань лунсюэ цзи*), в которых отразил религиозно-философские дискуссии с конфуцианцами Е Сянгао и Цао Сюэцюанем (曹學佺). Иезуитам было важно развивать сотрудничество с конфуцианцами и полемизировать с ними для продвижения миссионерской деятельности в Китае. Еще Маттео Риччи обращал внимание на важность работы с чиновниками-конфуцианцами с целью сближения христианской доктрины с конфуцианской традицией [Ломанов, 2002, с. 82]. Миссионеры активно участвовали в дискуссиях с конфуцианцами на предмет того, как искоренить смертные грехи, преодолеть искушение и развивать разум посредством размышлений. Для новообращенных китайцев конфуцианская мораль сочеталась с христианской духовностью [Song Gang, 2009, p. 32]. Здесь стоит напомнить, что первоначально иезуиты пытались взаимодействовать с местным населением через буддийские параллели, но, оценив этот путь «в народ» как малоперспективный, миссионеры во главе с Маттео Риччи переключили свое внимание на конфуцианцев и даже в июле 1594 г. получили санкцию от вышестоящего иезуита Алессандро Валиньяно (*итал.* Alessandro Valignano, 1539–1606) носить одежду как у конфуцианских ученых [Ломанов, 2002, с. 82]. С ростом числа адептов католической веры появилась необходимость в литературе, обслуживающей привычные составляющие христианской службы, такие как исповедь. В 1627 году выходит в свет «Таинство покаяния» (滌罪正規 *Дицзуй чжэнгуэй*), в котором расписаны элементы причастия для христиан. Для Дж. Алени было важным познакомить христиан в Китае как с частными вопросами религиозного ритуала, так и с основополагающими событиями истории христианства. Таким трудом стало «Разъяснение смысла Рождества Христова» (天主降生引義 *Тяньчжун цзяншэн инь*), написанное в 1635 г. Текст был разделен на два цюаня. Первый цюань был посвящен ветхозаветным сюжетам и пророчествам о пришествии Иису-

са Христа [Lu Huizhong. (Parte seconda), 2020, p. 39]. Второй цзюань написан как катехизис в форме вопросов и ответов, объясняющих китайской аудитории сюжеты, связанные со страданиями Сына Божьего, и с Его происхождением. Примеры для пояснений были приближены к культурному контексту китайской аудитории и были связаны с мудрецами китайской древности, такими как Конфуций (孔子) или Мэнцзы (孟子).

«Видение святого Бернарда» органично дополняет ряд философско-религиозных произведений западных миссионеров и представляет собой один из образчиков христианской дидактической литературы, целью которой ставилось разъяснение распространенных вопросов, связанных с диалектикой души и бренного тела. Перевод этого произведения на китайский язык был в первой половине XVII века выполнен Дж. Алени совместно с помощниками из китайских христиан и в 1639 г. издан способом ксилографии. В настоящее время письменным наследием Джулио Алени активно занимаются ученые итальянского центра им. Джулио Алени¹. В том числе ими исследуется китайский перевод «Шэн мэн гэ»². В нашей стране о «Шэн мэн гэ» никаких работ не выходило.

Петр Каменский, Петр Чжоу Буржуа и рукопись «Песнь святого сновидения»

Вернемся к рукописи «Песнь святого сновидения», которая хранится в библиотеке СПбГУ под шифром Хул. 2557. Как уже было сообщено выше, согласно характерному почерку испещривших ее маргинальных подписей, книга принадлежала архимандриту Петру (Каменскому), возглавлявшему Десятую духовную миссию в Пекине (1821–1830). Подробную информацию о жизни и деятельности архимандрита можно найти в совместной монографии В. Г. Дацышена и А. Б. Чегодаева [Дацышен, Чегодаев, 2013]. Некоторые сведения о приобретении им в Китае книг и истории пополнения фонда библиотеки СПбГУ можно найти в публикациях А. М. Харитоновой, Д. И. Маяцкого и М. А. Азаркиной [Харитонова, 2021а, с. 27–28; 2021б, с. 333–339; Маяцкий, 2021, с. 20–21; Азаркина, Маяцкий, 2021, с. 4–12].

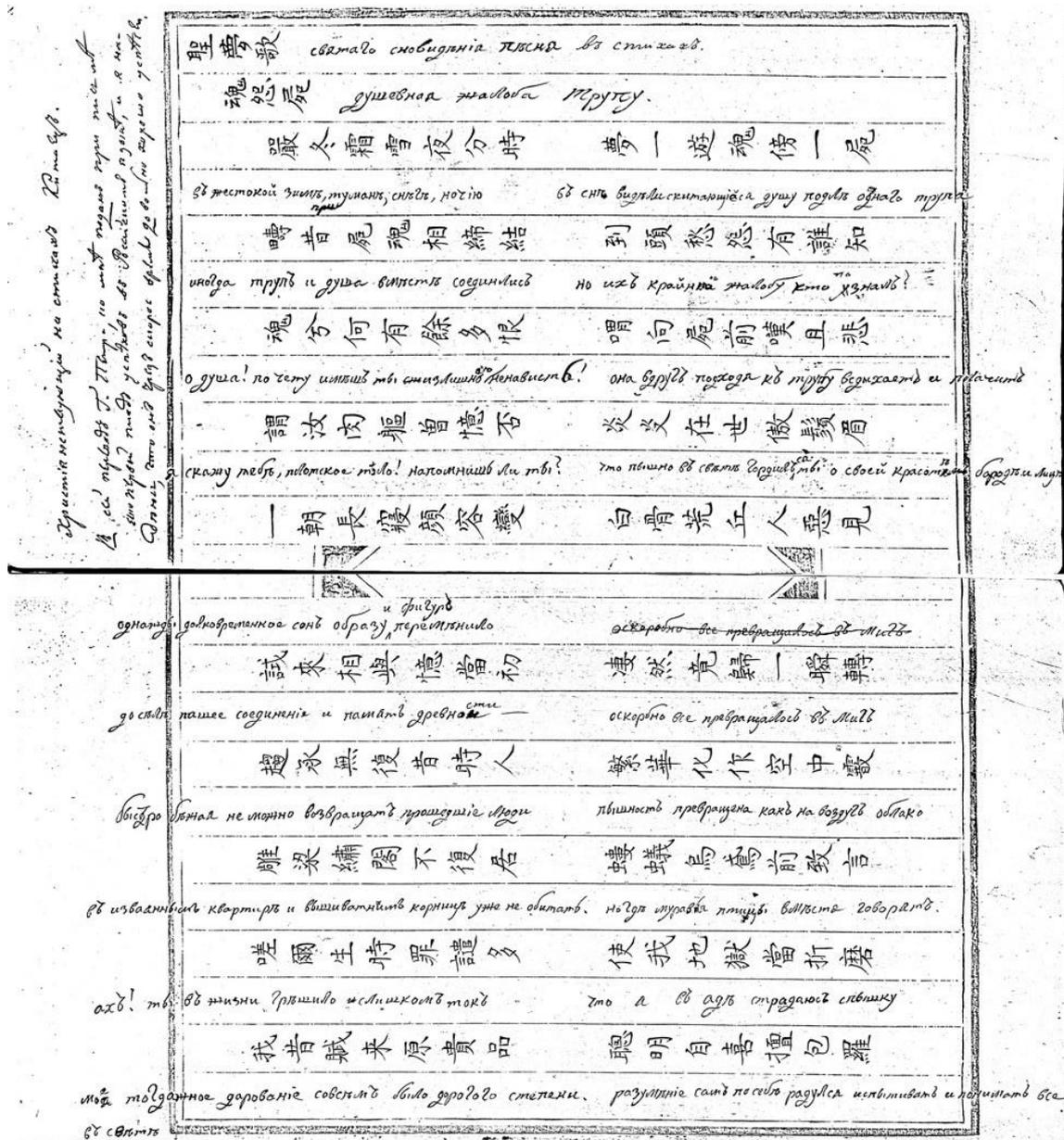
Сначала приведем кодикологическое описание университетской рукописи. Манускрипт имеет вид тонкой книги в плотном европейском переплете с размерами 34,1 × 21,5 см. Текст записан на китайской бумаге с отпечатанной на ее листах красной рамкой 25 × 17 см. Рамка имеет двойной рыбий хвост. Объем книги составляет 20 листов. На первом листе приведено китайское название 聖夢歌 (*Шэн мэн гэ*. Песня святого сновидения). Год и место издания нигде не указаны. Текст исполнен параллельно на двух языках – китайском и русском. На странице 11 строк по 20 иероглифов прозаического текста или по 14 иероглифов поэтического текста. Поэтический текст разбит на пары по 7 иероглифов. Вертикальные строки разделены линиями. Строки русского перевода даны вертикально (см. рисунок).

На обороте сделанной из плотного зеленого картона обложки видна оставленная архимандритом Петром надпись: «Это плод двухгодичных занятий». На титульном листе его же рукой подписано: «Песня святого сновидения с китайского языка буквально переведена Петром Джоу Буржуа. Сей Г[осподин] Джоу учился сначала латинскому и французскому языкам, а с приезда моего учился российскому – вот плоды трудов его. Начало от права». На верхнем поле первой страницы «Песни» архимандритом приписано: «Христианствующий на стихах Китаец. Сей перевод Г[осподина] Петра ко мне подан при письме. Это первый плод успехов в Российском языке, и я надеюсь, что он чрез скорое время довольно хорошо успеет». Данная запись позволяет предположить, что перевод Петра Буржуа был прислан архимандриту в качестве приложения к направленному им некоему письму. На форзаце рукописи есть и другие

¹ Официальный сайт центра Джулио Алени фонда Civiltà Bresciana. URL: <https://www.centroaleni.it/> (дата обращения 10.12.2021).

² Lu Huizhong. Il Shengmenge di Giulio Aleni: la prima versione cinese di un dramma europeo // Quaderni del Centro Giulio Aleni. URL: file:///C:/Users/hp/Downloads/Il_Shengmenge_di_Giulio_Aleni_la_prima_v.pdf (дата обращения 10.12.2021).

пояснения архимандрита, но они достаточно объемны, относятся к другим китайским ученикам православной миссии и потому в данной статье приводиться не будут.

Первые страницы «Песни святого сновидения»
The first pages of "The Song of the Holy Dream"

О Петре Буржуа информации доступно крайне мало. В русскоязычной литературе встречается лишь одно краткое о нем упоминание в книге В. Г. Дацышена «Христианство в Китае: история и современность». Там говорится: «Начальником (католической – прим. авт.) миссии был воспитанник францисканского монастыря китаец по имени Петр Буржуа, дядя которого учился миссионерскому делу в Европе» [Дацышен, 2007, с. 45].

Важные сведения о Петре Чжоу сообщает в своем «Путешествии» пристав Десятой миссии Е. Ф. Тимковский (1790–1875). В книге описываются наблюдения, проделанные приставом во время его пребывания в Китае в 1820–1821 годах. Учитывая редкость этих данных, они приводятся полностью с сохранением оригинального стиля и орфографии:

«Генв. 9 (9 января 1821 года – прим. авт.). Вечером явился, при мне, к Начальнику новой Миссии Китаец Петр Буржуа, солдат Пекинского Корпуса Учжэнь-Чоха (гвардия маньчжурских войск – прим. авт.). От роду ему лет около 40. Буржуа сын бедного солдата, воспитан в здешнем Французском монастыре Езуитами, кои готовили его к званию Проповедника Римско-Католического исповедания во внутренния губернии Китая. В сих видах намеревались они предварительно отправить его, для лучшего образования, в Европу, куда послан был его дядя Буржуа, бывший потом известным Священником между своими соотечественниками. Но когда поднялось последнее гонение на Езуитов (видимо, в 1805 году – прим. авт.), Петр Буржуа отказался от духовного звания Христианской Церкви и возвратился, по принадлежности, в свой полк. Сверх природного Китайского языка, он хорошо говорит и пишет на языках Латинском и Французском, и вообще получил довольно ученое воспитание; хитр и расторопен. Странно видеть Китайца, одетаго и вооруженнаго по обычаю своей земли, но выражающаго свои мысли на языке и со всеми уловками любезнаго Парижанина! – Студенты Новой Миссии употребляют Буржуа, с платою небольшой суммы, в виде частного учителя Китайского языка, единственно потому, что он хорошо говорит по-Латыни. Впрочем, сей способ может более замедлить, нежели ускорить их успехи; ибо учащийся, затрудняясь говорить на языке Китайском, всегда прибегает к Латинскому, как более знакомому; к тому же и сам Буржуа, подобно многим Езуитам, не имеет достаточных и правильных знаний в Китайском языке» [Тимковский, 1821, с. 158–159].

В той же книге далее по тексту Е. Ф. Тимковский в подтверждение своих слов о прекрасном владении Петром Буржуа латынью, предлагает полный текст написанного им на этом языке письма, адресованного архимандриту Петру. Письмо дано с параллельным переводом на русский язык, видимо, в исполнении самого пристава [Тимковский, 1821, с. 158–170]. В нем Петр Буржуа сообщает архимандриту о своем былом увлечении даосскими книгами по традиционной китайской медицине и заботливо дает ему ряд практических рекомендаций для поддержания доброго здоровья.

Приведенные о Петре Чжоу Буржуа сведения свидетельствуют о его широкой и разносторонней образованности (получении им китайского и европейского образования), неординарности, высокой одаренности в изучении западных языков, о некоторой осведомленности в вопросах католической веры. Но его китайское образование, вероятно, было неклассическим (нефилологическим) и бессистемным, на что указывают неудовлетворенность пристава познаниями Петра в китайском языке (скорее всего, письменном) и его принадлежность к низшему военному сословию.

Детальное ознакомление со внутренней структурой манускрипта показало, что его текст включает четыре части: «Предисловие» (聖夢歌序) в форме прозы, подписано Дуань Гунем (段袞, жил в пер. пол. XVII в.), крещенным в католичество китайцем, одним из учеников и последователей Дж. Алени; собственно «Песню» в форме белого стиха; «Стихи о глупом моем сновидении» (愚夢詩) тоже в форме белого стиха, подписано тем же Дуань Гунем; и «Послесловие к Песне» (聖夢歌跋) в форме прозы, подписано Ли Цзюбяо (李九標, 1597–1647), также крещенным в католичество китайцем, последователем Дж. Алени. Дуань Гунь и Ли Цзюбяо были редакторами перевода Дж. Алени.

В конце «Песни» написаны такие слова: «[Доски] вырезаны в 12-м году эры Чунчжэнь (1639 г. – прим. авт.) в христианском храме в Цзянчжоу. Конец “Песни святого сновидения” (崇禎十二年絳州景教堂梓 聖夢歌終)». Цзянчжоу – это небольшой город в провинции Шаньси. У Цзяньлинь в своей диссертации пишет, что китайский текст «Шэн мэн гэ» впервые издавался в 1637 году и переиздавался в Цзянчжоу в 1639 году, а потом переиздавался еще раз в 1684 году [У Цзяньлинь, 2016, с. 1]. Последнее переиздание выложено в открытый

доступ на ресурсе «Архива католической епархии Гонконга» («Hong Kong Catholic Diocesan Archives») ³. По финальным словам манускрипта и содержанию его китайского текста видно, что он представляет собой аккуратную полную рукописную копию ксилографического издания книги с переводом Дж. Алени. Русский текст Петра Буржуа предлагает полный перевод этого ксилографа Дж. Алени.

По причине ограниченности в объеме публикации рассмотрим перевод первых десяти строк «Песни», сохранив при этом оригинальную орфографию Петра Буржуа и для сравнения добавив наш буквальный перевод:

Дж. Алени	Петр Буржуа	А. М. Харитонова
(1) 嚴冬霜雪夜分時, (2) 夢一遊魂傍一屍。	Въ жестокой зимѣ, при туманѣ, снѣгѣ, ночью Въ снѣ видѣли скитающіеся душу подлѣ одного трупа.	В суровую зиму, морозной и снежной ночью Увидел во сне бесприютную душу близ трупа.
(3) 疇昔屍魂相締結, (4) 到頭愁怨有誰知。	Иногда трупъ и душа вмѣстѣ со- единились, Но ихъ крайніи жалобу кто по- зналъ?	Когда-то труп и душа были соединены, О последнем [их] горе и ро- поте кому было ведомо?
(5) 魂兮何有余多恨, (6) 喟向屍前嘆且悲。	О душа! Почему имѣшь [имеешь] ты излишнею ненависть? Она вдругъ подхода [подходит] къ трупу всдыхаетъ [вздыхает] и плачить [плачет].	О, душа! Отчего [ты так] из- лишне негодуешь? Со вздохом обратившись к трупу и сокрушаясь.
(7) 謂汝肉軀曾憶否, (8) 炎炎在世傲鬚眉。	Я скажу тебѣ, плотское тѣло! На- помнишь ли ты? Что пышно въ свѣтѣ гордился ты о своей красотѣ, бородѣ и лицѣ.	Скажу тебе, плотское тело, думало ли [ты] прежде, Блестящую жизнь проживая, надменно задираю бороду и брови.
(9) 一朝長寢顏容變, (10) 白骨荒丘人惡見。	Однажды долговременное сонъ образу и фигурѣ перемѣнило, Оскорбно все превращалось въ мигъ [<i>Фраза зачеркнута – прим. авт.</i>].	В одно утро вечный покой отразился на челе и облике. Непогребенные кости на пус- тынном холме люди [теперь] с отвращением видят.

Сравнение текстов показывает, что Петром Буржуа был выполнен буквальный подстрочный перевод. Этот перевод в основном точный, но часто встречаются стилистические и орфографические погрешности («подхода» = подходит; «всдыхаетъ» = вздыхает; далее по тексту встречается «трубу» = трупу и др.), непривычные сочетания слов и специфические обороты, в совокупности выдающие в переводчике иностранца, владеющего русским языком еще недостаточно уверенно. Неуверенностью можно объяснить и зачеркнутые кое-где фразы перевода, как, например, в десятой строке. В этом смысле текст полностью соответствует тем тренировочным задачам, которые Петр Буржуа ставил перед собой. Но эти недостатки почти не затрудняют восприятие рукописи, в реальности предлагающей нам даже неплохой черновой перевод, который нуждается лишь в некоторой корректировке и доработке. Это свидетельствует о выдающемся таланте нового китайского ученика архимандрита Петра, сразу же отметившего его перспективность.

³ Текст перевода на китайский язык «Песни святого сновидения» Джулио Алени. URL: <https://archives.catholic.org.hk/Rare%20Books/ESM/index.htm> (дата обращения 10.12.2021).

Выводы

Подводя итоги исследования, можно констатировать следующие результаты. В ходе работы удалось установить, что хранящаяся в научной библиотеке СПбГУ рукопись «Песнь святого сновидения» – полный перевод китайского ксилографа «Шэн мэн гэ» 1639 г. издания, предлагающего в свою очередь китайский перевод «Видения святого Бернарда» Бернарда Клервоского в исполнении католического миссионера Джулио Алени. Русский перевод был выполнен в 1820-х гг. и тогда же подарен архимандриту Петру (Каменскому) китайцем Петром Чжоу Буржуа, сотрудничавшим с католическими и православными миссионерами. В статье удалось отразить некоторые найденные сведения об этом. Перевод Петра Чжоу – единственный пока в России подобный перевод «Видения» с китайского языка. Как удалось установить, он был выполнен для учебных целей в связи с изучением Петром Буржуа русского языка, что подтверждается маргиналиями на тексте, а также его стилистическими и орфографическими особенностями.

Дальнейшее изучение «Песни» может иметь определенные научные перспективы, поскольку подразумевает исследование ранее неизвестного в отечественной науке памятника и может пролить новый свет на историю контактов православных миссионеров и жителей Китая, шире – российско-китайского взаимодействия.

Список литературы

- Азаркина М. А., Маяцкий Д. И.** Некоторые сведения об истории образования и развития фонда Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ // Россия и Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 4–12.
- Архимандрит Августин (Никитин).** Изучение личности и творчества Бернарда Клервоского (1091–1153) в русской науке // Христианское чтение: научно-богословский журнал, 2010. № 1 (32). С. 34–75.
- Вахтин Б. Б., Гуревич И. С., Кроль Ю. Л. и др.** Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР: В 3 т. М.: ГРВЛ, 1973. Т. 1. 402 с.; Т. 2. 591 с.; Т. 3. 502 с.
- Дацышен В. Г.** Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
- Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б.** Архимандрит Петр (Каменский). М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.
- Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И.** Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Студия НП-Принт, 2012. 440 с.
- Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: сист. кат. / Сост. К. С. Яхонтов; науч. ред. Ю. Л. Кроль; ред. О. В. Васильева. СПб., 1993. 311 с.
- Ломанов А. В.** Христианство и китайская культура. М.: Вост. лит., 2002. 446 с.
- Маяцкий Д. И.** О происхождении иезуитских книг из китайских коллекций членов пекинской духовной миссии в собраниях СПбГУ и РНБ // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева Кая. СПб.: Студия «НП-Принт», 2021. Т. 1. С. 20–21.
- Тимковский Е. Ф.** Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. В трех частях. Санкт-Петербург: Тип. Мед. департамента Мин-ва внутр. дел, 1821. Ч. 2. С. 158–170.
- Харитонова А. М.** Китайская книжная коллекция архимандрита Петра (Каменского) и ее судьба // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей но-

вейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева Кая. СПб.: Студия «НП-Принт», 2021а. Т. 1. С. 27–28.

Харитонов А. М. О китайских книгах архимандрита Петра (Каменского) в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ // Россия и Китай: история и культура: Сб. ст. и докл. участников XIV Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во АН РТ, 2021б. С. 333–339.

Bredero A. H. Bernard of Clairvaux. London, Bloomsbury Academic, 2004, 336 p.

Lu Huizhong. Gli scritti cinesi di Giulio Aleni (Prima parte). In: Intorcettiana. Piazza Armerina: Fondazione Prospero Intorcetta Cultura Aperta. № 3, gennaio-giugno 2020, pp. 62–65.

Lu Huizhong. Gli scritti cinesi di Giulio Aleni (Parte seconda). In: Intorcettiana. Piazza Armerina: Fondazione Prospero Intorcetta Cultura Aperta. № 4, luglio-dicembre 2020, pp. 38–43.

Song Gang. Dialogic Construction of the Mind: Christian-Confucian Spiritual Life in Late Ming Fujian. *Journal of Oriental Studies*, November 2009, vol. 42, no. 1/2, pp. 29–54.

У Цзяньлинь. Сюэци фань: Ай Жулюэ «Шэн мэн гэ» [吳建林。修辭翻譯：艾儒略《聖夢歌》] Художественный перевод: «Песнь святого сновидения» Джулио Алени. Боши луньвэнь. Голи Тайвань шифань дасюэ, 2016. 177 с. (на кит. яз.)

References

Archimandrite Augustine (Nikitin). Izuchenie lichnosti i tvorchestva Bernarda Klervoskogo (1091–1153) v russkoj nauke [Study of the personality and work of Bernard of Clairvaux (1091–1153) in the Russian science]. *Khristianskoe chtenie: nauchno-bogoslovskij zhurnal* [Christian reading: scientific and theological journal], 2010, no. 1 (32), pp. 34–75. (in Russ.)

Azarkina M. A., Mayatsky D. I. Nekotorye svedeniya ob istorii obrazovaniya i razvitiya fonda Vostochnogo otdela Nauchnoj biblioteki SPbGU [Some Reflections about the History of the Eastern Department of the SPbSU Academic Library]. In: Russia and China: history and culture: a collection of articles and reports of the participants of the XIV International Scientific and Practical Conference. Kazan, AN RT, 2021, pp. 4–12. (in Russ.)

Bredero A. H. Bernard of Clairvaux. London, Bloomsbury Academic, 2004, 336 p.

Datsyshen V. G. Hristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost' [Christianity in China: Past and Present]. Moscow, Scientific and educational forum on international relations, 2007, 240 p. (in Russ.)

Datsyshen V. G., Chegodaev A. B. Archimandrite Peter (Kamensky). Moscow, Hong Kong, The Brotherhood of the Holy Primate Apostles Peter and Paul, 2013, 360 p. (in Russ.)

Kharitonova A. M. Kitajskaja knizhnaja kollekcija archimandrita Petra (Kamenskogo) i ee sud'ba [Chinese book collection of Archimandrite Peter (Kamensky) and its fate]. In: XXXI International Congress on Source Study and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. To the 100th anniversary of modern political and cultural ties. June 23–25, 2021: Materials of the Congress. Resp. ed.: N. N. Dyakov, P. I. Rysakova, A. O. Pobedonostseva-Kaya. St. Petersburg, NP-Print Studio, 2021a, vol. 1, pp. 27–28. (in Russ.)

Kharitonova A. M. О kitajskih knigah arhimandrita Petra (Kamenskogo) v Vostochnom otdel Nauchnoj biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU [About the Chinese books of Archimandrite Peter (Kamensky) in the Eastern Department of the Scientific Library of M. Gorky St. Petersburg State University]. In: Russia and China: history and culture: a collection of articles and reports of the participants of the XIV International Scientific and Practical Conference. Kazan, AN RT, 2021b, pp. 333–339. (in Russ.)

Kitajskie rukopisi i ksilografy Publichnoj biblioteki: sist. kat. [Chinese Manuscripts and Woodcuts of the Public Library: sist. cat.]. Comp. K. S. Yakhontov; sci. ed. Yu. L. Krol; ed. O. V. Vasileva. St. Petersburg, 1993, 311 p. (in Russ.)

Lomanov A. V. Hristianstvo i kitajskaja kul'tura [Christianity and Chinese culture]. Moscow, Vost. lit., 2002, 446 p. (in Russ.)

- Lu Huizhong.** Gli scritti cinesi di Giulio Aleni (Parte seconda) [The Chinese writings of Giulio Aleni (Second Part)]. In: Intorcettiana. Piazza Armerina: Fondazione Prospero Intorcetta Cultura Aperta. № 4, luglio-dicembre 2020, pp. 38–43. (in Ital.)
- Lu Huizhong.** Gli scritti cinesi di Giulio Aleni (Prima parte) [The Chinese writings of Giulio Aleni (First part)]. In: Intorcettiana. Piazza Armerina: Fondazione Prospero Intorcetta Cultura Aperta. № 3, gennaio-giugno 2020, pp. 62–65. (in Ital.)
- Mayatskii D. I.** O proishozhdenii iezuitskikh knig iz kitajskih kollekcij chlenov pekinskoj duhovnoj missii v sobranijah SPbGU i RNB [On the origin of Jesuit books from the Chinese collections of members of the Orthodox Mission in Beijing in the collections of St. Petersburg State University and the National Library of Russia]. In: XXXI International Congress on Source Study and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. To the 100th anniversary of modern political and cultural ties. June 23–25, 2021: Materials of the Congress. Resp. ed.: N. N. Dyakov, P. I. Rysakova, A. O. Pobedonostseva-Kaya. St. Petersburg, NP-Print Studio, 2021, vol. 1, pp. 20–21. (in Russ.)
- Song Gang.** Dialogic Construction of the Mind: Christian-Confucian Spiritual Life in Late Ming Fujian. *Journal of Oriental Studies*, November 2009, vol. 42, no. 1/2, pp. 29–54.
- Timkovsky E. F.** Puteshestvie v Kitaj cherez Mongoliju v 1820 i 1821 godakh. S kartoju, chertezhami i risunkami. Pечатано по Vysochajshemu poveleniju, izhdiveniem kazny. V trekh chastjah [Travel to China through Mongolia in 1820 and 1821. With maps, drawings and pictures. Printed by the Highest command, dependent on the treasury. In three parts]. St. Petersburg, Printing House of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1821, pt. 2, pp. 158–170. (in Russ.)
- Vakhtin B. B., Gurevich I. S., Krol Yu. L., Stulova E. S., Toropov A. A.** Katalog fonda kitajskih ksilografov Instituta vostokovedenija AN SSSR [Catalog of the collection of the Chinese woodcut prints of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. In 3 vols. Moscow, GRVL, 1973, vol. 1, 402 p., vol. 2, 591 p., vol. 3, 502 p. (in Russ.)
- Wu Jianlin.** Xiuci fanyi: Ai Rulüe “Sheng meng ge”. [吴建林。修辭翻譯：艾儒略《聖夢歌》]. Literary translation: “The Song of the Holy Dream” by Giulio Aleni. PhD thesis. National Taiwan Normal University, 2016, 177 p. (in Chin.)
- Zavidovskaya E. A., Mayatskii D. I.** Opisanie sobranija kitajskih knig akademika V. P. Vasileva v fondah Vostochnogo otdela Nauchnoj biblioteki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Description of the collection of Chinese books by academician V. P. Vasiliev in the collections of the Eastern Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, NP-Print Studio, 2012, 440 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Анна Михайловна Харитонова, ассистент
Лю Жомэй, PhD, профессор

Information about the Authors

Anna M. Kharitonova, Assistant Professor
Liu Ruomei, PhD, Professor

Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 14.12.2021;
approved after review on 11.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-164-172

应对挑战 共克时艰 一起向未来: 新西伯利亚国立大学孔子学院 2021 年工作总结

毕新惠¹

阿扎莲科·尤²

¹新疆大学外国语学院

中国新疆乌鲁木齐市

^{1,2}新西伯利亚国立大学

俄罗斯新西伯利亚市

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

摘要

2021 年是新西伯利亚国立大学孔子学院完成转隶后转隶的重要年份。本文从中文教学、文化和科研三个方面对我院 2021 年度的工作情况和业绩进行了较为全面的回顾和总结。在新冠病毒依旧肆虐全球的大背景下，我院遭遇了建院以来前所未有的困境：中方教师急剧减少，中文教学点和学员减半、线下文化活动受限、线下国际交流互访无法实现等。我院积极应对挑战，在中俄合作大学的鼎力支持下，严格防疫、共克时艰，以线上线下相结合的方式出色完成了本年度各项工作，并取得了丰硕的成果。本年度我院新建了“中国文化传播区”、中文图书室、“远程汉语培训中心”中文教学云平台、“知之”大学生俱乐部，为今后的工作搭建了更好的平台。下一年度，我们将按照本年度理事会会议确定的发展规划，继续求真务实，一起向未来。

关键词

新西伯利亚国立大学孔子学院 线上 工作总结

Together for a Shared Future – Against All Odds: The 2021 Report from Confucius Institute at Novosibirsk State University

Bi Xinhui¹, Iuliia A. Azarenko²

¹ Xinjiang University

Urumchi, China

^{1,2} Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

Abstract

Following reorganization of the Confucius Institute Headquarters in 2021, the project “Confucius Institute at Novosibirsk State University” was taken patronage by its Chinese partner – Xinjiang University. This article observes

© Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А., 2022

three fields of activities of the NSU Confucius Institute Center that took place that year: teaching Chinese, organizing cultural events, conducting scholarly research. It encountered numerous difficulties such as the decrease of teaching staff, the number of Chinese learners shrinking by half, school closures and restrictions in holding cultural events, cancellation of academic mobility and international visits. The center, however, adapted to the new normal having benefited from its patrons from both sides and having succeeded in everything planned. Some of the achieved goals were the construction of a recreational area in a national style where visitors can concurrently learn about the institute's activity, renovation of an old room to be a resource library for students and teachers, the launch of a distance learning platform for studying Chinese online, establishment of the Knowledge student club. All things considered, the activity of the Confucius Institute at Novosibirsk State University consolidates the idea of working 'together for a shared future'.

Keywords

Confucius Institute at Novosibirsk State University, online, annual work report

For citation

Bi Xinhui, Azarenko Yu. A. Together for a Shared Future – Against All Odds: The 2021 Report from Confucius Institute at the Novosibirsk State University (in Chin.). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 164–172. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-164-172

Вместе ради общего будущего – вопреки препятствиям и трудностям: отчет о работе в 2021 году «Института Конфуция» Новосибирского государственного университета

Би Синьхуэй¹

Юлия Анатольевна Азаренко²

¹ Синьцзянский университет

Урумчи, Китай

^{1,2} Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

Аннотация

В 2021 г. в результате реорганизации Штаб-квартиры институтов Конфуция право руководства международным проектом «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны перешло к вузу-партнеру НГУ Синьцзянскому университету. В данной статье показаны три стороны деятельности научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» гуманитарного института Новосибирского государственного университета в этом важном для него году: обучение китайскому языку, мероприятия в области культуры и научно-исследовательская работа. В связи с продолжением коронавирусной пандемии проект переживал небывалые трудности: произошло сокращение числа китайских преподавателей, вдвое уменьшилась численность обучающихся китайскому языку в школах-партнерах и количество таких школ; ограничивались офлайн-мероприятия в культурной сфере; прекратились выезды на учебу в Китай и обмен делегациями. Однако «Институт Конфуция НГУ» активно адаптировался к изменившимся условиям, внедрил новые формы работы, использовал имеющиеся ресурсы и преимущества и, благодаря поддержке руководства обоих вузов, сумел успешно реализовать все планы. В завершившемся году обустроена зона отдыха и рекламы деятельности «Института Конфуция НГУ» в учебном корпусе № 1; в переоборудованном помещении центра создана библиотека ресурсов для изучающих китайский язык; подготовлена большая часть электронного учебного контента первой равноуровневой программы центра дистанционного обучения китайскому языку и начат набор на эту программу на платформе «Ding Talk»; образован студенческий клуб «Знание». Таким образом, деятельность «Института Конфуция НГУ» обрела еще более прочное основание, гарантируя успех совместному движению в будущее.

Ключевые слова

Институт Конфуция НГУ, онлайн, отчет о работе

Для цитирования

Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А. Вместе ради общего будущего – вопреки препятствиям и трудностям: Отчет о работе в 2021 году «Института Конфуция» Новосибирского государственного университета (на кит. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 164–172. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-164-172

2021 年对中俄关系是有特殊意义的一年,《中俄睦邻友好合作条约》延期,俄罗斯总统普京在俄罗斯外交部委员会会议(11月18日)上表示,“现在中俄双边关系达到了历史最高水平”¹。2021 年对新西伯利亚国立大学孔子学院也是意义重大的年份,是孔子学院完成转隶后开启新征程的重要年份。俄罗斯新西伯利亚国立大学和中国新疆大学于 2020 年 12 月 31 日签署了关于合作建设孔子学院的协议,自此,两校在新西伯利亚国立大学孔子学院的建设中将发挥越来越重要的作用。

在这不平凡的一年里,新冠病毒依旧肆虐全球。俄罗斯疫情持续反复,中方教师赴俄工作风险加大,我院中方教师及志愿者人数大幅减少。孔子学院防疫工作进入常态化,在岗教师身心经受了巨大的考验。因缺少线下中方教师,我院下设的中文教学点数量压缩近半数²。

本年度我院的大学英语教学点有 4 个(新西伯利亚国立经济与管理大学、西伯利亚管理学院、阿尔泰国立大学、戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学),中学教学点仅剩 3 个(112 中学、第六高级中学和 130 中学)。

至 2021 年末,我院在岗人员共 12 人,其中:俄方 8 人(院长 1 人、行政秘书 2 人、专职本土中文教师 2 人、兼职本土中文教师 3 人);中方 4 人(院长 1 人、公派教师 2 人、志愿者 1 人)。

如何应对挑战、摆脱困境?如何寻求机遇、谋求发展?一年期间,我院全体人员严格防疫、共克时艰,在年末交上了自己的答卷。

我院的常规工作主要由中文教学、文化和科研三大部分组成。以下本文将对 2021 年度工作做一简要回顾。

一、中文教学情况

1. 师资

本年度我院俄方中文教师人数增加,中方教师减少。新疆大学在中文师资方面给予大力支持:安排了线上中文教师 6 人,每学期 3 人,确保了本院 3 所下设大学教学点有中国教师授课。派遣了 1 名教师和 1 名教师志愿者赴俄,接替了离任教师的岗位。资助了专职本土中文教师 2 人:1 人负责戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学中文教学,1 人负责 112 中学和第六高级中学的中文教学,提升了下设教学点的师资水平。俄方中文教师中,除专职教师外,兼职教师中既有德高望重的老教师,也有经验丰富的中青年教师,还有新毕业的年轻老师。这在很大程度上保证了孔院中文教学工作的正常开展。

2. 教学

本年度我院学员总计 1101 人,共开设 86 个汉语课程教学班(各大学中文学分课程班级和各类中文培训班)。与疫情前期 2019 年相比,学员人数和开课班级数量均大幅减少。(见 2020 年新西国立大学学报)中文教学以线上和线下相结合的方式进行。自 2021 年 3 月下旬开始,我院在岗教师由线上教学转为线下面对面授课。培训班教学则根据疫情变化线上线下交替进行。

我院开设了不同级别的汉语课程,以满足各大学和中小学教学点的中文教学需要及当地各类中文学员的学习需求。主要有:初级、中级、高级汉语、HSK 和 HSKK 分级考试辅导,以及听力、口语、语法、阅读、中国文学等专业课、书法课和各类中国文化体验课。主要使用的教材有《新实用汉语 1—4 册》《汉语听力教程》《汉语口语速成》《发展汉语》《新编汉

¹ Путин заявил, что некоторые западные партнеры пытаются вбить клин между Москвой и Пекином // ТАСС сайт. URL: <https://tass.ru/politika/12963041> (дата обращения 15.01.2021).

² 详见: [Би Синьхуэй, Азаренко, 2020].

语新目标》《HSK 标准教程 2-6 册》《快乐汉语》，除此之外，还有《博雅汉语》《汉语教程》《体验汉语》系列和《现代汉语实用语法》《中国古代文学史纲》《汉语乐园》等。

2021 年，我院经选拔共推荐奖学金生 33 人，中国高校实际录取 33 人。分别为：国际中文教师奖学金项目 27 人（新疆大学汉语研修线上项目 19 人）、中国政府奖学金项目 6 人。

受新西伯利亚州教育厅委托，本年度我院完成了全俄市级中学生奥林匹克汉语竞赛出题任务，承办了区级中学生奥林匹克汉语竞赛的培训、考试（笔试、面试）、阅卷和答疑工作。

为应对疫情，2021 年我院设立了“远程汉语培训中心”，建立了中文教学云平台。在新疆维吾尔自治区教育厅汉推基地和新疆大学的支持下，组织开展视频课程建设。邀请了我院有经验的中方教师为经典教材《新实用汉语 1—4 册》制作精讲录播课，并上传至教学云平台，供本土中文教师和我院所有学员自主学习使用。该项目正在执行中，计划两年内完成。

3. 教研

我院严格教学管理，通过教学检查、教学研讨等方式促进教师提升教学能力，达到提质增效的目的。我院每学期开展一次教学检查，全面检查在岗教师的教学情况。内容包括：每位教师按照大纲规定编制所授全部课程的教学日历、教案和 PPT 课件；录制 1-2 课教学视频；教师互相听课（不少于 4 节）并填写听课记录表；向我院每位学员征集意见表等。这些材料需在规定的时间内上传至孔院钉钉群文件夹，群成员可以共享。此外，为更好地开展线上和线下中文教学，我院还开展了小组备课、教学研讨（包括各类线上教学资源分享、课件制作等内容）。共享教学材料和研讨活动很好地帮助教师们解决了教学中的实际问题，使他们在教学中相互借鉴、取长补短、共同进步。

我院 3 名俄方教师（谢尔盖·科米萨洛夫、尤利娅·阿扎莲科和纳西玛·尼卡拉耶娃）参与编写了有关中国岩画的教材 1 部：《中国岩画：研究史和珍贵遗迹》。这是一部考古学专业教材，由俄科学院西伯利亚分院考古与民族学研究所和新西伯利亚国立大学联合出版 [Петроглифы..., 2021]。

4. 师资培训

2021 年 7 月 2-16 日我院举办了一场为期两周的规模较大的线上本土汉语教师培训，来自 4 个国家、31 个城市的 90 余名教师参加了此次培训。培训专家由中方 3 人（新疆大学 2 人+首都师范大学 1 人）和俄方 5 人组成，他们专业水平高、经验丰富，培训课程内容多样。此次培训在很大程度上满足了俄罗斯及独联体国家本土中文教师的实际教学需求，凸显了我院在本土中文教师培训中的作为。

我院鼓励并资助专职本土中文教师参加教学竞赛。11 月，尤丽娅娜·什洛娃代表我院参加了莫斯科国立语言大学举办的第三届“最佳本土汉语教师”教学技能大赛，获得了第二名的优异成绩。

二、文化活动情况

疫情下，各校对于举办线下文化活动的人数都做了明确的限制，每场不得超过 50 人。本年度我院灵活应对各种突发情况，组织开展各类线上线下活动 40 余场，参加线上活动 10 场。活动受众愈 3500 人次。

1. 文化活动

影响力较大的文化活动有：新春活动特辑、中国文化周、中文节、庆孔子学院日、多彩庆中秋节、“读中国、庆国庆、送祝福”、科学节，以及主题丰富的中文口语俱乐部（7 次）等。这些活动吸引了大量孔院学员及当地中文学习者参加，很好地介绍了中国文化，促进了文化交流。

10月中旬,我院新成立了“知之”大学生俱乐部。俱乐部自启动以来,组织开展了不同形式的文化活动,吸引了新西伯利亚国立大学的俄罗斯学生和各国留学生参加。

2. 赛事活动

本年度应广大学员要求,我院克服疫情困难,继续举办了最受欢迎的传统赛事活动,分别为:第七届西伯利亚地区中国影视配音大赛、第八届大学生和中学生书法比赛(以助力“2022北京冬奥”为主题)、第四届汉语口语大赛。此外,我院创新举办了线上比赛:首届“中文日”大学生作文大赛、首届“儿童节”中小学生学习中文歌曲大赛,继2019年之后又恢复举办了“我的第一个汉字”联想绘画比赛。我院的比赛活动得到中文学子的普遍关注,比赛结果公平公正,深得参赛学员认可。我院学员在各项比赛中赛出了成绩,赛出了友谊,学员们参与比赛的热情并未因疫情而减退。

我院积极培训选手参加各类线上比赛,其中突出的有“汉语桥”比赛:5月29-30日在“汉语桥”世界大、中学生中文比赛俄罗斯赛区叶卡捷琳堡领区云端预选赛中,我院推送的2名选手在大学生中文比赛中分别荣获冠亚军,中学生中文比赛中1名选手荣获亚军,在6月10日举办的首届小学生中文秀领区预选赛中1名选手荣获亚军。6月19-20日,获奖选手参加了“汉语桥”俄罗斯赛区决赛。在中学生中文比赛和小学生中文秀中,我院选手参加的叶卡捷琳堡代表队获得团体总分第二名。

在俄罗斯其他孔院和高校举办的线上赛事中,我院学员均有斩获。在新西伯利亚国立技术大学孔子学院举办的第十三届“友谊之声孔子学院杯”全俄大学生中文歌曲大赛中,我院5名参赛选手满载而归。其中,独唱组2人获得二等奖、1人获得三等奖、合唱组2人获得三等奖。在该校举办的第十五届“西伯利亚万花筒”演讲比赛、外语写作大赛区域赛(中文组)及下诺夫哥罗德国立语言大学孔子学院举办的2021年作文比赛中我院选手均有不俗的表现。

此外,我院多名学员参加了更高级别的赛事活动:1名学员参加了“汉语桥”俱乐部APP面向世界各个国家和地区的中文爱好者举办的《一分钟·中文创意挑战赛》,获得入围奖。1名学员参加了由莫斯科中国文化中心与央视网共同开展的“我与中国的邂逅”全球线上征集活动,其视频作品荣获二等奖。我院下设两所中学教学点的10名学生参加了教育部中外语言交流合作中心(下称:语合中心)于9月10日-10月10日举办的“画冬奥·学中文”中文手抄报大赛。四幅参赛作品在欧洲地区中小学生学习中文手抄报比赛中喜获佳绩:1个一等奖、1个二等奖、2个三等奖。获奖作品已移交北京奥运村,并作为2022年北京冬奥会的重要遗产报送国际奥委会。在语合中心举办的2021年度“唱歌学中文”音乐视频全球征集活动中,我院“森林童话”演唱组合提交的作品获得“最佳中文音乐视频创意奖”。

2021年年末,我院组织学员参加了首届新疆高校“丝路桥”国际中文网络大赛的预选赛,2名学员进入决赛,其中1人获得三等奖,1人获得优秀奖。我院获得优秀组织奖。

新冠疫情虽仍在全球蔓延,但线上交流的方式却得到了极大地推广。我院抓住机遇,扩大与外界的线上交流,将文化活动的辐射范围扩大到本地区之外更广的地域,让更多的中文学习者有机会通过参与我院的文化活动更好地了解当代中国、了解中国文化、提高中文水平。同时,也为我院学子提供机会,让他们能够登上更高更大的平台,施展才华。

我院在组织各类活动的同时,非常重视对外宣传和报道。我院在多个社交平台建有公众号,常用的有:VK、微信、新浪微博、抖音等,我院不定期在各个平台发布活动报道,受到了广泛关注。2021年度我院各平台公众号浏览量分别为:VK—57495人次,微信—6366人次;微博—137564人次,抖音—4990人次。

孔子学院官方微博、孔子学院官方微信公众账号—今日孔院、中国教育部中外语言合作交流中心官方微信公众账号、新西伯利亚国立大学官方网站及新西教育网站对本院的重大活动均做了相关报道。

三、科研情况

本院的科研活动包括举办国际学术会议、合办大学生学术论坛、专家讲座和发表学术论文、编辑出版论文集、学报和译著等。

1. 国际学术会议

本院以“丝绸之路”为主题，每年举办一届国际学术研讨会。2021年11月1日至2日，由本院、俄罗斯科学院西伯利亚分院考古学与民族学研究所、新疆大学联合以线上与线下相结合的方式举办了第七届“丝绸之路：历史遗产与跨文化交流”学术及实践研讨会³。共有来自5个国家20个城市30多所著名高校、顶尖科研院所和中学的100余名专家学者、教师和在读硕博研究生参加了本届研讨会。会议期间与会者围绕四个会议主题（丝绸之路考古学和古人类学研究；中国与周边国家在历史、文学与历史领域的跨文化交流；“一带一路”倡议发展区域的经济、文化和地缘政治问题；中国、俄罗斯及中亚国家的中文/俄文国际教育及教学法研究、翻译研究），开展了大量的科研学术交流活动，这在很大程度上促进了来自不同国家学者间的交流与分享，促进了各方的科学研究和学术交流。会上，新疆大学的多名学者教师云端参会，这加强了本院中俄合建大学之间学术层面的互学互鉴。

2. 大学生学术论坛

大学生学术论坛（中文）是俄罗斯高校培养大学生科研能力、开展学术交流的重要平台。各高校每年举办一次，旨在激发学生对中文语言、文化、历史等领域的研究兴趣。本院积极参与其中，协助所在大学及下设大学教学点开展相关工作。

本院与新西伯利亚国立大学人文学院连续多年联合举办大学生国际学术论坛（中文分论坛）。2021年4月，共40余名师生参加了本年度大学生国际学术论坛。本院负责组建了由中国教师组成的评委会，现场听取了学生的论文报告，评定出优秀论文，奖励了获奖论文⁴。

此外，同年4月，本院与下设大学教学点——西伯利亚管理学院外语系联合举办了大学生国际外语论坛（中文分论坛）。论坛主题为“全球变化：青年视角”。本院在活动举办和人才选拔方面给予了切实协助。

同年12月，本院派遣中方教师参加新西伯利亚经济与管理大学举办的大学生国际学术与实践论坛（中文分论坛）并担任评委，支持该校的学术活动。

3. 学术讲座

本年度本院利用线上优势，邀请汉学专家为本院学员做了不同主题的学术讲座。

2021年4月，俄罗斯科学院东方学研究所高级研究员、莫斯科国立大学亚非学院、俄罗斯国立人文大学谢尔盖·德米特里耶夫副教授为新西伯利亚国立大学和本院师生做了题为“中国辛亥革命”的线上学术讲座。2021年6月，俄罗斯科学院远东研究所所长、著名东方学家阿列克谢·马斯洛夫教授为新西伯利亚国立大学人文学院师生做了一场题为“中国经济模式在后

³ 2018年起，本院国际会议开始在新西伯利亚国立大学人文学院“遗产”国际学术论坛框架下举办。（“遗产”国际学术论坛详见：URL: <https://www.nsu.ru/n/humanities-institute/research/events/HeritageForum2021/>）。

⁴ 新西伯利亚国立大学大学生国际学术论坛论文摘要集详见：Международная научная студенческая конференция: Мат-лы 59-й Междунар. науч. студенч. конф., 12–23 апреля 2021 г. = Proceedings of the 59th International students scientific conference, April, 12–23, 2021. Востоковедение. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 169–204. URL: <https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNjg2MQ/cGFnZTAwMDA> (дата обращения 15.01.2021).

疫情世界中的转型”的学术讲座。这些讲座使俄罗斯著名汉学家走进了大学，与大学生近距离交流，增进了师生们对中国的认识 and 了解。

青年文学翻译家阿琳娜·佩尔洛娃（其译作《茧》<张悦然著>在 2021 年托尔斯泰文学奖评选中获外国文学奖提名）为我院师生做了三场文学翻译研究与实践讲座（汉译俄）。她分别以鲁迅的短篇小说《孔乙己》、冰心的《小桔灯》⁵、朱自清的《背影》俄译本为语料，结合个人翻译实践经验，向学员推介了中国知名作家及其作品，讲解了翻译技巧，分享了翻译经验。同年 11 月，莫斯科国立大学亚非学院中国语文学教研室主任马克·乌里扬诺夫副教授做了题为“科学（历史）文本俄译的典型问题”的讲座。这些讲座实用性强、吸引了不少师生和翻译工作者参加，对俄罗斯汉俄翻译人才培养起到了一定的辅助作用。

4. 学术成果

除以上科研活动外，本年度我院中俄方教师共发表近 20 篇论文和书评，其中，谢尔盖·科米萨洛夫教授在发表专业论文的同时，还刊发了介绍中国抗议的文章 2 篇[Комиссаров, 2021; Лю Дэпэй, Кэмисалофу, 2021]、翻译文章 1 篇[Лю Дэпэй, 2021]、与多国作者合作撰写专著 1 部，该书在新加坡出版[SARS-CoV-2, 2021]。

编辑出版 2021 国际学术会议论文摘要集 1 部 [Историческое наследие..., 2021]，编辑出版新西伯利亚国立大学学报 1 期，翻译并编辑出版新西伯利亚知名口译专家鲍里斯·塔拉诺夫的自传《我的丝绸之路》1 部 [Таланофу, 2021]。

综上所述，本年度我院虽然经历了建院以来前所未有的困境：中方教师急剧减少，中文教学点和学员减半，线下活动受限、线下国际交流互访无法实现等。但是，在中俄合作大学的鼎立支持下，我院中俄方院长在各项工作中，共商共议解难题，身体力行抓落实，我院全体中俄方教师及行政人员互相支持、通力协作，凝心聚力克难关，出色完成了年度工作计划。

本年度，我院新建了“中国文化宣传区”、中文图书室、“远程汉语培训中心”中文教学云平台 and “知之”大学生俱乐部，这为我院今后的工作搭建了更好的平台，开创了更新的局面。行而不辍、履践致远，下一年度，我们将按照本年度我院线上理事会会议确定的发展规划，继续求真务实，一起向未来。

Список литературы

- Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.** Цзяньли нэйхань чжун шисяо цзяюлю хэцзо цу фачжань – 2019 нянь синьсиболия голи дасюэ кунцзы сюэюань гунцзо цзунцзе [毕新惠、Ю. А. Azarenko. 建设内涵重实效 交流合作促发展——2019 年新西伯利亚国立大学孔子学院工作总结]. Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2019 году (на кит. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 129–136. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-129-136
- Историческое наследие и кросскультурные связи на Великом Шелковом пути: Сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 нояб. 2021 г.) III Междунар. науч. форума «Наследие» НГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 100 с. (на рус., кит. и англ. яз.)
- Комиссаров С. А.** Традиционная китайская медицина против коронавируса // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: Сб. материалов: Томск, 6–9 июля 2021 г. М.; Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 615. Сайт Ассоциации антропологов и этнологов России.

⁵文学翻译研究与实践讲座录像详见： Мастер-класс художественного перевода А. Перловой: Бин Синь. «Мандариновый фонарик» // Youtube: канал «Институт Конфуция НГУ». 14.11.2021. URL: <https://youtu.be/XiDtv7WG6cc>

URL: <https://rusanthro.files.wordpress.com/2021/07/d0a1d091d09ed0a0d09dd098d09a-xiv-d09ad090d0add0a0.pdf>

- Лю Дэпэй.** Начальный этап борьбы с COVID-19 в Китае: взгляд изнутри / Пер. с кит. С. А. Комиссарова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 126–130. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-126-130
- Лю Дэпэй, Кэмисалофу Сэргай** [Комиссаров Сергей]. Гуаньчжуан бинду цзовэй чжэнчжи иньсо: SARS-CoV-2 циюаньдэ чжунси баньбэнь цзи чжиляо фанфа [刘德佩、科米萨罗夫·谢尔盖。冠状病毒作为政治因素：SARS-CoV-2 起源的中西版本及其治疗方法]. Коронавирус как политический фактор: Западная и китайская версии происхождения SARS-CoV-2 и путей его лечения // *The Beacon: Journal for Studing Ideologies and Mental Dimensions* (online). 2021. Vol. 4. Article 020510371. P. 1–18. URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12656/thebeacon.4.020310371>. (на кит. яз.)
- Петроглифы Китая: история изучения и важнейшие памятники: Учеб. пособие / С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев, М. А. Кудинова и др.; отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2021. 218 с.
- Таланофу Бао Ань.** Водэ сылу жэньшэн [塔拉诺夫·鲍·安。我的丝路人生] Шелковый путь моей жизни = **Таланов Б. А.** Не Шелковый путь / Пер. на кит. Би Синьхуэй; отв. ред. Ю. А. Азаренко. Новосибирск: НГУ, 2021. 114 с. (на кит. яз.)
- SARS-CoV-2 and Coronacrisis: Epidemiological Challenges, Social Policies and Administrative Strategies / Ed. by E. I. Legach, K. S. Sharov. Singapore: Springer, 2021. XXVIII. 382 p.

References

- Bi Xinhui, Azarenko Iu. A.** Jianli neihan zhong shixiao jiaoliu hezuo cujin fazhan – 2019 nian Xinxiboliya guoli daxue kongzi xueyuan gongzuo jianjie [The 2019 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, pp. 129–136. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-129-136
- Istoricheskoe nasledie i krosskul'turnye sviazi na Velikom Shelkovom puti (in Russ.) [Historical heritage and cross-cultural relations on Great Silk Road: Collection of abstracts of International scientific and practical conf. (2021, 1–2nd Nov.) of Third International scientific forum “Heritage”]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 100 p. (in Russ., Chin., Engl.)
- Komissarov S. A.** Traditsionnaia kitaiskaia meditsina protiv koronavirusa. [Traditional Chinese Medicine against coronavirus. XIV Russian Anthropologist and Ethnologists Congress]. Tomsk, 2021, 6–9th June. Moscow, Tomsk, TSU Press, 2021. 615 p. (in Russ.)
- Liu Depei.** Nachal'nyi etap bor'by s COVID-19 v Kitae: vsgliad iznutri [Initial Stage of the Fight against COVID-10 Pandemic in China: a view from inside]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 126–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-126-130
- Liu Depei, Kemisaluofu Xieergai.** Guanzhuang bingdu zuowei zhengzgi yinsu: SARS-CoV-2 qiyuande zhong-xi banben ji qi zhiliao fangfa [刘德佩、科米萨罗夫·谢尔盖。冠状病毒作为政治因素：SARS-CoV-2 起源的中西版本及其治疗方法]. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions* (online), 2021, vol. 4, article 020510371, pp. 1–18. URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12656/thebeacon.4.020310371>. (in Chin.)
- Petroglyphy Kitaia: istoriia izucheniia i vajneishiie pamiatniki [Petroglyphs of China: the History of Study and the most Important Sites]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 218 p. (in Russ.)
- Talanofu Bao. An.** Wode Silu rensheng [塔拉诺夫·鲍·安。我的丝路人生] = **Talanov B. A.** Ne Shelkovyi put'. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 114 p. (in Chin.)
- SARS-CoV-2 and Coronacrisis: Epidemiological Challenges, Social Policies and Administrative Strategies. Ed. by E. I. Legach, K. S. Sharov. Singapore, Springer, 2021, XXVIII, 382 p.

Информация об авторах**Би Синьхуэй**, доцент**Юлия Анатольевна Азаренко**, старший преподаватель**Information about the Authors****Bi Xinhui**, Associate Professor**Iuliia A. Azarenko**, Senior Teacher

*Статья поступила в редакцию 23.01.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted on 23.01.2022;
approved after review on 27.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022*

Научная статья

УДК 070.431.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-173-181

新华网俄语版的对外传播力调查与分析

杨蓉

新疆大学

中国新疆乌鲁木齐市

1813549087@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9706-1931>

摘要

新华网是新华社的门户网站，也是中国最具有全球影响力的中文网站，其俄语版网页面面向全球俄语读者发布关于中国特别是当今中国的信息，在传递中国声音、促进相互了解和民心相通等方面发挥着窗口和桥梁作用。调查分析新华网在俄语世界的传播状况，可以了解其对外传播的能力与效度，也为相关媒体提供借鉴与经验。

实现新闻传播力的关键在于实现传播广度与效度的合理融合。本次调查分为传播数量调查与传播效度调查两个层面，以全球最大的数字化新闻数据库 Factiva - Global News Monitoring & Search Engine | Dow Jones 提供的数据信息为依据，从 6 个关于中国的代表性关键词入手，调查近 10 年来新华网对相关内容的发布情况。调查结果显示：6 个关键词在新华网标题中的平均显示率占全网的 20%，在一定程度上提升了中国在全网的显示度，实现了信息的有效覆盖。通过与外媒相关专题文本的高频词词云进行对比并开展线性回归分析证明：新华网高频词的出现次数会对外网相关数值产生显著的正向影响，其传播是积极有效的。

调查也反映出新华网在对外传播方面存在问题与不足，主要体现在：标题传播总量和连续性不足、与外媒在关注点上存在差异。作为独联体国家了解中国的重要窗口，新华网需要进一步提升文本总量，特别要注重文本的标题设计，使之更符合网络受众的阅读习惯，同时要兼顾受众的信息需求与接受心理，以求从规模和效果等多方面不断提高对外传播力和影响力，为俄语世界持续提供关于中国的优质信源。

关键词

新华网；标题关键词；词云；对外传播力

基金项目

本文为国家社会科学基金项目阶段性成果，成果名称：《俄罗斯主流媒体对新时代中国特色社会主义的报道与评价研究》，批准号：20BKS177。

© Ян Жун, 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 173–xx

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 173–xx

Investigation and Analysis on the International Communication Capability of Xinhuanet Russian Version

Yang Rong

Xinjiang University
Urumchi, China

1813549087@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9706-1931>

Abstract

Xinhuanet is a portal of Xinhua News Agency, which is also the most globally influential Chinese website in China. Its Russian version publishes information about China, especially today's China to Russian speakers around the world, provides a window and bridge function in transmitting China's voice, promoting mutual understanding and people-to-people ties. Investigation and analysis of ИА Синьхуа in the Russian-speaking world propagation status, can understand its capabilities and validity of international communication, and also provide reference and experience for relevant media. The key to realizing the capability of news communication is to integrate propagation breadth and validity properly. This survey, is divided into two levels of propagation quantity surveys and propagation values, with data information based on Factiva-Global News Monitoring & Search Engine | DOW Jones, the world's largest digital news database. Starting with six representative keywords about China, this survey investigated the release of relevant content on ИА Синьхуа in the last ten years. The results of the survey showed that, the average display rate in the ИА Синьхуа headlines is 20% of the whole network, which has enhanced the display degree of China on the Internet and achieved the effective coverage of information in a certain extent. Through the comparison and linear regression analysis of the word cloud of high-frequency words with relevant thematic texts in foreign media, it is proved that the frequency of high frequency words in ИА Синьхуа has a significant positive impact on the related values of foreign websites, and the dissemination of which is actively effective. The survey also reflects that there is a problem and deficiency in ИА Синьхуа in terms of international communication, which are mainly reflected in the lack of total volume and continuity of headline dissemination and the difference in focus with foreign media. As an important window for the CIS countries to understand China, ИА Синьхуа needs to further improve the total text volume, especially pay attention to the headlines design of the text, to make it more in line with the online audience's reading habits. At the same time, in order to continuously improve the external communication power and influence from many aspects such as scale and effect, and continue to provide high-quality information about China for the Russian-speaking world, it is necessary to take into account the information needs and receptive psychology of the audience.

Keywords

Xinhuanet; headlines keyword; word cloud; propagation capability

Acknowledgements

This article is a phased achievement of the National Social Science Foundation Project of China. Achievement name: "News Report and Evaluation of Russian mainstream media on socialism with Chinese characteristics for a new era".

Approval number: 20BKS177

For citation

Yang Rong. Investigation and Analysis on the International Communication Capability of Xinhuanet Russian Version (in Chin.). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 173–181. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-173-181

Изучение и анализ влиятельности русской версии сайта информационного агентства «Синьхуа» за рубежом

Ян Жун

Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

1813549087@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9706-1931>

Аннотация

Портал информационного агентства «Синьхуа» (далее – ИА Синьхуа) является наиболее влиятельным китайским веб-сайтом. Для глобальной русскоязычной аудитории имеется специальная версия сайта ИА Синьхуа, где публикуется разнообразная информация о Китае, в особенности о Китае современном. ИА Синьхуа транслирует голос Китая, содействует взаимопониманию и налаживанию контактов между людьми, его материалы позволяют увидеть Китай глазами самих китайцев. Изучение диапазона распространения информации ИА Синьхуа в русскоязычном мире дает возможность оценить уровень авторитетности его материалов и результативности вхождения в зарубежное информационное пространство, результаты анализа могут представлять интерес для других китайских СМИ, стремящихся использовать передовой опыт. Основой успешного распространения новостей является разумное сочетание наращивания охвата аудитории и эффективности подачи информации. Наше исследование эффективности работы ИА Синьхуа основано на данных, предоставленных крупнейшей в мире цифровой базой данных новостей «Фактива» компании «Доу Джонс» и проведено в двух аспектах: количественные показатели и анализ эффективности распространения. Мы начали изучение с шести репрезентативных ключевых слов о Китае в публикациях соответствующего контента ИА Синьхуа за последние 10 лет. Результаты исследования показывают, что заголовки материалов ИА Синьхуа, содержащие шесть ключевых слов выборки, в среднем составляет 20 % от заголовков всех материалов интернета, включающих эти слова, что в определенной мере отражает рост упоминаний Китая в интернете и возросший уровень распространения информации о Китае в целом. Сравнение с облаком этих высокочастотных слов в соответствующих тематических текстах зарубежных СМИ, а также линейный регрессионный анализ доказывают, что количество вхождений элементов выборки в материалы ИА Синьхуа оказывает значительное положительное влияние на количество их упоминаний в зарубежных ресурсах интернета, повышают узнаваемость обозначаемых ими явлений для иностранной аудитории. Исследование также отражает проблемы и недостатки ИА Синьхуа в плане освоения зарубежного медиапространства, которые в основном выражаются в недостаточном количестве и частоте употребления ключевых слов в заголовках, а также в различиях в фокусе между ИА Синьхуа и зарубежными СМИ. С точки зрения авторов, ИА Синьхуа необходимо увеличить общее количество текстов, стремиться, чтобы заголовки больше соответствовали привычкам чтения целевой онлайн-аудитории. В то же время, необходимо учитывать информационные потребности и психологию принятия аудитории, чтобы постоянно улучшать влиятельность средств коммуникации с внешним миром с точки зрения масштаба и эффективности и обеспечивать русскоязычный мир постоянным источником качественной информации о Китае.

Ключевые слова

Информационное агентство «Синьхуа»; ключевые слова в заголовках; облако слов; влиятельность за рубежом

Благодарности

Данная статья является промежуточным результатом исследовательского проекта китайского государственного фонда общественных наук «Изучение публикаций о социализме с китайской спецификой в новую эпоху в ведущих российских средствах массовой информации». Номер проекта: 20BKS177

Для цитирования

Ян Жун. Изучение и анализ влиятельности русской версии сайта информационного агентства «Синьхуа» за рубежом (на кит. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 173–181. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-173-181

新华网 (<http://www.xinhuanet.com>) 是新华社的门户网站, 建立于 1997 年, 是国内最具影响力的新闻网络媒体。作为具有全球影响力的中文网站, 新华网还拥有多种外语频道, 担负着向世界传递中国声音的庄严使命, 其中, 俄语版网页 (ИА

Синьхуа-<http://russian.news.cn/index.htm>) 服务于全球俄语读者特别是独联体国家的网媒受众, 在传播和宣传中国形象, 促进民心相知、相通等方面发挥着不可替代的作用。调查分析新华网俄语版(以下简称为新华网)在俄语世界的传播状况, 可以为国内相关网络媒体提供借鉴与经验, 有助于提高对外传播的能力与效度。

一、调查设计原则¹

实现新闻传播力的关键在于传通并有效, 实现信息的有效覆盖程度[Дин Байцюань, 2018. С. 6], 即实现传播广度与效度的合理融合。规模化的信息发布数量是拓展传播广度的基础, 在此方面源媒体具有一定的主导力, 而对传播效果的考察涉及其他媒体与受众, 角度也会更加复杂与多样。本次针对新华网对外传播力的调查分为传播数量调查与传播效度调查两个层面。

本次量化调查以全球最大的数字化新闻数据库——道琼斯 Factiva 新闻数据库 (Factiva – Global News Monitoring & Search Engine | Dow Jones, <https://www.dowjones.com/professional/factiva/>) 提供的数据库信息为依据。该数据库信息源于全球近 200 个国家和地区的 36000 余家媒体, 28 种语言, 包括报纸、行业期刊杂志、通讯社、商业网站、著名博客等多种媒介形式。通过调查可以了解新华网的信息发布规模与覆盖状况, 概览其在全球的传播广度。

本次调查选取 6 个关于中国的代表性关键词进行搜索, 调查目标为 2012 年至 2021 年底新华网对相关内容的发布状况。鉴于关键词的全文显示数量并不能反映文本核心内容是否与其密切相关, 也不能反映文本数量, 同时考虑到互联网读者的阅读特点以标题及首段浏览为主, 本次调查采取了标题关键词搜索的方式, 以求排除干扰信息, 尽力保障调查数据的合理有效。关键词搜索词条列表如下:

表一、搜索词条列表

序号	俄文搜索词	中文对照
1	Китай	中国
2	социализм с китайской спецификой ²	中国特色社会主义
3	китайская мечта ³	中国梦
4	прекрасный Китай ⁴	美丽中国
5	сообщество единой судьбы человечества ⁵	人类命运共同体
6	Один пояс и один путь ⁶	“一带一路”

针对新华网传播效果的考察以同国外媒体进行关键词词云对比为主。新华网等国内主流媒体对外传播的主旨在于向世界宣介中华文明、中国精神与中国社会等“中国”元素, 对“中国特色社会主义”等原创性思想与理论的解读应当成为外媒的重要信源并发挥舆论引领作用。通过对搜索同一关键词所得文本析出的词云进行对比, 可以了解新华网作为源媒体对外网产生的影响程度, 为综合观察新华网的对外传播能力提供具体依据。

¹ 本文以实证调查为基础, 在此之前参阅的主要文献有: [Ли Нуань, 2019; Лю Шуан, Чжан Кунь, 2021; Юань Хао, 2020; Юй Цзян, Ли Вэньцзянь, 2021]。

² 见: [Си Цзиньпин, 2018. С. 3]、[Ключевые слова..., 2016. С. 6]。

³ 见: [Ключевые слова..., 2016. С. 2]。

⁴ 见: [Ключевые слова..., 2016. С. 40]。

⁵ 见: [Си Цзиньпин, 2018. С. 744]、[Ключевые слова..., 2016. С. 198]。

⁶ 见: [Ключевые слова..., 2016. С. 224]。

二、新华网俄语版的专题传播量调查与分析

新闻标题能够第一时间吸引读者的注意力，发挥出文章的实际传播作用[Чжан Куньфэн, 2021. С. 104]。在报道标题中进行关键词搜索的结果显示：全网出现频率最高的是“中国”一词，年均 1.8 万余次。其他依次为“一带一路”“中国梦”“美丽中国”“中国特色社会主义”和“人类命运共同体”，各专题总量差值明显。

新华网各专题在全网所占比例从最高 41% 到最低 9.3% 不等，其中将“中国特色社会主义”列入标题的文本共计 16 篇，占到全网总量的 41%。“美丽中国”和“人类命运共同体”均占比 22% 左右，所不同的是，“美丽中国”有 11 篇，而自 2012 年习近平主席在十八大报告中提出“人类命运共同体”这一理念以来，全网将其列入标题的报道共 9 篇，其中新华网仅有 2 篇。“中国”一词在标题中显示的总量虽然庞大，超过两万篇，但占比只有 10.9%，仅略高于“一带一路”（9.3%），同时低于“中国梦”的占比（14.8%）。关键词在标题与首段的显示结果与此大体相同，但占比数值偏低，从 28.8% 至 4.6% 不等。

表二、关键词标题显示量及新华网占比统计

序号	关键词	全网总量/篇	新华网总量/篇	新华网占比
1	социализм с китайской спецификой	39	16	41%
2	сообщество единой судьбы человечества	9	2	22.2%
3	прекрасный Китай	50	11	22%
4	китайская мечта	101	15	14.8%
5	Китай	182541	20047	10.9%
6	Один пояс и один путь	193	18	9.3%

以上结果表明：

首先，相关关键词在新华网具有一定显示度。新华网有关中国的关键词在标题中显示总量稳定，特别是含有“中国”一词的标题文本超过 2 万篇，6 个专题关键词的平均显示率占全网的 20%，提升了中国在全网的显示度，在一定程度上实现了有效覆盖。

其次，新华网各专题关键词显示数量不均。在 6 个专题关键词中，

高于和低于新华网平均显示率的各 3 个，其中最大值差超过 30%。从篇数来看，除去总量最大的“中国”一词外，“一带一路”在新华网标题中显示 18 次，而“人类命运共同体”仅为 2 次，显然会影响受众对这一理念的了解，表明传播力度不均衡。

第三，新华网与外媒关注点不同。新华网在标题文本数量上具有

一定的稳定性，但各专题所占比例与外媒有所不同。如外媒关注度最高的是“一带一路”倡议，说明其在全球范围内特别是周边俄语国家获得了有效传播，而新华网占比最高的关键词是“中国特色社会主义”这类原创性理论概念，与外媒在关注重点上存在差异。

三、新华网俄语版词云影响力调查与分析

“词云”这一概念产生与 2006 年，是对网络文本中出现频率较高的关键词的突显，通常表现为不同形式的关键词群。词云可以过滤掉大量的文本信息，使网页浏览者得以快速捕捉文本的核心内容，被认为是最适合网络的传播方式，也是最有效的传播方式。

本次调查所选取的 6 个关键词中除“中国”一词之外均为中国政府结合本国实际提出的创新性理论、概念或倡议，具有鲜明的本土化特征。通过新华网与外网之间的词云对比，可以在一定程度上体现新华网在对外介绍和推广上述内容方面产生的辐射效应，从侧面反映新华网的对外传播效果。

通过对系统从各专题文本中析出的 6 个关键词云进行统计发现：全网词云中使用频率排在前五位的高频词群由 3 个形容词、1 个名词和 1 个名词性词组构成。各词在全网词云中的显示量和新华网所占比例如图：

表三、新华网词云高频词占全网比例

序号	高频词条	全网/次	新华网/次	新华网占比
1	новый (新的)	12	6	50%
2	китайский (中国的)	14	7	50%
3	народ (人民)	7	3	42.8%
4	международный(国际的)	6	2	33.3%
5	китайская мечта(中国梦)	4	1	25%

将以上高频词在新华网的出现次数作为自变量，将其在外网的出现次数作为因变量进行线性回归分析后得出下列结果：

线性回归模型 R 方值为 0.975，说明其在新华网的出现次数可以解释 97.5% 的外网次数变化原因。对模型进行 F 检验 ($F=117.600$, $p=0.002<0.05$)，也说明高频词在新华网的出现次数会对其在外网的出现次数产生影响。通过总结分析可知：高频词在新华网出现次数的回归系数值为 0.627 ($t=10.844$, $p=0.002<0.01$)，意味着其在新华网的出现频率会对在外网的出现频率产生显著的正向影响关系，由此证明新华网对相关内容的传播是积极有效的。

四、问题与建议

调查数据显示：新华网有关今日中国话题的传播卓有成效，无论话题发布占比还是词云影响力均显而易见，但同时也反映出一些问题与不足，值得认真思考与应对。

首先，标题传播总量需要提升。新华网关键词的标题显示总量较为有限，个别专题显示度偏低。相对于国外媒体更常在标题和文本首段出现关键词的行文特征，新华网的此类文本总量不足。例如：自“人类命运共同体”理念提出后，新华网仅在 2018 年和 2020 年分别发布以此入题的文本各 1 篇，另有在首段显示该词的文本 7 篇。而与此同时，俄罗斯、哈萨克斯坦等国媒体则连年刊载相关标题文章，加之首段显示，文本总量达到 35 篇。虽然新华网标题及首段显示该关键词的文本占比接近 26%，但年均仅 1.8 篇，明显低于外媒的年均 7 篇。

总量不足会直接影响到信息的覆盖率和显示度。“人类命运共同体”理念是新时代中国特色社会主义思想体系的重要创新内容，作为全中国最具有代表性的对外信息发布平台，新华网应当充分发挥信源作用，形成规模优势，广泛、深入地向全网俄语受众宣介与阐释，引导境外媒体与受众正确理解相关理论内涵，获得更加积极的传播效益。

其次，专题传播的连续性有待加强。信息发布的连续性同时反映了传播的强度，持续的、规模化的专题显示有助于强化受众印象，巩固传播效果。新华网在标题中关键词的显示数量上存在间断和不均衡的情况。以“中国梦”为例，2012 年 11 月习近平主席正式提出这一重要执

政理念, 10年间新华网发布以此入标题的专题文本 15 篇, 其中 2013 年达到 7 篇, 但有 5 个年份未搜索到相关标题, 详见下表:

表四、“中国梦”标题搜索结果列表

序号	年份	全网/篇	新华网/篇
1	2012	2	0
2	2013	31	7
3	2014	12	3
4	2015	6	0
5	2016	5	2
6	2017	16	2
7	2018	11	0
8	2019	6	1
9	2020	5	0
10	2021	7	0
总计		101	15

由此可见, 新华网在主要关键词的标题传播方面不仅总量有限, 还存在间断与年度分布不均的情况, 并且这一现象具有普遍性。新华网应当在年度标题显示充分与稳定的基础上保持连续性, 避免出现间断, 以此强化传播效率。

第三, 合理平衡关注点差异。新华网与外媒对不同专题的关注度存在较为明显的差异, 其成因较为复杂。一方面是各自的信息传递需求不同, 如新华网更需要宣介创新性理论, 以使世界更多地了解中国政府的执政理念与指导思想, 而大部分境外特别是周边国家的俄语媒体更倾向于宽泛地报道中国, 更多聚焦于会对本地区产生影响的中国主张。另一方面, 也存在新华网缺少有意识地设计对外信息专题的可能性, 即仅从自身传播需要出发而忽略外媒或外国读者的特点与需求。

要克服这一问题, 需要重视和了解外媒及其受众需要, 加强传播内容的针对性, 统筹规划专题, 在有关中国的话题上发挥中国主流媒体的引领作用。如外媒对“一带一路”话题关注度较高, 就应为其提供更有深度的信源; 外媒对人类命运共同体理念关注有限, 就应加大传播力度, 为其提供更多专题文本选择, 以缩小与外媒之间的焦点矛盾。

总之, 作为独联体国家了解中国的重要窗口, 新华网需要进一步提升文本总量, 特别要注重文本的标题设计, 使之更符合受众的阅读习惯。同时, 要兼顾受众的信息需求与接受心理, 以求从规模和效果等多方面不断提高对外传播力和影响力, 为俄语世界持续提供高质量的有关于中国的信息来源。

参考文献

- Ключевые слова Китая = Чжунго гуаньцзяньци [中国关键词] / Управление Китая по изданию и распространению лит. на иностр. яз.; Ин-т переводоведения Китая; пер. Су Юэминь. Пекин: Синь Шицзе, 2016. 529 с. (на рус. и кит. яз.)
- Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2018. Т. 2. 802 с. (на рус. яз.)

- Дин Байцюань.** Лунь синьвэнь юйлунь чуаньболи, иньдаоли, инсянли, гунсиньли [丁柏铨。论新闻舆论传播力、引导力、影响力、公信力 // 新闻爱好者] О новостях с точки зрения распространения общественного мнения, его формирования, авторитетности и доверия социума // Синьвэнь айхаочжэ. 2018. № 1. С. 4–8. (на кит. яз.)
- Ли Нуань.** Тасы шэ гуаньюй Си Цзиньпин чжиго личжэн синь сысян баодао фэньси [李暖。塔斯社关于习近平治国理政新思想报道分析 // 对外传播] Анализ публикаций информационного агентства ТАСС о книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» // Дуйвай чуаньбо. 2019. № 9. С. 39–42. (на кит. яз.)
- Лю Шуан, Чжан Кунь.** Данцянь Чжунго гоцзи чуаньбо яньцзюдэ ити кайчжань юй хуаюй цзяньгоу [刘爽、张昆。当前中国国际传播研究的议题拓展与话语建构 // 传媒观察] Вопросы расширения тематики и построения дискурса в исследованиях средств коммуникации современного Китая с миром // Чуаньмэй гуаньча. 2021. № 12. С. 26–31. (на кит. яз.)
- Чжан Куньфэн.** Мэйцзе бяньцянь шиэ ся синьвэнь бяотидэ фачжань цзи инсян [张昆峰。媒介变迁视野下新闻标题的发展及影响 // 中国报业] Развитие и влияние новостных заголовков массмедиа для расширения аудитории // Чжунго баоэ. 2021. № 22. С. 104–105. (на кит. яз.)
- Юй Цзян, Ли Вэньцзянь.** Синь цзовэй, синь луньдуань юй синь луцзин: Синь шидай цзяцянь гоцзи чуаньбо нэнли цзяньшэдэ цзайсыкао [余江、李文健。新作为、新论断与新路径: 新时代加强国际传播能力建设的再思考 // 求是学刊]. Новые действия, новые выводы и новые пути: новые мысли о создании усиленных возможностей международной коммуникации в современную эпоху // Цюши сюэкань. 2021. № 6. С. 12–19. (на кит. яз.)
- Юань Хао.** Жэньлэй минъюнь гунтунти яньцзю вэньсянь цзилян фэньси – цзянь тань цзай Элосы дэ цзешоу юй фаньин [袁昊。人类命运共同体研究文献计量分析——兼谈在俄罗斯在接受与反应 // 天津外国语大学学报]. Библиометрический анализ Сообщества единой судьбы человечества – с обсуждением восприятия [этой концепции] и реакции на нее в России // Тяньцзинь вайгоу дасюэ сюэбао. 2020. № 2. С. 45–53. (на кит. яз.)

References

- Ding Baiquan.** Lun xinwen yulun chuanboli, yindaoli, yingxiangli, gongxianli [丁柏铨。论新闻舆论传播力、引导力、影响力、公信力 // 新闻爱好者] News Public Opinion Communication, Guiding Force, Credibility. *Xinwen aihaozhe* [News Lovers], 2018, vol. 1, pp. 4–8. (in Chin.)
- Kliuchevye slova o Kitae = Zhongguo guanjianci [中国关键词] Keywords to understand China / Zhongguo guanjianci tushu bianweihui [中国关键词图书编委会] Chinese keywords Editorial Committee. Beijing: *New World Press*, 2016, 247 p. (in Russ. & Chin.)
- Xi Jinping.** Si Czin'ping o gosudarsnvennom upravlenii [Xi Jinping: The Governance of China]. Beijing, Izdatel'stvo literatury na inostrannyh iazykah, 2018, vol. 2, 802 p. (in Russ.)
- Li Nuan.** Tasishe guanyu Xi Jinping zhiguo lizheng sixiang baodao fenxi [李暖。塔斯社关于习近平治国理政新思想报道分析] News Report Analysis of TASS on Xi Jinping The Governance of China New Ideology. *International communications* [对外传播]. 2019, vol. 9, p. 39–42. (in Chin.)
- Liu Shuang, Zhang Kun.** [刘爽、张昆。当前中国国际传播研究的议题拓展与话语建构 // 传媒观察] Topic Expansion and Discourse Construction of Current International Communication Studies in China. *Chuanmei guancha* [Mediaobserver]. 2021, vol. 12, pp. 26–31. (in Chin.)
- Yu Jiang, Li Wenjian.** Xin xingwei, xin lunduan yu xin lujing: Xin shidai jiaqiang chuanbo nengli jianshede zaisikao [余江、李文健。新作为、新论断与新路径: 新时代加强国际传播能力建设的再思考 // 求是学刊] New Practices. New Viewpoints, and New Approaches: Rethinking

the Strengthening of China's International Communication Capacity in the New Era // *Qiushi xuekan* [For the Truth]. 2021, vol. 6, pp. 12–19. (in Chin.)

Yuan Hao. Renlei mingyun gongtongti yanjiu wenxian jiliang fenxi – jian tan zai Eluosi de jieshou yu fanying [袁昊。人类命运共同体研究文献计量分析——兼谈在俄罗斯在接受与反应 // 天津外国语大学学报] A Bibliometric Analysis of a Community with a Shared Future for Humanity and Its Dissemination in Russia. *Tianjin waiguoyu daxue xuebao* [J. of Tianjin Foreign Studies Univ.]. 2020, vol. 2, pp. 45–53. (in Chin.)

Zhang Kunfeng. Meijie bianqian shiye xia xinwen biaotide fazhan ji yingxiang [张昆峰。媒介变迁视野下新闻标题的发展及影响 // 中国报业]. The Development and Impact of News Headlines in the Perspective of Media Change. *Zhongguo baoye* [Chinese press]. 2021, vol. 22, pp. 104–105 (in Chin.)

Информация об авторе

Ян Жун, профессор

Information about the Author

Yang Rong, Professor

Статья поступила в редакцию 23.01.2022;

одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 31.01.2022

The article was submitted on 23.01.2022;

approved after review on 27.01.2022; accepted for publication on 31.01.2022

Краткое сообщение

УДК 303.833.6

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-182-184

Научно-практическая конференция «Историческое наследие и кросс-культурные связи на Великом Шелковом пути»

Чжао Пань ¹

Насима Шайхетдиновна Николаева ²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ 2473590526@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9602-432X>

² nasimka83@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4721-9942>

Аннотация

Представлен отчет о научно-практической конференции, проведенной 1–2 ноября 2021 г. в стенах НГУ. Конференция имела международный статус, так как в ней приняли участие 23 иностранных ученых из пяти стран. На заседаниях обсуждался широкий спектр актуальных вопросов, связанных с историей, археологией, экономикой и культурой Китая, изучением и преподаванием китайского языка и т. п. На пленарном заседании выступил специальный гость, почетный профессор Университета штата Вашингтон Дэниель Во.

Ключевые слова

международная конференция, Великий Шелковый путь, кросс-культурные отношения, Институт Конфуция

Для цитирования

Чжао Пань, Николаева Н. Ш. Научно-практическая конференция «Историческое наследие и кросс-культурные связи на Великом Шелковом пути» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 182–184. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-182-184

Scientific-Practical Conference “Historical Heritage and Cross-Cultural Contacts on the Great Silk Road”

Zhao Pan ¹, Nasima Sh. Nikolaeva ²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ 2473590526@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9602-432X>

² nasimka83@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4721-9942>

Abstract

A report on the scientific and practical conference held on November 1–2, 2021 in Novosibirsk State University is presented. The conference has an international status, because of 23 foreign participants from 5 countries. A wide range of topical issues related to history, archaeology, economy and culture of China, to studying and teaching Chinese etc. was discussed at the conference. And among the speakers on the plenary was presented online our special guest Daniel Waugh, Professor Emeritus of the Washington State University.

Keywords

International conference, the Great Silk Road, cross-cultural relations, Confucius Institute

For citation

Zhao Pan, Nikolaeva N. Sh. Scientific-Practical Conference “Historical Heritage and Cross-Cultural Contacts on the Great Silk Road”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 182–184. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-182-184

© Чжао Пань, Николаева Н. Ш., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 182–184

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 182–184

В период 1–2 ноября 2021 г. в рамках III Международного научного форума «Наследие» в НГУ состоялась уже шестая научно-практическая конференция по проблематике Великого Шелкового пути как одна из важнейших составляющих проекта «Институт Конфуция» гуманитарного института НГУ¹. Мероприятие проводилось при поддержке Института археологии и этнографии СО РАН и основного партнера по данному проекту – Синьцзянского университета (г. Урумчи, КНР).

Конференция прошла в смешанном формате, значительная часть докладов была представлена дистанционно. Тем не менее, ряд ученых из Института Дальнего Востока, Сибирского федерального, Томского и Алтайского университетов сумели приехать в Новосибирск; они оказали большую помощь в работе секций. Всего была зарегистрирована 71 заявка на участие, выступили 59 чел. из 35 образовательных и научно-исследовательских учреждений 20 городов России и зарубежных стран. Российские участники представляли учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Оренбурга, Екатеринбурга, Томска, Барнаула, Красноярска, Благовещенска, Хабаровска, в том числе ведущие востоковедные центры, такие как Институт Дальнего Востока и Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ и восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Многочисленная новосибирская команда объединяла представителей большинства вузов, где преподается китайский язык (НГУ, НГТУ, НГПУ, СГУПС, СИУ – филиал РАНХиГС) и ученых ИАЭТ СО РАН. Международный статус конференции обеспечивали 23 иностранных участника. Как и предполагалось, самой большой была группа китайских специалистов, причем не только из Синьцзянского университета-партнера, но и из Народного университета (Пекин, КНР), Китайского университета политологии и права (Пекин, КНР), Столичного педагогического университета, Шаньдунского университета в г. Цзинань, Сианьского университета иностранных языков. Республику Корея представляли два университета – сеульский Кёнхи и Пусанский; Казахстан был представлен Центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО (г. Алматы), Германия – Лейпцигским университетом. Одной из примечательных черт данной конференции стало участие в ее работе известного ученого, почетного профессора Университета штата Вашингтон (г. Сиэтл, США) Дэниела Во, который на протяжении многих лет возглавлял проект по изучению Великого Шелкового пути в своем вузе. Он выступил на пленарном заседании с интересным докладом по историографии российских археологических изысканий в Монголии.

Открылась конференция приветственными словами начальника управления экспорта образования НГУ Е. И. Сагайдак и начальника отдела международных связей и сотрудничества Синьцзянского университета г-н Ли Сяодун, а также сердечными поздравлениями в адрес юбиляра – зав. кафедрой востоковедения ГИ НГУ, д-ра ист. наук Е. Э. Войтишек, которой и было предоставлено право выступить с заглавным докладом (о взаимодействии кафедры востоковедения с Институтом Конфуция). Завершил работу пленарного заседания член Российского совета по международным делам, д-р полит. наук В. Е. Петровский, обосновавший актуальность работы в аспекте стрессоустойчивости российско-китайских отношений.

Далее два дня шли заседания по четырем секциям: «Археологический и палеоэтнологический пояс Великого Шелкового пути» (17 докладов); «Кросскультурные контакты в истории, литературе, искусстве Китая и сопредельных территорий» (14 докладов); «Вопросы экономики, культуры и геополитики в зоне развития инициативы “Один пояс, один путь”» (12 докладов); «Изучение и методика преподавания китайского и русского языка как иностранного в Китае, России, странах Центральной Азии. Вопросы переводоведения» (16 докладов).

Большая нагрузка по организации полноценного полилога легла на председателей секций (проф. С. А. Комиссаров, д-р ист. наук А. И. Соловьев, канд. ист. наук Д. П. Шульга, проф. В. Г. Дацышен, проф. В. Н. Пластун, проф. Е. В. Савкович, руководители Института

¹ Информацию о предыдущих конференциях см.: [Азаренко, Би Синьхуэй, 2020; Азаренко, Комиссаров, 2020].

Конфуция ГИ НГУ с российской и китайской стороны Ю. А. Азаренко и Би Синьхуэй), и они в целом справились со своими задачами. Хотелось бы особо отметить высокий уровень информационно-технического обеспечения конференции, предоставивший возможность не только заслушивать доклады, но и вести плодотворную дискуссию ученым из разных стран. В настоящее время опубликован сборник тезисов [Историческое наследие..., 2021]; продолжается прием статей участников для публикации сборника материалов.

Список литературы

- Азаренко Ю. А., Би Синьхуэй.** Международная научно-практическая конференция «Россия, Китай, Великий Шелковый путь: история кросскультурных контактов» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 168–172. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-168-172
- Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А.** От редакторов // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Материалы науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 31 окт. – 1 нояб. 2020 г.). Новосибирск: НГУ, 2020. С. 6–7.
- Историческое наследие и кросскультурные связи на Великом Шелковом пути: Сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 нояб. 2021 г.) III Междунар. науч. форума «Наследие» / Отв. ред. С. А. Комиссарова, Ю. А. Азаренко. Новосибирск: НГУ, 2021. 100 с.

References

- Azarenko Yu. A., Bi Xinhui.** International Scientific-Practical Conference “Russia, China, the Great Silk Road: A History of Cross-Cultural Contacts”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, pp. 168–172. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-168-172
- Azarenko Yu. A., Komissarov S. A.** Ot redaktorov [From the editors]. In: *Shelkovyi put': Istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie: Mat-ly nauch.-prakt. konf. (g. Novosibirsk, 31 okt. – 1 noyab. 2020 g.)* [Silk Road: historical heritage and modern development: Materials of scientific-practical conference (Novosibirsk, 31 Oct. – 1 Nov. 2020)]. Novosibirsk, NSU Publishing, 2020, pp. 6–7. (in Russ.)
- Istoricheskoe nasledie i krosskul'turnye svyazi na Velikom Shelkovom puti: Sb. tez. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (1–2 noyab. 2021 g.) III Mezhdunar. nauch. foruma «Nasledie»* [Historical heritage and cross-cultural contacts on the Great Silk Road: Collections of abstracts of International scientific-practical conference (1–2 November, 2021) as a part of International Forum “The Heritage”]. S. A. Komissarova, Yu. A. Azarenko (eds). Novosibirsk, NSU Publishing, 2021, 100 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Чжао Пань, ассистент

Насима Шайхетдиновна Николаева, старший преподаватель

Information about the Authors

Zhao Pan, assistant

Nasima Sh. Nikolaeva, senior teacher

*Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 11.02.2022
The article was submitted on 07.02.2022;
approved after review on 09.02.2022; accepted for publication on 11.02.2022*

**Памяти
Людмилы Васильевны Тюрюминой
(1940–2022)**

Известный маньчжурист Л. В. Тюрюмина родилась в 1940 г. в г. Горно-Алтайске. Отец ее, Василий Ешевич Ешев, участник Великой Отечественной войны, был из алтайского рода Мундус, работал на руководящих должностях в партийном и профсоюзном аппаратах. Мать, Ешева Татьяна Степановна, русская, работала бухгалтером и занималась домашними делами. Почти все детство Людмилы Васильевны прошло в горах Алтая. В 1958 г. она окончила школу № 12 г. Горно-Алтайска и затем успела поработать на разных предприятиях, в том числе в Горно-Алтайском книжном издательстве.

После этого Л. В. Тюрюмина некоторое время обучалась в Новосибирском инженерно-строительном институте (Сибстрин) на факультете промышленного и гражданского строительства, но впоследствии перешла на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета (1962–1967 гг.). Ко времени окончания университета она под руководством блестящих знатоков тунгусо-маньчжурских языков и проблем общего языкознания Валентина Александровича Аврорина и Елены Павловны Лебедевой основательно овладела маньчжурским языком и прошла хорошую школу практического перевода. Темой дипломного проекта Л. В. Тюрюминой, защищенного на «отлично», стали «Маньчжурские источники об образовании государства чжурчжэней».

После окончания университета Л. В. Тюрюмина обучалась в аспирантуре при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (1969–1971 гг.), а с 1972 по 1990 годы работала переводчиком в секторе истории и археологии стран зарубежного Востока того же института. Здесь она продолжала интенсивную работу по переводу источников по истории средневековых народов Восточной Азии – чжурчжэней, киданей и маньчжуров. В рамках подготовки к переводу с маньчжурского языка «Дайляо гуруни судури» (кит. «Ляо ши») Л. В. Тюрюмина перевела с немецкого труд Х. К. фон дер Габеленца «Geschichte der Grossen Liao» (1877). Ханс Конон фон дер Габеленц – известный немецкий лингвист (1807–1874). Его изданный посмертно перевод на немецкий язык сокращенной маньчжурской версии «Ляо ши» был замечен западными исследователями, которые активно им пользовались и опирались на него в своих трудах. Маньчжурский вариант, в отличие от китайского, уделял основное внимание военному делу и политической истории.

Именно с работы над переводом Х. К. фон Габеленца и решено было начать грандиозный труд по вводу в оборот маньчжурских источников по истории восточноазиатских кочевых народов (киданей, чжурчжэней, монголов, маньчжуров), осуществленный в начале нынешнего века в Институте археологии и этнографии СО РАН (преемнике ИИФФ СО АН СССР). Речь шла об издании переводов маньчжурских вариантов китайских династийных историй «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши» – «Айсинь гуруни судури», «Дайляо гуруни судури» и «Дайюань гуруни судури». Эти династийные хроники – самые ранние из образцов мань-

чжурской литературы. Л. В. Тюрюмина участвовала в подготовке к публикации «Истории Золотой империи» чжурчжэней и «Истории Железной империи» киданей, первых четырех глав «Юань ши» – «Дай Юань гуруни судури». Все это делалось параллельно с осуществлением главного труда ее жизни – переводом с маньчжурского языка сложнейшего текста «Дайляо гуруни судури» («История государства киданей»).

Многие проблемы ранней маньчжурской истории было трудно решать на основе только китайских исторических текстов. В начале XX в. исследователи получили доступ к «Мукденскому дворцовому архиву». Именно там было найдено собрание исходных документов по ранней истории маньчжуров – «Мань-вэнь лао-дан» («Старый архив на маньчжурском языке»). Эту уникальную рукописную хронику обнаружил японский языковед Найто Торадзиро. Благодаря Л. В. Тюрюминой появилось его русское издание: Манвэнь лао дан. Старый архив на маньчжурском языке. Отв. ред. В. Е. Ларичев. Перевод и комментарии Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: ИАЭТ, 2013. – 276 с. В научный оборот введены первоисточники на маньчжурском языке, открывающие новые возможности отечественным историкам-востоковедам средневековой истории Центральной и Восточной Азии.

В последнее время Людмила Васильевна получила известность и благодаря изданию книги своих поэтических и художественных произведений «Очарованность... Снова она!». В ней она предстала как оригинальный поэт и художник. Книга с огромным интересом встречена самыми разными читателями, в том числе и на Алтае. Л. В. Тюрюмина скончалась 7 марта 2022 г. вследствие заболевания ковидом. Светлую память об этом удивительном человеке сохранят все, кто с ней когда-либо встречался – сотрудники сектора истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО АН, кафедр востоковедения и всеобщей истории НГУ, Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

Друзья и коллеги

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract
Keywords
Acknowledgements

Основной текст статьи
Список литературы
References
Информация об авторах
Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэнью. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishk E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishk E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. *Novosibirsk*, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).